

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

РЕЧЕВЫЕ И МЕНТАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Тезисы конференции

Москва

1995

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ОБЩЕСЛАВЯНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ЦЕСЛАВ)

РЕЧЕВЫЕ И МЕНТАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Тезисы конференции

Москва

1995

Оргкомитет: Т.М.Николаева (председатель), Л.Г.Невская, А.Ф.Литвина,
И.А.Седакова

ISBN 5-7576-0012-8

©Институт славяноведения
и балканистики РАН

К ПРОБЛЕМЕ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ: БЫТ, СОБЫТИЕ, РИТУАЛ.

В современной этологии проблема стереотипизации поведения животных традиционно трактуется в рамках теории адаптации -- как один из способов приспособления к окружающей среде. Существует, вероятно, и другая, не менее важная сторона данной проблемы: обращенность стереотипов на систему внутренних связей. В таком случае клишированные формы поведения приобретают диагностический статус. Схожесть реакций на те или иные внешние импульсы позволяет оперативно решать жизненно важную проблему отделения своего от чужого. Другими словами, стереотипы становятся своего рода значками, с помощью которых совершаются такие важнейшие в биосемиотическом плане операции, как распознавание, узнавание и в конечном счете -- "взаимопонимание".

В человеческом сообществе стереотипы выполняют сходные функции, участвуя в той постоянной игре смыслов, характер которой определяется необходимостью постоянно решать проблему сходства и различия во всех ее конкретных вариантах. Причем общая тенденция к снижению степени клишированности поведения приводит к тому, что диагностическая роль стереотипов лишь повышается.

Когда речь идет о стереотипах социального поведения, следует, видимо, иметь в виду эффект противостояния внешней и внутренней точек зрения. С внутренней точки зрения стереотипы не замечаются (ибо совершаются автоматически), они не входят в событийный ряд, но являют

обой естественный ход вещей, быт, обычай. С внешней точки зрения, например с позиции иностранца, именно обычай приобретает статус отмеченных явлений, что хорошо видно из записок иностранных путешественников по России.

Особое положение занимает такая специфическая форма клишированного поведения, как ритуал. Ритуалы "заметны" и изнутри традиции и извне. Этот феномен можно, вероятно, объяснить особенностями соотношения ритуала и внеположной ему реальности. В одних случаях с помощью ритуала эксцесс превращается в норму, в других -- норма приобретает статус события.

"Событийные" обряды трансформируют событие (напр. рождение или смерть) в постоянный, длительный процесс. Они как бы "растягивают" его, при этом само событие отходит на второй план. Так, сами роды -- лишь эпизод в структуре родильной обрядности. Ритуал рождения ребенка начинается задолго до родов, а завершается после крещения младенца. Ритуальная подготовка к смерти (напр. одежды, гроба и других атрибутов) начинается в некоторых традициях с детства (ср. хотя бы обычай собирать в течение всей жизни волосы, ногти, которые после смерти кладутся в гроб их владельцу). Окончательно умершим человек считается через весьма продолжительное время после биологической смерти (напр. по представлениям белорусов -- через 9 лет). Такое "растягивание" кратковременных событий (кстати, наиболее драматичных для коллектива) с помощью давно апробированных схем, переводило реальный факт в сферу условного, постепенного, зависящего от ритуала, что не давало никакой "экономии поведения", но имело необходимый психотерапевтический эффект.

Ритуалы второго типа ориентированы на создание, "конструирование" события. Долговременные процессы (такие как взросление) сжимаются, фокусируются в одну точку и приобретают статус события. С их помощью континуальное преобразуется в дискретное. В жизненном пути человека биологически четко определены лишь начало и конец. Все основные этапы не имеют отчетливых границ. Такая недоработка природы исправляется с помощью ритуала. В биологическую постепенность вводится определенность с помощью таких обрядов как инициация (или серия инициаций), свадьба. Благодаря им жизненный путь оказывается сегментирован, разбит на определенные этапы.

Разумеется, для этих обрядов существуют биологические предпосылки, но конкретные границы устанавливаются искусственно. Таким образом сегментируется время. Вероятно, именно с помощью ритуалов человек вышел из плена континуальности и создал свое (искусственное) время, воплощающееся в различного рода календарных системах.

В любом случае, ритуал - специфическая формула стереотипизированного поведения "вмешивается" в естественный ход жизни, и это вмешательство становится эксцессом как для его участников, так и для стороннего наблюдателя.

НЕДОГОВОРКИ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ.

Общение между людьми потому только интересно, что оно предполагает недостаточность, неполноту и неоднозначность. Возникающие лакуны возможны в рамках одной культуры в связи с изменениями психологического, экономического и политического характера в ходе ее эволюции. В публицистических, художественных и иных типах текста лакуны могут быть созданы намеренно, как особенности авторской повтики, как нарушение логики здравого смысла и прочее, как сознательное рассогласование социо-культурного фона коммуникации, используемое в качестве одного из приемов (может быть ведущего) при создании текста. Умолчание может быть красноречиво, его стилистическая и информативная значимость может количественно и качественно превышать аналогичные параметры самого текста. Недоговоренность характерна для бытовой речи, публицистики, некоторых направлений художественной литературы и отражается на семантико-грамматических проекциях из контекста и знаний ситуации (фрейма).

Под недоговорками понимаются незаконченные (преднамеренная или непреднамеренная стратегия построения речевого высказывания) устойчивые (носящие стереотипный характер) микро- или макротексты (кляше, пословицы, поговорки, побасенки и пр.), соотнесенные с определенной ситуацией и/или моделирующие ее.

Недоговорки могут строиться на базе фразеологических единиц разных типов, переменных синтагм, афоризмов, пословиц и поговорок, переменных предложений, анекдотов, "деловых" текстов (клише), сказок, побасенок, загадок, переменных вопросов-ответов. Недоговорки могут охватывать объем текста от элемента фразы до макротекста и диалога.

Психологической основой формирования и функционирования недоговорок в языке является теория ассоциаций (как она разрабатывалась в рамках школы объективной психологии В.М.Бехтерева). Эвристические стратегии процессов вербального мышления создают предпосылки для формирования текста как совокупности стереотипов или одного сплошного стереотипа. При этом необходимо учитывать фактор нормы, особенно при анализе создания инвективных текстов.

Основная трудность при исследовании недоговорок состоит в том, что они имеют языковую природу, то есть формируются через механизм языка, но их эффективность проявляется только в речи, выходя за рамки слова и словосочетания в текст. Задача исследования -- это анализ того, каким способом создается эффект обманутого или подтверждаемого ожидания. Это своего рода преднамеренный сбой в логике мышления, нарушение всякого рода стереотипов -- социальных, стереотипов мышления, поведения, языковых и др. Такие нарушения норм, стереотипов связаны с феноменом неожиданного, с эффектом "обманутого ожидания", описанным Р.О.Якобсоном и М.Риффатером, а также с феноменом коммуникативных неудач в трактовке М.Ю.Лотмана и других представителей московско-тартуской школы семиотики.

Структурный анализ недоговорок включает в себя исследование по следующим параметрам: правила объективного порядка и организации

(иерархическая, функциональная, линейная, логическая, количественная, аксиологическая, антропонимическая), взаимодействие коммуникативных и смысловых факторов при реализации отношений пояснения (контактность-дистантность, согласованность-рассогласованность, упорядоченность-неупорядоченность).

Семантический анализ недоговорок как теста с точки зрения возможности/доступности для понимания позволяет проследить степень эффективности выражения авторского замысла. Тем самым мы переходим от изучения статичности текста к исследованию его динамики, так как именно недоговорки позволяют проанализировать восприятие текста адресатом, речевая компетентность которого заключается не в расшифровке замысла, а в интерпретации высказывания на основе собственного комплекса знаний.

Мы считаем, что на уровне сокращения логико-грамматических схем высказывания под воздействием со стороны ситуации и контекста или особенностей смыслового содержания высказывания ведет к полноте, не требующий никакого восполнения; поэтому в этом отношении нет основания считать неявленную часть эллипсом. Это недефектные структуры, которые можно было бы типологически выстроить в парадигму. В семантическом же плане здесь достигается абсолютная неполнота, требующая восполнения по законам типологии: некоторое количество (больше одного) вариантов.

ЭТНОЦЕНТРИЗМ СТЕРЕОТИПА : РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕМЕЦКИХ (БОХУМ) И ПОЛЬСКИХ (ЛЮБЛИН) СТУДЕНТОВ В 1993-1994 гг.

Теоретические основания доклада соответствуют широкому лингвистическому определению стереотипа, принятому в "Словаре языковых народных стереотипов" (Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt grobny Wrocław, 1980), в соответствии с которым стереотип понимается как субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей.

Стереотипизация охватывает всю картину мира: космос, мир растений и животных, окружение человека, человека, человеческое сообщество. Особую общественную значимость представления людей имеют в том случае, если учитываются их национальность, профессия, пол, возраст, место рождения, семейное положение.

Стереотипизация охватывает семантический и/или формальный уровень языка. Выделяются топика, формулы и идиомы.

В докладе представлены результаты исследований группы народных стереотипов, проведенных автором среди немецких и польских студентов. Исследования проводились в 1993-1994 гг. по методу Осгуда с использованием дифференциальных признаков.

Список исследуемых признаков:

Бытовые признаки:

- 1 energisch - unbeholfen (предприимчивый - непрактичный)
 - 2 sauber - schmutzig (чистый - грязный)
 - 3 sparsam - verschwenderisch (бережливый - расточительный)
 - 4 wohlhabend - arm (зажиточный - бедный)
 - 5 fleissig - faul (работящий - ленивый)
 - 6 Abstinenz - Trinker (трезвенник - пьяница)
- Психические и интеллектуальные признаки:
- 7 mutig - feide (храбрый - трусливый)
 - 8 fröhlich - traurig (веселый - печальный)
 - 9 stolz - demütig (надменный - смиренный)
 - 10 gefühlvoll - kühl (чувствительный - эмоционально холодный)
 - 11 intelligent - unintelligent (развитой - тупой)

12 gebildet - ungebildet (образованный - необразованный)

13 klug - dumm (мудрый - глупый)

Социальные признаки:

14 gesellig - ungesellig (общительный - необщительный)

15 aufgeschlossen - verschlossen (откровенный - замкнутый)

16 hartnäckig - nachgiebig (упрямый - уступчивый)

17 aufrichtig - heuchlerisch (прямодушный - неискренний)

18 unabhängig - abhängig (независимый - покорный)

19 wohlzogen - unerzogen (культурный - невоспитанный)

20 ehrlich - unehrlich (честный - недобросовестный)

21 gutmütig - gewalttätig (мягкий - грубый)

22 tolerant - intolerant (терпимый - нетерпимый)

23 ruhig - aggressiv (спокойный - агрессивный)

Идеологические признаки

24 Patriotismus - Kein Patriotismus (патриотизм - отсутствие патриотизма)

25 religios - nicht religios (религиозный - светский)

26 Nationalismus - Kosmopolitismus (национализм - космополитизм)

Таблица 1

Бинарные характеристики, приписанные людям разных национальностей немецкими студентами в 1994 году (Н - немец, Ч - чех, П - поляк, А - американец, Р - русский). Индекс - в пересчете на проценты, количество опрошенных: Н - 116, Ч - 110, П - 113, А - 115, Р - 113)

	Н	Ч	П	А	Р
1	35,3	11,8	6,8	31,3	5,3
2	56,0	15,4	10,6	20,6	-1,2
3	25,0	17,3	15,9	-41,4	31,3
4	53,2	32,1	-40,7	39,1	-60,5
5	50,0	14,5	8,5	21,1	2,9
6	-24,7	-17,0	-32,1	-5,5	-55,7
7	-5,2	14,8	16,5	17,7	21,5
8	-6,6	25,4	23,3	31,9	11,8
9	34,5	28,2	37,5	47,0	36,0
10	14,9	41,5	52,8	44,3	56,3
11	25,3	23,6	21,2	2,3	17,7
12	43,7	19,4	12,1	-12,2	7,7
13	19,0	19,7	19,2	-2,9	13,0

14	19,2	41,5	52,8	44,3	56,3
15	14,4	23,9	9,4	29,8	-4,1
16	44,5	3,0	-1,2	22,6	10,0
17	3,7	17,6	20,9	-4,9	16,2
18	10,0	3,6	-8,5	45,8	-19,5
19	21,1	18,7	18,0	-4,0	12,7
20	13,1	18,5	19,2	5,5	16,5
21	1,1	30,9	32,4	-4,6	23,0
22	17,2	22,4	17,4	8,7	-2,4
23	-6,3	16,7	10,9	-16,8	8,0
24	15,5	33,0	39,8	80,3	46,3
25	-4,0	17,6	71,1	10,7	35,7
26	15,8	19,7	28,6	54,8	33,3

Для сравнения с характеристиками русского, поляка, чеха и немца, полученными в 1993 г. в ходе аналогичного исследования в среде студентов Люблина см. Bartminski, 1993.

См. табл. в конце книги

Библиография:

Jerzy Bartminski, Jolanta Panasiuk, Stereotypy językowe. Encyklopedia kultury polskiej XX wieku. T. 2. Wrocław -Lublin 1993, 363-387.

Jerzy Bartminski, 1993, Nasi sąsiedzi w oczach studentów, в печати.

Quasthoff Uta, Soziales Vorurteil und Kommunikation. Eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps. Frankfurt am Main, 1973.

О.В.Белова

ИСБ РАН, Москва

РОЛЬ БИБЛЕЙСКИХ ЦИТАТ В ТЕКСТЕ СЛАВЯНСКОГО "ФИЗИОЛОГА".

"Физиолог" (сборник рассказов о свойствах реальных и фантастических животных, камней и растений) -- один из интереснейших памятников православной славянской средневековой книжности. Возникший в Александрии во II-III вв., в эпоху зарождения

византийского религиозного антирационализма, "Физиолог" стал своеобразной энциклопедией "символической зоологии"; все свойства природных объектов получили в этом сочинении символическое истолкование применительно к христианским догматам или нравственным понятиям. С X-XI вв. "Физиолог" известен в Болгарии; в XII-XIII вв. южнославянский текст был переработан на Руси. Таким образом, славянские переводы "Физиолога" вошли в число памятников, сформировавших круг древней славянской книжности.

Приоритет символизма, аллегорического истолкования и понимания "слов" о животных в иносказательном ключе определяется самим построением сказаний "Физиолога", принципами организации отдельных фрагментов текста. Отметим обязательную двучастную композицию сказаний (описание + толкование) и наличие некоторых формальных признаков, которые могут быть условно названы "сигналами", направленными на то, чтобы подчеркнуть символический план сказания. Стандартная схема рассказа о животном, следовательно, такова: клишированный зачин -- библейская цитата -- описание -- (формула обращения к читателю-неофиту) -- толкование -- цитата -- клишированная концовка.

Наиболее важную роль в переводе повествования из плана описания в план символического толкования играют библейские цитаты -- обязательные структурные элементы сказаний "Физиолога". Начиная или завершая повествование в пределах одной главы, цитата является квинтэссенцией, сжатым пересказом последующего или предшествующего описания. Подобное сведение отрывка текста к выдержке из Св. Писания призвано указать на сокровенный смысл содержания текста, воплощенный

в божественном слове (например, Пс. 79:14 в главе о диком вепре или Пс. 41:2 в главе об олени). Цитата, венчающая собой отрывок текста, может играть своеобразную "цементирующую" роль в его структуре, содержать основную мораль притчи (Пс. 33:15 в главе о муравье, Мт. 10:16 в главе о змее). Повторяющиеся фрагменты библейских текстов создают цитатную рамку вокруг повествования, постоянно напоминающую читателю о необходимости искать за "звериным" обликом действующих лиц высший духовный смысл (Мт. 3:7 в рассказе о ехидне, Пс. 41:2 в главе об олени). Толковательная часть отдельного сказания "Физиолога" может быть практически полностью составлена из набора цитат, взятых из различных книг Ветхого и Нового Завета (напр., при символической интерпретации свойств солнечной ящерицы, ижевмона). Свободно комбинируя фрагменты различных библейских источников, составители "Физиолога" добивались наибольшей наглядности в изложении основ христианского вероучения (в сказании об олени "связка" цитат призвана раскрывать тему противостояния Христа и дьявола).

В результате в тексте "Физиолога" происходит не только трансформация образа животного и его имени, когда символика выходит на первый план. В свою очередь цитата "отрывается" от текста первоисточника, не соотносится более с его содержанием и становится неотъемлемым элементом рассказа о животном или даже частью его "образного портрета". Именно так мифическая птица феникс "присвоила" себе библейское изречение Пс. 91:13 (основанием для этого послужил омонимия др.-рус. финиксь "дерево, род пальмы" и "птица феникс"), в результате чего в древнерусской книжности библейский фразеологизм "Праведникъ яко финиксь процвететь" в большей степени соотносился с

образом баснословной птицы, чем с финиковой пальмой, о которой говорится в тексте псалма. Такое вторичное прочтение цитат, возникающее в результате их функционирования в тексте "Физиолога", привело к появлению в более поздних сборниках, использовавших материал трактата о животных, своеобразных "перевертышей", когда библейская цитата начинает появляться, истолковываться при помощи рассказа о звере или птице. Природный объект реконструируется по устойчивому стереотипу (цитате); если приводится изречение Пс. 91:13, от читателя ожидается однозначное воссоздание сюжета о возрождающемся из пепла фениксе, Пс. 102:5 предполагает рассказ об орле, возвращающем себе молодость, Пс. 101:7 -- историю жертвенной любви пеликана.

В сказаниях о животных священные цитаты не обесцениваются, хотя может показаться, что библейский текст не всегда используется по назначению. Изначально заложенный в Библии символизм работает в "Физиологе" на новом уровне -- помогает увидеть скрытый смысл в "неподобных образах", когда за сугубо материальным обликом "ходештих и летештих" тварей скрываются догматические и нравственные понятия, через познание которых человек приобщается к высшему знанию и божественной правде.

Э.М.Береговская

СГПИ, Смоленск

КЛИШЕ В ОДНОФРАЗОВОМ ТЕКСТЕ.

Однофразовый текст пронизывает все сферы нашей жизни с начала до конца, сверху донизу: составленный перечень видов однофразового

текста, которые имеют разные коммуникативные установки и разную функционально-стилистическую характеристику, насчитывает сегодня более 60 единиц и, вероятно, остается открытым. Рамки монофрастического текста очень подвижны: от однословного текста (как, например, телеграмма "Зачислен") до текста объемом, превышающим 200 слов (как стихотворение Михаила Кузмина "Мои предки"). Подавляющее большинство видов однофразового текста -- это универсалии (в смысле Якобсона), они в равной степени представлены и в русской, и во французской, и в немецкой, и в английской культуре. Совокупность однофразовых текстов представляет для лингвиста интерес своей репрезентативностью, в них ярко проявляются процессы и явления, свойственные всяким иным речевым формам.

Около половины известных нам видов однофразового текста, которые относятся как к разговорной, так и к книжной речи, -- это тексты полностью или частично клишированные. К клишированным полностью принадлежат такие, как пословица, календарная или какая-нибудь другая фольклорная примета, магическая или психотерапевтическая сущестственная формула, ходячая шутка и т.п. К клишированным частично -- справка, доверенность, объявление, надпись на мемориальной доске, инскрипт на книге или фотографии и т.п. Ко второй группе примыкают и те виды однофразового текста, которые склонны к клишированию, т.е. либо сами легко клишируются (лозунг, реклама, афоризм и др.), либо активно включают в себя клише (заголовки, надпись на майке или куртке, юмористическая миниатюра и т.д.)

Положение о том, что клише и штампы представляют собой не пласты перечислимых сочетаний, а многоярусную и сложноорганизованную

систему (Т.М.Николаева, И.А.Седакова), справедливо и по отношению к совокупности однофразовых текстов, в той или иной степени втянутых в процесс клишизации:

а) Клишизацией затронуты однофразовые тексты, представляющие все функциональные стили и художественную речь, которая свободно вбирает элементы разных стилей.

б) Отдельные виды клишированного однофразового текста "перетекают" друг в друга: афоризм становится лозунгом, пословица -- заголовком статьи, лозунг -- ходячей шуткой, предупредительный знак -- названием кинофильма, крылатая цитата -- татуировкой, пословица -- рекламой, реклама -- ходячей шуткой и т.д.

в) Некоторые виды клишированного однофразового текста имеют сопутствующие, параллельные пародийные виды: наряду с пословицей существует квазипословица, наряду с афоризмом -- квазиафоризм ("фрашка"), наряду с лозунгом -- антилозунг, наряду с геральдическим девизом -- иронический девиз на специальном "бадже".

г) Клишированность однофразовых текстов, благодаря которой текст строится из готовых блоков, конечно, облегчает его построение, но она же вызывает и определенные затруднения. Соединение двух клише порождает иногда дефектные двусмысленные тексты. Дефектность эта из-за специфики однофразовой структуры никак не компенсируется другими частями текста, бросается в глаза, производит непредусмотренный комический эффект.

Процесс клиширования однофразовых текстов обнаруживает две противоположно направленные тенденции -- живое, подвижное застывает, застывшее оживляется. С одной стороны, нестандартный текст, который

относится к часто повторяющейся ситуации, стремится к клишированию. В некоторых случаях затвердение клишированной формы доходит до того, что она может воспроизводиться в виде аббревиатуры (частые объявления в газете, татуировка). С другой стороны, то, что клишировалось от многократного употребления, стремится к деклишированию, как это происходит, например, в ходячей шутке: "Мы родились, чтоб Кафку сделать былью". Иногда в однофразовых текстах используются некоторые особые виды деклиширования (к примеру, рисунок, создающий нетипичную для данного клише ситуацию, благодаря которой деклишируется монофрастический текст-подпись). Но чаще здесь приходят в действие языковые механизмы, которые уже описаны как механизмы, способствующие размораживанию фразеологизмов (Е.А.Земская, А.В.Кунин, А.С.Мосьяков, С.Г.Тер-Минасова, Н.М.Шанский и др.): добавление, опущение, замена, перемещение компонентов, морфологическая и синтаксическая трансформация клишированной фразы, восстановление этимона, контаминация двух клише. В последнее время включение в художественный однофразовый текст трансформированной и никак графически не выделенной цитаты-клише делается все более активным стилистическим приемом.

Есть и еще один, более значительный фактор, обуславливающий стилистическую значимость клише для однофразового текста. Благодаря условиям своего существования -- частному повторению в одной и той же словесной форме -- клишированные однофразовые тексты прочно укореняются в сознании всех говорящих на данном языке и составляют фон, на котором воспринимаются ситуативно близкие неклишированные художественные тексты. Этот фон, этот общий для всего языкового

коллектива тезаурус клише заставляет обостренно воспринимать эстетическую ценность нестандартного, неклишированного однофразового текста.

Н.Г.Брагина

ИЯ РАН,

Москва

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ И ИНТЕРТЕКСТ.

Совокупность устойчивых словосочетаний, образуемых абстрактным именем, рассматривается нами как интертекст, состоящий из различных, объединенных общностью темы цитат, собранных вместе и образующих смысловое пространство. Особенностью таких цитат является то, что они были заимствованы из различных дискурсов: мифопоэтического, литературного, религиозного, философского, социально-идеологического и т.д., например гордость: грешная, сатанинская гордость -- относится к религиозному дискурсу; женская, девичья гордость -- к социально-идеологическому дискурсу; рабочая гордость, чувство законной гордости -- к советскому официально-идеологическому дискурсу. Цитаты анонимны и относятся к узусу, а не к окказионализмам. В совокупности они образуют текст, который можно с некоторой оговоркой назвать, следуя М.Бахтину, полифоническим, в том смысле, что в нем "множественность равноправных созданий сочетаются, сохраняя свою неслиянность в единство некоторого события". Текст воплощает в себе набор культурных стереотипов.

Характерными чертами подобного текста являются:

Прерывистость -- как следствие соединения цитат, относимых к разным дискурсам (см. выше), к разным культурным эпохам (гражданская совесть, партийная совесть).

Атаксономичность. Текст не содержит последовательного развития какой-либо одной метафоры, но включает в себе сразу несколько разных, часто несогласованных друг с другом метафор (метафоры в принципе слабо поддаются таксономизации), например, вера ассоциирована с камнем, со строением, что, несомненно, имеет Библейские аллюзии (Петр -- камень): твердая, непоколебимая, несокрушимая вера; укрепить, подорвать, поколебать, разрушить чью-либо веру и, одновременно с огнем: горячая, пламенная вера; зажечь в ком-либо веру; печаль -- с темным, тяжелым: тяжелая печаль; печаль омрачила лица, потемнеть от печали, ныкнуть от печали, и вместе с тем -- со светлым, легким: светлая, легкая, тихая печаль; навеять, развеять печаль).

Незавершенность. Текст способен развиваться/"развертываться" во времени. В частности, показателем развития текста в культурном времени является смена коннотаций у ряда словосочетаний, его образующих. В обобщенном виде процесс смены коннотаций может быть представлен несколькими этапами. Ценностный (иногда сакрализованный): сочетание употребляется в строго определенных контекстах и имеет ценностную ориентацию на общественный идеал (это -- необязательно идеал всего общества, но какой-либо группы, какого-либо течения, имеющего культурную значимость). Профанирующий -- сочетание используется в разных контекстах, разными дискурсами, имеет телеологическую ориентацию, т.е. употребляется в эстетических, агитационно-пропагандистских целях. Осуществляется манипулирование ценностью и,

соответственно, ее фетишизация и профанирование. Третий -- иронический -- культурный знак -- символ эпохи -- осмеивается. Особенно четко это прослеживается на сочетаниях, отражающих идеологемы.

Стереотипность -- текст есть продукт коллективного творчества.

Длина (объем) текста служит показателем степени разработанности соответствующего концепта в языке и в культуре и в ряде случаев позволяет делать некоторые предположения относительно вербального поведения носителей языка. Например, длина текста, образуемого устойчивыми словосочетаниями с опорными именами: тоска, горе, печаль, грусть дает некоторые основания для утверждения, что нарративы страдания, жалобы достаточно частотны в русской культуре.

Для анализа подобных текстов предлагается герменевтический метод. Результаты будут изложены в культурном комментарии, помещенном в словарь устойчивых словосочетаний, формируемых именами абстрактной семантики, обозначающими чувства, мыслительную деятельность, межличностные отношения.

В докладе будет рассмотрено соотношение устойчивых словосочетаний с разными типами дискурса, а также будут приведены фрагменты культурного комментария.

СИНТАКСИС, СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА
СИНТАКСИЧЕСКИХ КЛИШЕ ("ФРАЗЕОСХЕМ").

Среди клишированных (в широком смысле) языковых выражений русского языка особое место занимают "связанные" синтаксические конструкции ("устойчивые синтаксические конструкции", "фразеосхемы", "почти фразеологизированные конструкции" и т.п.). Своеобразие этих конструкций (проанализированных в ряде работ Д.Н.Шмелева -- см. 1958; 1959; 1960) состоит, в частности, в том, что наряду с построениями, организующим центром которых "является застывшая форма, оторвавшаяся от парадигмы соответствующего слова и в той или иной степени утратившая свои лексические и категориальные значения" (Н.Ю.Шведова) (например, форма чем в конструкции Чем не жених?), к "синтаксическим фразеологизмам" относятся и такие конструкции, которые организуются не определенным, индивидуальным словом (в той или иной форме), а определенной грамматической формой, "отрывающейся" именно в грамматическом плане от соответствующей парадигмы и детерминирующей структуру предложения (например, Всем молодцам молодец; Без тебя и праздник не в праздник).

Такие конструкции интересны (и сложны для описания) во многих отношениях. Прежде всего встает вопрос об их "принадлежности" -- соответственно о том, в каком компоненте грамматики (в широком смысле) они должны описываться. Многие из них, очевидным образом, не могут описываться (только) в словаре (это

особенно ясно в отношении "фразеосхем", со свободным лексическим наполнением), но и независимая лексикографическая трактовка лексически "более связанных" конструкций грозит опасностью "упущения лингвистических существенных обобщений" (missing linguistically significant generalizations). Ср. по этому поводу соображения Апресяна.

Отметим, что конституирующим свойством фразеосхем является не столько застывшее синтаксическое строение, сколько идиоматическая интерпретация и "связанная" сочетаемость. Так, "уступительно-противительные" конструкции предполагают последующее возражение, ограничивающее или сводящее на нет непосредственно выраженное в них "согласие". Тем самым они дают возможность высказать возражение в неявном виде, даже не давая понять, в чем, собственно оно состоит, что открывает дорогу различным речевым манипуляциям.

Многие грамматические особенности, связанные с той или иной фразеосхемой, участвуют в выражении "тимнологической" (термин А.Б.Пеньковского) оценки (с этим значением естественным образом связывается, например, порядок следования компонентов в так называемых "уступительно-противительных" (Д.Н.Шмелев) фразеосхемах, или "конструкциях с инфинитивным эхом" (Д.Пайяр, В.А.Плунгин). Другие грамматические ограничения имеют коммуникативную подоплеку и могут получить прагматическое объяснение. Например, невозможность (или, по крайней мере, редкость) появления местоимения 1-го лица в позиции дательного падежа при лексеме даться (дался ему этот компьютер! Только о нем и говорит) объясняется тем, что в соответствующей фразеосхеме выражается неодобрение по поводу необоснованного (по мнению говорящего) пристрастия, к тому же нередко

назойливо проявляемого. Еще менее вероятно появление данной формы на фраземе охота (Охота тебе возиться с чужими рукописями!), поскольку соответствующее толкование (То, что ты по собственной воле делаешь V, вызывает мое недоумение Я бы на твоём месте не стал этого делать Я говорю тебе это, чтобы ты подумал об этом и перестал делать V) противоречит отнесенности фразеосхем с глаголом охота.

Недостаточно исследована роль служебных слов (частиц, союзов) в общей семантике фразеосхемы. Этикеты типа "усилит." далеко не всегда адекватны (см. справедливые критические замечания в /Николаева 1985/). Между тем во многих случаях они вносят в содержание конструкции немаловажный вклад.

Внимательное исследование "синтаксических идиоматизмов" подтверждает мысль о том, что конкретно-языковая специфичность языковых категорий не исключает семантической мотивированности последних.

Т.Н.Вендина

ИСБ РАН, Москва

АКСИОЛОГИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ.

Традиционно словообразование и аксиологию связывают со сферой субъективно-оценочных имен, передающих деминутивно-мелноративное или аугментативно-пейоративное значение.

Действительно, в этих словообразовательных структурах ярче всего выражены оценочные отношения, поскольку сами эмоции выступают в них

как ценность. Однако границы оцениваемой действительности и параметры оценок не исчерпываются только этой группой имен.

Взаимодействие человека с окружающим миром, в процессе которого происходит познание и оценка мира (оценка его свойств и качеств прежде всего с прагматической точки зрения), приводит к формированию ценностного сознания, ценностного видения мира. Объективный мир членится человеком с точки зрения категорий ценности. Точками отсчета в этом ценностном освоении мира выступают такие ценностные противопоставления, как добро и зло, польза и вред, счастье и несчастье, добродетель и порок, жизнь и смерть и т.д. Поскольку в аксиологии ценность существует лишь по отношению к человеку, то все, что связано с человеком как существом биологическим и социальным, все, что составляет его материальные и духовные ценности, является объектом словообразовательного детерминирования. Поэтому ярче всего аксиологическая ориентированность словообразовательных средств проявляется в сфере личных имен. С помощью равнообразной системы оценок эксплицитруется отношение говорящего к различным свойствам и качествам субъекта. И хотя эти оценки осознаны менее отчетливо, чем эмоциональные, поскольку нередко выражены имплицитно, однако они прочитываются при системной подходе к материалу. Именно на этом основана семантическая ориентация словообразовательных формантов, используемых в каждом славянском языке при образовании качественно-оценочных и процессуально-оценочных названий лиц (ср. рус. подлец, проходимец; укр. лукавец, адирець; блр. баязлівец; пас. roszciwioc, łakomic; чеш. hrabivec, ožralec; слн. laskavec, mišilec; сх. поганиц, јелац; мак. трец, крадец; блг. палавец, бръщолевец). Но особенно выразительна

тенденция к образованию оценочных названий лиц в диалектах, для словообразовательных средств которых характерна большая свобода в употреблении. Предметом оценки являются физические, духовные, моральные, профессиональные и др. качества и свойства человека. Используя классификацию оценок, предложенную Н.Д.Арутюновой, можно выделить следующие виды оценок, актуализируемых в акте словообразования:

-- сенсорные, но только психологические: с помощью этих оценок передается субъектно-ориентированная аксиологическая характеристика человека, его интеллектуального уровня (ср. рус. диал. мовготряс, недоумок) или особенностей характера (ср. зубочес, весельчак);

-- сублимированные, а именно: этические (ср. грубец, злец), эстетические (ср. красень, рыловорот);

-- рационалистические, а именно: нормативные, указывающие на гипертрофированные признаки или свойства человека (ср. голованец, лобарь; яговорщик, балакарь), витальные, оценивающие жизненную силу человека (ср. жидюль, дородень), его здоровье (ср. здоровун, чахлак) или возраст (ср. молодой, подстарок).

Аксиологическая ориентированность словообразования прослеживается и в означивании мира природы, хотя здесь ценностные характеристики выражены менее отчетливо. Если исходить из того, что любая оценка содержит два самостоятельных аспекта -- гиосеологический и ценностный, то следует признать, что кроме субъективно-ориентированной оценки, существует ценностно-нейтральная или отражательная. Аксиологическое сопоставление, т.е. оценивание действительности с точки зрения потребностей, интересов и установок

познающего субъекта, формирует глубинную основу системы человеческих ценностей. Цветовые, звуковые, вкусовые и др. свойства предметов и явлений внешнего мира актуализируются лишь в тех объектах, которые вовлекаются в сферу познавательной и практической деятельности человека. О ценностном отношении к природе как к источнику добра или зла и шире—жизни или смерти—говорит факт существования в каждом языке избирательности в словообразовательной детерминации явлений природы и выбора совершенно определенных мотивировочных признаков, актуализируемых в акте словообразования (ср., напр. использование во всех славянских языках словообразовательных средств для обозначения плохой погоды и практическое отсутствие их в названиях хорошей). На различных участках этой семантической сферы существуют разные виды оценок. Если при образовании названий погодных и атмосферных явлений актуализируется прежде всего нормативная оценка (обращение к словообразовательным средствам происходит тогда, когда необходимо обозначить не просто дождь, а сильный дождь, ср. рус. диал. заливень, водолив; укр. диал. проливень, залиу; блр. диал. налівень, дождэча и т.д., не просто ветер, а сильный ветер, ср. рус. диал. ^аВетролом, сх. паликуѣа, плс. wiatryzuko и т.д.), то в названиях, связанных с растительным миром, широко представлены сенсорные, а именно гедонистические оценки (ср. рус. диал. кислики, солоника в названиях трав, вонючка, горчак в названиях грибов), утилитарные (ср. рус. диал. дураш, дурмень "сорная трава", поганец, могильник "несъедобный гриб"), прагматические (указывающие на воздействие трав, ср. рус. диал. болиголов, кровочист или приготовление грибов, ср. соленики, моченики, отварухи). В названиях же животных (особенно домашних животных и птиц) ценностно-целевые

ориентации человека ведут к актуализации иных ценностей, а именно: витальных (словообразовательные средства подпадают в том случае, когда необходимо указать на способность или неспособность животного к воспроизводству, ср. рус. диал. случник, кладух, кто возраст, особенно при обозначении молодых животных как неспособных к воспроизводству, ср. рус. диал. молодыш, детьш, силу, выносимость животного и т.д.), прагматических (указывающих на функциональное назначение животного, ср. рус. диал. вологон, овчарук в названиях собак), утилитарных (актуализирующих признак полезности животного или птицы, ср. рус. диал. ведерница, молочница "корова, дающая много молока", кладунья, несуха "курица, которая хорошо несется") и т.д.

Несмотря на разнообразие оценок, используемых в словообразовательной детерминации аксиологически значимых объектов реальности, нетрудно заметить определенную закономерность, проявляющуюся в повышенном внимании, с одной стороны, к "антиценностям", т.е. к явлениям аномальным, воспринимаемым человеком как отрицательные (ср., напр., словообразовательное маркирование плохой, а не хорошей погоды, больного, а не здорового леса, болот и оврагов как мест непригодных для сельскохозяйственного использования и т.д.), а с другой -- к ценностям прагматического характера (словообразовательно детерминируется прежде всего оценка "важно", поскольку мир ценностей для человека это в основном мир его практической деятельности).

Проблема связи словообразования с аксиологией нуждается в самостоятельной разработке. При анализе использования словообразовательных средств необходимо, по-видимому, учитывать такие

моменты, как предмет, возводимый в ранг ценностей и являющийся объектом словообразовательной детерминации; причина аксиологического выделения этого предмета; содержание оценочной презентации (положительная, отрицательная, нейтральная оценка); основание оценки, актуализируемой в акте словообразования; характер мотивировочного признака, лежащего в основе номинативной единицы и др. Учет этих моментов во многом приближает к пониманию языковой картины мира, поскольку при таком подходе к словообразованию возникает возможность "погрузиться" в мир ценностных отношений того или иного народа.

Л.Н.Виноградова

ИСБ РАН, Москва

МОТИВ ВСЕЛЕНИЯ ЗЛОГО ДУХА В ЧЕЛОВЕКА: МЕНТАЛЬНЫЕ И РЕЧЕВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

Одной из причин демонологизации обычных людей, по народным представлениям, было вселение в человека злого духа, черта, беса. Это могло происходить либо с согласия человека, либо против его воли. Например, человек заключал сделку со злым духом в целях обретения особой магической силы. Такие перешедшие под покровительство нечистой силы люди становились, как считалось, полудемоническими существами. Их двойственная природа (получеловек - полудемон) определялась наличием в человеке двух душ: обычной человеческой и вселившейся демонической души, способной покидать по ночам тело двоедушника, чтобы в виде оборотня (насекомого, животного) вредить односельчанам. По отношению к таким "слугам дьявола" (колдунам, ведьмам),

наносилим вред людям, скоту, урожаю, в общине открыто выражалось осуждение и допускались формы репрессий.

Совершенно иным, сочувственным и участвующим, было отношение к жертвам воздействия злого духа, т.е. к людям, в которых против их воли вселялась нечистая сила (к бесноватым, кликушам, одержимым, икотницам). Белорусы считали, что если черты поселяются в человеке не по его собственной воле, то ему "карысци ад чорта жаднае не мае", наоборот, черт мучает его болями, отбирает разум, толкает на ссоры и т.п. Страдающие припадками кликушества женщины были твердо убеждены, что эта болезнь - результат вселения в их нутро бесов, которые проникали через неперекрещенный рот во время зевоты или через еду и питье. Именно с этими поверьями связаны рекомендации крестить рот и лицо перед едой, прикрывать сосуды с водой. Опасаясь проглотить нечистого духа, люди избегали пить воду из ручья прямо ртом, крестили рот во время зевоты, "чтобы бес не заскочил". Запрещалось есть пищу в полночь как самое "бесовское" время, поскольку "нет возможности оградить пищу от беса".

ДУХА

Зримой ипостасью вселяющегося в человека ^{ДУХА} выступали чаще всего насекомые (муха, мотылек, жучок, паук, червяк), либо хтонические животные (змея, жаба, крыса, мышь). Крестьянки Русского Севера, страдающие икотой, утверждали, что бес проникает в них, залетая в рот мухой. Самым же обычным способом проникновения злого духа в человека считалось неосторожное питье: пострадавший верил, что проглотил беса в виде жучка, плавающего в напитке.

Местами обитания беса внутри человека считались: голова, горло, грудь, желудок, сердце. В некоторых зонах верили, что дух блуждает по

всему организму или вращается с током крови. Изгоняющий бесов знахарь или священник заговорами и молитвами старался принудить нечистую силу выйти из человека. Как результат действенного лечения при изгнании беса часто упоминается ситуация, при которой из больного якобы вылетало насекомое или выскакивала "мелкая тварь".

По-видимому, отголоском подобных верований являются широко распространенные фразеологические выражения, построенные по модели: "мухи в голове", обширная коллекция которых приведена в статье О.А.Терновской. Основное их значение - 'человек со странностями, с причудами, ненормальный, сумасшедший, дурак'. Наряду с этим отмечаются и демонологические интерпретации типа: "с мухой в носу - колдун", "баба в мухам - ца ведьма", т.е. имеют место семантические колебания в рамках оппозиции: 'дурак' - 'мудрец (знахарь)'; ср. "Теп та тшыку в носе" - 'умный, хитрый, знающий. По наблюдениям О.А.Терновской, фразеология подобного рода в славянских языках опирается в основном на энтомологическую лексику (помимо мух, упоминаются засевшие в голове или в носу человека мотыльки, муравьи, пауки, тараканы, жуки, сверчки и т.п.). Реже используется лексика зооморфного ("мышь в голове") или орнитологического ряда ("воробьи, сойки, совы - в голове").

Представления о том, будто в голове могут завестись сверчки, в результате чего человек становится больным или одержимым бесом, Н.М.Гальковский считал восходящими к арханчским древнерусским поверьям. В русских лечебниках 17-18 вв. постоянно упоминались магические способы, с помощью которых можно изгнать из человека змей

и лягушек. "Несмотря на всю странность этого явления, - пишет Н.М.Гальковский, - вера в такие случаи весьма распространена в народе".

Таким образом, вселяющийся в тело человека вредоносный дух терминологически определяется как бес, черт, дьявол, злой дух, но характеризуется не типичными для этих персонажей признаками невидимого и бесплотного существа, которое может принимать вид насекомого или хтонического животного. Результатом этого могут быть болезненные состояния человека и психические расстройства, либо человек приобретает демонические свойства. Способность отделиться в ночное время от тела спящего человека и совершать полеты; преимущественная ипостась насекомого, особенно мухи и мотылька (черта не характерная для традиционных форм оборотничества беса); локализация в пределах человеческого тела в голове, горле, сердце, желудке или в крови, - все это позволяет констатировать связь мифологических персонажей этой категории с символикой души. Архаической первоосновой подобных верований могут служить пережиточные формы представлений о незримо присутствующих в окружении человека вредоносных душах "заложных" покойников, способных вселяться как в людей, так и объекты живой и неживой природы.

А. В. Головачева

ИСБ РАН, Москва

СТЕРЕОТИПНЫЕ МЕНТАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И
ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА.

1. Понятие стереотипной ментальной структуры (СМС), введенное в работах автора, связано с трактовкой картины мира (КМ) как комплекса знаний о мире, об устройстве макрокосма и микрокосма, представляющего собой систему концептов- "стереотипов" предметов, действий и ситуаций, которую можно считать в определенной степени универсальной для человеческого менталитета в целом.

2. Понимаемая таким образом картина мира включает в себя объекты типа *Umwelt*, для которых концепт-"стереотип" всегда тождественен денотату (объекты, уникальные в рамках КМ и имеющие в тексте всегда определенную референцию, ср. нем. Er hat ^{die} Sonne (ein Stern) erblickt); а также несколько типов СМС, состоящих из "ядра", или ключевого концепта некоторого предмета, действия или ситуации и концептов входящих в него элементов, или "свойств", расположенных на различном расстоянии от ядра, т.е. присущих ему с различной степенью вероятности:

1) СМС посессора-лица и ее редуцированные отражения: СМС предметного и абстрактного посессора; ядром, или ключевым концептом-стереотипом здесь является концепт посессора, например, концепт человека, стола и т.п. с присущими ему элементами -- объектами обладания, характеризующимися различной степенью неотчуждаемости (парадигматической связанности, ПС) с ядром (абсолютная, относительная и окказиональная неотчуждаемость);

2) СМС действий, содержащие ядро (ключевой концепт-"стереотип" действия) и концепты его "неотчуждаемых" актантов;

3) СМС типовых ситуаций, содержащие ключевое понятие ситуации (концепт) и концепты ее неотчуждаемых элементов.

3. Роль СМС в речи (в тексте) можно выразить следующими двумя постулатами:

1) Речь не содержит информации об отношениях, заключенных в СМС (ср., *человек в одежде).

2) Речь должна фиксировать отношения, выходящие за рамки СМС (ср.: человек в потрепанном пальто).

4. Наложение СМС друг на друга, что, как правило, происходит в речи, способно изменить степень ПС между ядром и "принадлежащим" ему элементом, например, между посессором и его объектом обладания (Р и R), "сдвигая" данный R в пространстве посессивных отношений либо к центру, ядру, в направлении неотчуждаемости, либо от центра -- в сторону отчуждаемости. Так, объект, неотчуждаемый для данного Р, может явиться "отчуждаемым" для конкретной ситуации, противоречащей некоторой стереотипной ситуации (протоситуации, фрейму); ср.: X пришел на работу в помятой одежде (атрибут указывает на некоторое отступление от стереотипа, содержащееся в признаке Р, однако сама динамическая ситуация использования одежды не нарушена, поэтому существует запрет на фразу: *X пришел на работу в одежде); однако возможна, например, фраза типа X лег спать в одежде, отражающая ситуацию, противоречащую стереотипу, поэтому такая фраза информативна и атрибут при имени R необязателен.

Роль СМС действий в речи заключается, в частности, в том, что инструментальные и адвербиальные актанты действия, включенные в его СМС, в речи не называются, если не сообщается при этом об их признаке, ср. *нюхать носом/нюхать своим длинным носом, *говорить языком/говорить заплатающимся языком, *смотреть глазами/смотреть

удивленными глазами, *стоять на ногах/стоять на тонких ногах, едет коляска *на колесах/едет коляска на красных колесах и т.п.; ср. также инструментальные структуры, не связанные с реализацией посессивных отношений типа: *вбивает гвоздь молотком, где имя инструмента может материализоваться также только при наличии некоторого признака стереотипного инструмента, ср. Он вбивает гвоздь тяжелым молотком или при описании ситуации использования инструмента, отличного от стереотипа, ср. Он вбивает гвоздь утюгом.

5. Сказанное выше относится также и к различного рода конструкциям, обозначающим обладание, употребление которых без атрибута невозможно в случае абсолютно неотчуждаемых объектов, т.е. являющихся обязательными для данного типа R, в отличие от относительно неотчуждаемых объектов, которые не являются обязательными, а лишь весьма вероятными для данного типа R, ср. *У Петра есть голова, руки, рост/У Петра умная голова, умелые руки, высокий рост (абсолютная неотчуждаемость), но: У Петра есть усы, жена, джинсы (относительная и окказиональная неотчуждаемость). Та же семиотическая оппозиция отражена в атрибутивных конструкциях типа *девушка с глазами, *девушка роста, *человек в одежде/девушка с голубыми глазами, девушка высокого роста, человек в рабочей одежде; большой интерес в этом отношении представляют также словообразовательные модели прилагательных, различающихся наличием/отсутствием семы признака в зависимости от степени неотчуждаемости R, ср. носатый "с длинным носом" (абсолютная неотчуждаемость)/усатый "имеющий усы" (относительная неотчуждаемость).

6. Наличие СМС в сознании говорящих предопределяет и другие особенности построения речи. Так, например, упоминание некоторого possessora делает возможным инициальную позицию имени абсолютно неотчуждаемого объекта без его предварительного упоминания: Глаза у него черные, что проблематично для относительно неотчуждаемых объектов: (?) Усы у него черные (если о наличии усов получателю сообщения ранее ничего не было известно). Упоминание possessora имплицитно также определяет определенность любого неотчуждаемого объекта обладания, который в СМС представлен в единственном числе, ср.: Он пришел в гости с женой. Таково же воздействие на построение текста и СМС ситуаций (упоминание ключевого понятия СМС ситуаций имплицитно определяет определенность всех единственных ее элементов, ср. нем.: Auf der Betriebsversammlung hat der Direktor gesprochen).

7. Итак, действие СМС в речи (в тексте) проявляется на различных языковых уровнях и в различных языковых категориях: в значительной степени ими определяется действие категорий определенности-неопределенности, possessивности, референция имени, реализация глагольных валентностей, порядок слов в предложении, а также семантическое наполнение некоторых словообразовательных структур.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ ГИБРИДНЫХ ВАРИАНТОВ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ.

1.0. История литературных языков может мыслиться как наука, реконструирующая логику изменения языкового сознания и поведения носителей языка в ситуациях "вос/создания-восприятия" текстов, отмеченных высокой культурно-языковой оценкой. Данное определение позволяет описать предмет истории литературных языков через содержательно меняющееся во времени отношение "книжник (переписчик, переводчик, автор) -- текст -- читатель", а освоение этого отношения представить как процесс постановки и решения проблем порождения - восприятия культурно значимых текстов в разные исторические эпохи. Рассматриваемая проблемно история литературных языков использует метод проблемного синтеза, сутью которого является проблемное конструирование языкового материала, проведенного через структурно-функциональный вопросник. Именно принципиальная проблематизация позволила на славянском языковом материале существенно уточнить представления о структурно-функциональной вариантности литературных языков, в частности, представления о вариантах цсл. литературного языка и "простого" русского литературного языка (17-18 вв.).

2.0. Структурно-функциональная парадигма цсл. языка в 17 в. включала два варианта: строгий вариант, определявший максимальную дистанцию между книжным и некнижным языковыми полюсами, и

гибридный вариант, допускавший некоторое сближение полюсов. Проблемное конструирование языкового материала позволило установить, что диагностической структурной зоной, релевантной для дихотомии вариантов, была зона грамматических категорий, в которой языковые элементы были противопоставлены по набору, составу или объему реализованных грамматических категорий. Так, строгий вариант представлял только формы, грамматическая семантика которых демонстрировала грамматическую систему цсл. языка (например, формы аориста и имперфекта, формы дв.ч.), тогда как гибридный вариант допускал параллельное употребление форм, указывавших на грамматическую систему русского языка (например, л-формы, деепричастные формы, именные и глагольные формы мн.ч. в позиции дв.ч.). Дополнительным показателем гибридного варианта был сам характер использования элементов, принадлежавших системе цсл. языка, поскольку они могли употребляться с регулярным нарушением грамматической семантики, что переводило их из разряда самодостаточных форм в разряд "формальных фишек".

Объективно заданная структурная диагностическая зона мотивировала функциональную диагностическую зону, поскольку семантически дистанцированные формы входили в набор актуализированных языковым сознанием книжных/некнижных элементов. Устойчивое функциональное размежевание вариантов проявлялось в том, что строгий вариант представлял только книжные элементы, а гибридный вариант предлагал симбиоз книжных и некнижных элементов.

Выявленные структурно-функциональные различия вариантов получают объяснение при реконструкции процессов порождения --

восприятия текстов с равной культурной значимостью. Так, при порождении конфессиональных текстов, являвшихся императивными в рамках конфессиональной культуры, происходило воссоздание текста-образца, приводившее к полной репродукции явленных этим образцом языковых элементов. При порождении светских текстов, считавшихся оппозитивными в рамках конфессиональной культуры, происходило создание нового текста по максимально показательным "вехам", заданным опосредованным конфессиональным образом. В языковом сознании эпохи такого рода "вехами", стереотипами книжности, введение которых отмечало текст культурно значимой оценкой, являлись именно грамматические элементы, обеспечивающие семантическое разведение книжных и некнижных полюсов. Ориентированный на строго определенные книжные стереотипы, гибридный вариант воспринимался носителями языка как допустимое отклонение от строго варианта "цсл. языка, как его разрешенное упрощение. Поскольку процессы порождения -- восприятия культурно значимых текстов обнаруживали объективную закономерность, "гибридные" тексты образовывали свою языковую традицию, обеспечившую относительно стабильное положение гибридного варианта в парадигме цсл. языка.

3.0. Радикальная смена типа культуры, имевшая место в начале 18 в. и заключающаяся в переходе от культуры конфессиональной к культуре светской, определила императивность светских текстов и мотивировала появление нового "простого" русского литературного языка, противопоставленного традиционному цсл. языку. На начальном этапе преимущество русского литературного языка по отношению к цсл. обнаруживала себя лишь в переходе грамматических стереотипов через

функциональный рубеж: если в упрощенном варианте цсл. языка языковое сознание актуализировало книжные элементы, то переход к "простому" русскому литературному языку вызвал закономерный перенос актуализации на некнижные элементы. Таким образом, вначале процесс создания императивных текстов представлял собой смену функциональных акцентов в пределах исходного гибридного варианта, а отнюдь не резкое устранение сложившихся стереотипов, ибо известно, что "форма живет дольше, чем ее концептуальное содержание" (Сепир). Только в дальнейшем утверждение в структурно-функциональных правах нового "простого" русского литературного языка привело к полной элиминации книжных грамматических стереотипов, тем самым осуществился плавный переход от провизорного гибридного варианта "простого" русского литературного языка к его стабильному строгому варианту.

Таким образом, престиж гибридных вариантов заключается в том, что функциональное переосмысление явленных ими стереотипов следует считать неременным условием смены типа литературного языка:

цсл. язык	"простой" русский	
17 в.	литературный язык	18 в.
строгий вариант		
В-формы		
гибридный вариант =>	гибридный вариант ==>	строгий вариант
В-формы+А-формы	А-формы+В-формы	А-формы
(фишки)	(фишки)	
/	/	
книжные+некнижные	некнижные+книжные	элементы

СТЕРЕОТИПЫ В ВЕРБАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЯХ РУССКИХ И ЛИТОВЦЕВ.

Ассоциативный эксперимент, проведенный весной 1995 г. в Москве и Вильнюсе, ставил целью проследить процесс образования ассоциаций, а также определить, насколько реакции на одни и те же слова-стимулы зависят от родного языка испытуемых. В ходе эксперимента выяснилось, что помимо других факторов на образование ассоциативных связей большое влияние оказывают речевые штампы, клише, а также сложившиеся стереотипы. Например, часто повторяющимися реакциями испытуемых (кроме антонимов, которые стоят на первом месте по степени автоматизированности) были "лес-темный", "небо-голубое", "орел-решка", "голод-не тетка" и т.п. Иногда испытуемые давали распространенные ответы в виде поговорок и крылатых фраз: "голова - ногам покоя не дает", "огонь - вода и медные трубы", "последний - у попа жена". Такие реакции чаще всего встречались у женщин без высшего образования, что может быть объяснено влиянием правого полушария, ведь известно, что межполушарная асимметрия у женщин выражена меньше, чем у мужчин, а штампы считаются "принадлежностью" правого полушария.

По сравнению с русскими у литовцев встречалось меньше штампов в ответах, что свидетельствует об интересных особенностях речевой практики русских. Однако и у литовцев обнаружили некоторые стереотипы, отличные от проявившихся у русских. Совпадение реакций у литовцев и у русских касались прежде всего противопоставлений

(напр., "стол-стул", "хороший-плохой") и наиболее часто встречающихся словосочетаний (напр., "гора-высокая", "женщина-красивая"). Те же слова, которые не имели совпадений у русских и литовцев, часто в рамках той или иной группы давали повторяющиеся реакции. Например, на слово "музыка" самые частые реакции у литовцев "играет", но ни один русский не дал такого ответа. На слово "король" несколько русских дали реакцию "карты", но общим для русских и литовцев был ответ "королева". Это наводит на мысль о существовании определенных связей слов, характерных для носителей данного языка. Многие реакции говорят о культурной обусловленности ассоциаций, их зависимости от коллективного опыта. Например, на стимул "слово" русские чаще отвечали "дело", а литовцы - "путь" (у литовцев существует поговорка - "знаешь слово - знаешь путь").

Помимо устойчивых выражений, которые в каждом языке, разумеется, свои, существуют различия в значении одного и того же слова, которые отражаются и на ассоциативных связях. Например, слово "судьба" в литовском имеет отрицательный оттенок, в русском же - скорее нейтральный. Поэтому самая частая реакция у литовцев - "жестокая", "несчастливая" - не отмечена у русских. Слово "хлеб" у литовцев имеет отношение только к черному хлебу, а то, что у русских называется белым хлебом, литовцы зовут "булкой", поэтому это слово ("булка") часто употреблялось литовцами как антоним слова "хлеб". Такой реакции у русских, естественно, не было.

Эти данные свидетельствуют о существовании языковой картины мира каждого народа, обусловленной традициями и даже в какой-то мере, возможно, звуковым символизмом. Этимология слова тоже бессознательно

влияет на наше восприятие. Например, явно по-разному должны восприниматься слова, эквивалентные по значению: "праздник" и "šventis" (от слова "šventas" "святой"). Первое несомненно ассоциируется со словом "праздник", "пустой", а второе - несомненно с чем-то возвышенным.

Есть и такие различия, которые объяснить трудно. Например, одна из типичных реакций на слово "ребенок" у русских - "мальчик" у литовцев - "девочка", слово "дом" русские часто принимали отвлеченно - "здание, постройка, сарай", литовцы же реагировали чаще словами: "квартира", "собственный". Слово "орел" у русских вызывало реакцию "воробей", у литовцев "курица". Такие наблюдения могут быть интересными для изучения ментальных и языковых стереотипов, характерных для того или иного народа.

В этой связи было бы полезно исследовать также реакции билингвов, ведь они находятся под воздействием двух культур, двух систем языковых связей. К сожалению, не удалось провести эксперимента, достаточного для объективных выводов. Однако по данным единичных случаев, когда испытуемые-билингвы опрашивались на двух языках последовательно, можно заключить, что некоторые ассоциации обусловлены опытом человека, связанным с конкретным языком, то есть существует в этом случае двойной набор стереотипов. Интересно, что одна из испытуемых, отвечая по-русски, дала большое количество штампов, а по-литовски - ни одного. Возможно, это связано с тем, что русским она давно не пользовалась, и он остался в пассивном состоянии в правом полушарии в виде клише.

ЦИТАЦИЯ И КЛИШЕ НОВОЯЗА В ЯЗЫКЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА.

1. Доклад строится на материале языка первой половины 90-х годов XX века. Анализируются различные источники: язык газет, радио и телевидения, записи устной неофициальной речи и публичных выступлений и др.

2. Одну из важнейших особенностей современного дискурса составляет широкое использование цитат и клише разного рода. Цитаты в современных текстах выступают как в неизменном, так и в преобразованном виде (квазичитаты).

3. Источники цитации в высшей степени разнообразны -- литературные произведения поэтические и прозаические, современные и старые, русские и зарубежные), кинофильмы, песни, теле- и радиореклама и др.

4. Особое место среди источников цитации занимают клише новояза (языка тоталитарного общества). Рассмотрение вопроса о судьбе новояза в языке 90-х годов XX века важно для понимания языка и менталитета нашего современника.

5. Типическая особенность новояза -- высокая степень клишированности -- определяет его "живучесть" и характер функционирования в составе современного дискурса.

АВТОКЛИШЕ У ПОЗДНЕГО МАЛЕВИЧА.

1. В поэтике авангарда клише выступает в двойном виде. Во-первых, в виде негации понятия клише, во-вторых, в виде экспликации клишированности сообщения, то есть на метауровне.

2. Если в первом случае понятие клише выступает эквивалентом всей культурной традиции и ее негация актуализирует процесс семиозиса, то во втором случае, когда объектом авангардного осмысления является то или иное клишированное сообщение, клише выступает как вещь, подлежащая всем тем операциям, которые предполагаются закономерностями данной поэтической системы: клише подвергается остранению, действия с ним приобретают смысл приема, само сообщение помещается в новый контекст, где претерпевает радикальную трансформацию, в конечном итоге предполагающую его деструктурирование (см. И.Смирнов о садистическом психотипе авангарда).

3. Особым случаем деструктурирования клише-объекта в авангарде выступает автоцитирование в системе индивидуальной поэтики. Примером такого рода является творчество позднего К.Малевича (1928-1933). Случай этот тем более показательен, что художественные установки Малевича, за исключением раннего, еще незрелого периода творчества, когда мастер прибегал к прямым цитатам из иконописи, не содержат в себе ни малейшего намека на обращение к инотекстуальным построениям, в отличие, например, от Ларнонова, обыгравшего различные виды

городского примитива в живописи, или Филонова, обращавшегося к стилистико- композиционным клише классической живописи.

4. Под клише в иконических сообщениях (в частности, в живописи) мы подразумеваем такого рода цитату, чей адресат, в силу условий кода произведения, отсылает к определенному подмножеству текстов, приобретая тем самым характер знака- индекса. В поэтике авангарда примером такого рода может служить "Джоконда" М.Дюшампа, где в качестве клише выступает леонардовский шедевр, прошедший сквозь горнило стереотипизации массовой культурой. Остранение клишированности, а тем самым новый, антиклишированный текст, достигается посредством негации статуса артефакта: пририсованными к изображению Мадонны усами.

5. У позднего Малевича в качестве остранинного клише выступают знаки-индексы собственного творчества в его суммарном выражении -- супрематической живописи. Так, в Автопортрете (1933), портрете Н.Н.Пунина (1933), портрете жены художника (1933), картине "Работница" (1933) фигуративное изображение сочетается с элементами супрематизма (открытым цветом, геометрическими вставками, плоскостными орнаментальными мотивами -- знаками супрематизма). Показательно, что в качестве подписи своих полотен мастер уже с середины 20-х годов использует "личный знак" -- черный квадрат, ставший знаменем супрематизма. Элементы супрематизма в период позднего авангарда занимают позицию автоклише, чье остранение переводит систему индивидуальных значений на мета-уровень, тем самым элиминируют объектность клише-объектов.

6. Реверсивность маньеристической стадии творчества позднего Малевича, отражающая общее состояние авангарда на излете, еще более отчетливо выражена в "немаркированном" слое его поздней стилистики, а именно, в фигуративной классичности живописи. В Автопортрете, чья жестикулятивная риторика обращена к итальянскому Ренессансу, фактурность живописи и форсированный пастозный мазок в контексте предшествующего даниной стадии супрематического опыта -- обладают значением анти-клише классической традиции. Вместе с тем, в отличие от случая Дюшампа, данное анти-клише в той же мере негирует исходное клише, сколь и подтверждает его. Остраненная традиция у Малевича существует не сама по себе, а лишь в качестве полюса по отношению к супрематическим означиваниям. В этом сгущении-натяжении пространства между анти-клише исторической живописи и авто-клише индивидуального стиля доминирующую позицию занимает клише смены художественной парадигмы. Динамика исторической прерывности, становясь стереотипом эволюции, превращается в свою противоположность -- статику клишированного действия, и тем самым аннулирует самое себя.

7. Поэтика позднего Малевича демонстрирует переход авангарда в заключительную стадию (т.н. авангард второго призыва), одним из характерных признаков которой является трансформация семиотического статуса клише: из вещи-объекта оно превращается в символ, отсылающий к собственному прошлому и в духе позднего символизма маркирующий проницаемость временных границ.

ИКОНИЧЕСКИЕ, ВЕРБАЛЬНЫЕ И МЕНТАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ ФУТУРИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Когда заходит речь о футуристах и их литературной и художественной позиции, то сразу же начинает работать в голове читателя стойкий стереотип, который исключительно трудно сломать. В лучшем случае, это что-то типа того, как назвал в свое время авангардистов Алексей Толстой - "мальчишки-хулиганы", а в худшем - футуристов обвинят в разрушении культуры, во введении в культуру заведомой бессмыслицы и т.п.

Между тем, разрушение подобного стереотипа упирается в проблему адекватного понимания языка футуристов, которые расширяли этот свой язык в самые разные стороны: в графическую символику своих бросающихся в глаза книг, в наклеивание всевозможных аппликаций, в пришивание к книге пуговицы от кальсон и т.д.

Рассмотрим на одном забавном примере, как работает этот двойной механизм: футуристический стереотип и стереотип читательского восприятия.

Все знают название поэмы Владимира Маяковского "Облако в штанах". Ни для кого не секрет, что там находится. На это знание и рассчитывал поэт, постоянно употребляя по отношению к своей поэме слова типа "кастрированная" цензурой.

В свою очередь, тогда же вышла в свет "Заумная гнига" А.Кручных и Романа Ялягрова (Алягрова) - он же Роман Якобсон. На обложке можно было видеть упомянутую кальсонную пуговицу, пришитую к изображению сердца на обложке.

Если рассматривать этот авангардный жест вне времени и пространства, то перед нами вновь - "мальчишки-хулиганы". Если же подумать, как совмещаются в одном семантическом поле кальсоны и сердце (кстати, первые недалеко ушли от "штанов"), то перед нами абсолютный синоним "Облака в штанах".

Остается, однако, загадочным название "гниги". Шаблонное восприятие диктует простейшую мысль - футуристы сознательно изменили одну букву, чтобы сделать простое слово "книга" - заумным. Разумеется, на этом можно было бы остановиться. Однако, как кажется, теперь уже Владимир Маяковский, и Маяковский поздний, раскрыл секрет этой "зауми".

В предсмертной эпиграмме на Николая Адуева он писал:

Я скандалист!

Я не монах.

Но как

под ногой

взять Адуева?

Ищу

у облака в штанах,

но как

в таких штанах найду его?

Нам уже приходилось писать, что здесь имеется в виду простейший денотат "pediculus pubis". Вошь эта, которая водится как раз там, где и нужно, вполне заслужила название "гнида". Таким образом, как кажется, раскрывается "заумь" Крученыховско-А(Я)лягровской заумн. Книгу они свое именовали (в переводе, конечно, нашем!) "Заумная гнида". А игра была основана на двойном чередовании. С одной стороны "г-к" по признаку звонкости-глухости, а с другой - "г-д" по алфавитной последовательности.

Кстати, по этому же принципу строится и конструкция псевдонима Романа Якобсона, когда он себя с последнего места в алфавите, (Я), ставит на первое - (А), едва ли не намекая, что "Я (Аз) есмь Альфа и Омега", т.е. по русски А и Я.

Нам представляется, что этот маленький пример неплохо демонстрирует с одной стороны, как работает внутрифутуристическое клише, а с другой, то, с каким мастерством футуристы задали стереотип восприятия своих игр (порой, впрочем, вполне серьезных). Однако рассмотрение этого выходит за рамки тезисов. И так далее..., как любил говорить Велимир Хлебников, прерывая в любом месте чтение стихотворения.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ СТЕРЕОТИПОВ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОСТТОТАЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МИТИНГОВ)*

I. Митинг как феномен новой социальной действительности, отражающий один из этапов становления демократических институтов. Митинг -- сфера активного социального взаимодействия, ломки и формирования поведенческих и ментальных стереотипов.

Цель работы -- выявить и представить в типизированном виде мотивы участия людей в митингах. В качестве материала использовались магнитофонные записи спонтанной устной речи на митингах, в которых обнаруживают себя названные социальные интенции.

II. Митинг в разных социально-политических ситуациях. Разграничение ситуаций по степени их "кризисности"/ "ритуальности", спонтанности/заданности. Их корреляция со стереотипами речевого поведения участников митинга.

III. 2 типа целеустановок участников митинга: 1) общая, коллективная; 2) личная, индивидуальная.

IV. Коллективная цель задается политической ситуацией и обнаруживает себя в названии митинга (Митинг против...; Митинг в поддержку...; Митинг памяти...). Внедрение цели митинга в массовое сознание осуществляется организаторами митинга через лозунги и коллективное скандирование. Анализ лозунгов и плакатов с точки зрения их целеустановки.

Речевые и коммуникативные механизмы включения "человека на площади" в общее политической действие. Действие, оппозиции ЛИЧНОЕ/ОБЩЕЕ, подчинение личного общим интересам. (Этот мотив находится в соответствии с прежним социально-политическим стереотипом о приоритете общественных ценностей над личными).

У. Анализ личных мотивов (в их соотносительности с личными целями):

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ мотивы.

-- Преодоление страха перед тоталитарной системой.

-- Возможность социального самовыражения (плакаты, частушки).

-- Психологический мотив самоутверждения ("Я там был!"). Связь со старым стереотипом (Ср.: Участник штурма Зимнего, он Ленина видел и др.).

-- Проявление мужского начала в обществе во время путча 1991 г. ("игра в войну", "не быть трусом").

-- Желание быть зрителем политического спектакля.

СОЦИАЛЬНЫЕ мотивы.

-- Потребность в социальной самоидентификации (найти "своих").

-- Осознание события в исторической перспективе -- участие во имя будущего, ради детей. "Перспективная" направленность демократических митингов и "ретроспективная" направленность патриотических митингов.

-- Социализация ментальных стереотипов и их соотносительность с набором типичных тем на митингах разной политической ориентации.

КОГНИТИВНЫЕ мотивы.

-- Желание понять, что происходит, получить информацию из первых рук. Роль "дополнительных источников информации" (листочки, призывы, информация от микрофона на площади, слухи).

КОММУНИКАТИВНЫЕ мотивы. -- Проявление потребности в общении среди "своих" (Митинг как зона фактического общения).

-- Потребность в творческом самовыражении (проявление игрового начала). Митинг как народное гулянье.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант N 95-06-17168).

Ю.А.Клейнер

ИЛИ, С.-Петербург

ФОРМУЛЫ И КЛИШЕ.

Понятие формула может включать любой отрезок текста, больший, чем слово, воспроизводимый по правилам, которые лежат в основе звуковой и/или смысловой организации текста (соотв. стих -- проза) и описывают либо весь текст (поэтическая формула), либо его часть (формула ритуала, патентная формула).

Правила организации текста и/или формулы осложняются рядом внетекстовых факторов, таких, как способ бытования (устный, письменный), что, в свою очередь, определяет характер взаимодействия (взаимовлияния) текстов, тип авторства и т. п.

Из правил порождения текста данной традиции (структура + способ бытования) выводится набор признаков, характеризующих как традицию (текст) в целом, так и отдельные элементы традиции и текста (в частности, формулу).

О функциональном тождестве этих элементов и, соответственно, о принадлежности текстов к единой традиции можно говорить лишь при совпадении всего комплекса признаков, характеризующих сравниваемые словесные блоки. Напротив, несовпадение хотя бы одного из признаков указывает на то, что речь идет о различных по своему характеру понятиях, отмеченных лишь поверхностным сходством.

Так, метрическая обусловленность в определении формулы, принадлежащей М. Пэрри (группа слов, регулярно используемая в одних и тех же метрических условиях для выражения данного основного смысла), автоматически исключает из рассмотрения сходные и повторяющиеся словесные блоки прозаического текста.

Признак полезность (*usefulness*, "возможность использовать формулу при быстром сложении песни"), не присутствующий в определении формулы и потому зачастую игнорируемый, отражает одно из основных свойств формульной поэзии -- принадлежность ее к определенному типу творчества, не просто традиционному, но непременно устному. Следовательно, повторяющиеся словесные блоки в текстах раннеписьменной традиции не являются формулами в указанном выше смысле, т. е. совпадают с ними лишь по трем признакам (повторяемость, общий основной смысл и метрическая обусловленность), что, впрочем, дает достаточно полное представление об устной традиции, отраженной в записи.

Тот же набор признаков в авторском тексте указывает на отсутствие оригинальности (ср.: Есть эпохи, которые стремятся к оригинальности, и есть эпохи, которые к ней не стремятся. А. Б. Лорд), цитацию как плагиат.

Поскольку различия между внешне сходными элементами в текстах двух видов носят принципиальный характер, отражая определенный тип авторства и -- шире -- культуры и менталитета, целесообразно использовать термин "формула" лишь применительно к текстам устной традиции, а повторяющиеся словесные блоки авторского текста обозначать иным термином, например "клише".

Особую разновидность клише представляют собой соответствующие элементы прозаических фольклорных текстов (сказка, сага, современный нарратив), статус которых, так же, как и проблемы более общего характера (взаимодействие текстов разных традиций, изменение характера текста при смене бытования) относится к числу вопросов, ожидающих своего решения.

Г. Крейдлин

РГГУ, Москва

СТЕРЕОТИПЫ ВОЗРАСТА.

Как известно, в философии, этике, психологии и теории культуры существуют четыре глобальные концепции времени, определяющие его отношение с пространством. Одна из них, идущая, видимо, от Евклида, рассматривает пространство как первичное понятие, тогда как время, по выражению М. Пруста, "полностью растворяется в пространстве". Другое представление о времени связано с учением И. Канта и его последователей. Согласно этому представлению время и пространство параллельны и распределены между разными типами событий. Пространству оставлены события внешние, или, по Канту, "внешний

опыт", тогда как время является важнейшим признаком опыта "внутреннего". В XX веке появляются философские и психологические школы, для которых единственной реальностью признается субъективно воспринимаемое и оцениваемое время. Пространство же объявляется особым свойством времени, с его называют даже "застывшим временем". Наконец, в некоторых теориях пространство и время предстают попросту как неразличимые сущности, как некая кумулятивная форма, в которой человеческий разум постигает явления и события.

Косвенное подтверждение факта возможного мирного сосуществования нескольких теорий и, соответственно, языков описания времени можно обнаружить, например, в такой области, как искусство, точнее, в живописи. Разные школы и направления живописи отличает не только разное отношение к проблеме пространства и времени и разная эстетика восприятия этих категорий, но также особые языки их репрезентации. В докладе приводятся примеры, показывающие структурные и функциональные особенности этих языков.

В повседневном языке тоже причудливым образом совмещаются все указанные представления о времени. Пространство и время могут рассматриваться и как независимые, самоценные сущности, обладающая каждая своими признаками (например, для времени -- это "линейность" и "направленность", а для пространства -- "протяженность" и "визуальная восприимчивость"), и как единая форма, логическими аналогами которой являются понятия точки референции и хронотопа.

"Наивная" картина времени, отраженная во многих языковых категориях и конструкциях, даже будучи "вставленной" в удобную во многих отношениях пространственную рамку, всегда ориентирована

относительно человека. Все переменны -- места, флоры и фауны, событий, психологического состояния -- связаны с движением во времени и как таковые отождествляются человеком на протяжении его жизни. Подчеркивая ограниченность отпущенного человеку рационального аппарата и краткотечность человеческой жизни, И.Бродский, например, очень образно описал принципиальную неспособность человека охватить время во всех его проявлениях: "Человек перемещается не от звезды к звезде, но от подъезда к подъезду".

Жизнь человека с ее довольно скромными масштабами и растянутостью от рождения к смерти заставляет в большинстве случаев обращаться к гораздо более простой и наглядной линейной концепции времени с его подразделением на прошлое, настоящее и будущее, с его членением на хронологические, генеалогические и исторические интервалы и отрезки.

Между тем биологическое время человека -- его возраст и то, как это понятие выражается в русском языке, имеет отношение прежде всего к телу человека, к его вертикальному положению и анатомии. Когнитивная временная шкала здесь предстает не как привычная горизонтальная, а как вертикальная, с порядком "снизу вверх", вытянутая от земли к небу. При этом она имеет такие, например, участки, как рубежи, пороги или склоны, к которым мы то и дело подходим, через которые перешагиваем и которые более или менее успешно преодолеваем.

В докладе рассматриваются некоторые языковые особенности выражения возраста в русском языке, главным образом те, которые связаны с употреблением предлогов и предложно-падежных форм.

"СЛОВАРЬ САТАНЫ" АМБРОЗА БИРСА: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ СТЕРЕОТИП И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ДЕКЛИШИРОВАННОСТИ.

"Словарь Сатаны" американского писателя, философа, журналиста А. Бирса занимает особое место в мировом культурном пространстве благодаря своей специфике. Построенный по внешним канонам как толковый словарь, он в своей содержательной части представляет своеобразную "модель мира", а не характеристику лексики конкретного языка (что обязательно для лексикографического стереотипа). В этом проявляется индивидуальная манера писателя-газетчика, объединившего в своем квазилексикографическом предприятии лингвоцентрический и антропологический подходы.

Такой механизм нарушения традиционных привычных схем основан на противостоянии трем, значимым для Бирса, факторам: газетной специфике, которая тяготеет к клишированности речевых высказываний, о чем говорил еще Г. О. Виокур (1), лексикографической традиции, которая базируется на определенных стереотипах, и общечеловеческой психологии восприятия, ориентированной на готовые формулы и клише (2), независимо от того, заключены в них истины или заблуждения.

По последним научным данным, клишированные формы употребления языка, которые в минимальной степени определяются индивидуальными бессознательными программами, несут в себе наименьшую информацию и связаны с работой правого полушария

головного мозга; для речевых же функций левого полушария характерна потенциальная осуществимость новых сочетаний слов, способность заново синтезировать хранящиеся в правом полушарии клише и максимальная информативность, что убедительно показано Вяч. Вс. Ивановым (3,4).

Поскольку прием разрушения обывательского мира навязанных рутинных конструкций (а это и есть деклишированность речевых стереотипов) является основополагающим принципом всей поэтики Бирса, которую мы обозначили как "поэтику инвертирования" (5), то можно говорить о левополушарном переосмыслении языковых клише, используемом Бирсом как ведущий прием в "Словаре Сатаны". На этом основании (учитывая нарушение семантического равновесия входа и выхода "Словаря") различаются четыре уровня авторского механизма деклиширования: сверхфразовый, фразовый, фразеологический и лексический.

Последовательно реализовав в своем творчестве принцип деклишированности языковых стереотипов, Бирс сумел теоретически обосновать его в предисловии к "Словарю Сатаны" ("those to whom the work is addressed -- the enlightened souls who prefer sense to sentiment"), тем самым предугадав позднейшие открытия в области функциональной асимметрии мозга, которая и обуславливает возможность обнаружения у отдельного художника крена в сторону одного из полушарий при определении его индивидуальных творческих особенностей (6, 7).

1. Винокур Г. О. Культура языка.-- М., 1929.
2. Виноградов В. В. Современный русский язык.-- М., 1936.

3. Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем.-- М., 1978.
4. Иванов Вяч. Вс. Нейросемиотика устной речи и функциональная асимметрия мозга // Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та.-- 1979.-- Вып. 481. Семиотика устной речи (Тр. по знаковым системам.-- Т. II).
5. Кривенко А. Б. Творчество Амброза Бирса -- журналистика: Автореф. дисс. ...канд. филос. наук.-- М., 1987.
6. Jakobson R. Brain and Language. Cerebral Hemispheres and Linguistic Structure in Mutual Light. Ohio, 1980.
7. Иванов Вяч. Вс. Художественное творчество, функциональная асимметрия мозга и образные способности человека // Уч. зап. Тартуск.гос. ун-та.-- 1983.-- Вып. 635. Текст и культура (Тр. по знаковым системам.-- Т. XVI).

М.А.Кронгауз

РГТУ, Москва

ЭНЕРГИЯ КЛИШИРОВАННЫХ ФОРМ.

В клишированных формах скрыта особая смысловая и экспрессивная энергия. При разрушении клише она вырывается на свободу и становится очевидной. Многие направления в искусстве освобождают и используют эту энергию, например, соцарт, постмодернизм, концептуализм и т. д.

Термин "языковое клише" не вполне определен. Под ним понимают и фразеологизмы, и просто частотные сочетания, а также более сложные семантические единства: стандартные реплики, лозунги, популярные цитаты и многое другое. Языковые клише последнего рода принадлежат в

большой степени к дискурсу, чем к языку, и отражают присутствие социальных факторов в речи и сознании. Такие клише -- всегда цитация, отсылка к чему-то общеизвестному и общезначимому и, соответственно, экономия слов, мыслей и чувств.

Клишированность характерна, в частности, для советского официального дискурса. А для отталкивающегося от него "советского антисоветского дискурса" (или "антитоталитарного" по А. Вежицкой), естественно, характерно разрушение "советских клише". Интересно, впрочем, что взамен разрушенных форм часто используются новые клише, поскольку любой дискурс в той или иной степени нуждается в экономии и цитировании.

В докладе на примерах русской литературы советского и постсоветского периодов анализируются способы разрушения клише и достигаемый при этом семантический (или прагматический) эффект.

Разрушение клише может происходить путем изменения его формы или сферы его употребления. В последнем случае чрезмерное и неуместное цитирование создает эффект отстранения говорящего от цитаты и выражает таким образом его отношение к ней (иронию, несогласие и т. д.). Клише разрушается именно как единица дискурса. На этом приеме построены многие произведения А. Галича, С. Довлатова, В. Ерофеева, Е. Попова и других авторов.

Разрушение самой языковой формы клише, замещение его части также может иметь прагматические следствия. В этом случае возникает многомерность текста: новые элементы вступают в семантические отношения не только с контекстом, но и с непосредственно отсутствующим замещенным текстом. Этот прием часто используется в

современной русской поэзии, причем такими разными авторами, как И. Губерман, А. Еременко, И. Иртеньев, Д. Пригов, Л. Рубинштейн и др.

Равновидностью такого способа разрушения является столкновение нескольких клишированных форм, использованное, в частности, в стихотворении И. Губермана:

Я Россию часто вспоминаю,
думая о давнем дорогом,
я другой такой страны не знаю,
где так вольно, смирно и кругом.

Две клишированных формы советского дискурса взаимодействуют друг с другом, создавая двухуровневое советское пространство. Реальное "вольно, смирно и кругом" хотя и вытесняет мифологическое "вольно дышит человек", но семантически и экспрессивно реализуется именно благодаря энергии, содержащейся в последнем.

Н.М.Куренная

ИСБ РАН, Москва

СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТЕРЕОТИПОВ: СЛОВАРЬ УШАКОВА.

1. "Толковый словарь русского языка" под редакцией Д. Н. Ушакова был опубликован в 1935 г. Это первый большой лексикон советской эпохи, в котором зафиксированы и новые слова, обозначающие ранее не существовавшие явления и реалии.

2. Составители Словаря, разделяя точку зрения, согласно которой "история больших словарей показывает, что каждый из них является отражением классовых интересов своей эпохи" (с. 5), вели

целенаправленную селекцию примеров, комментариев, цитируемых авторов. Поэтому наряду с классиками русской литературы, наиболее часто цитируемыми стали литераторы с т. зр. составителей безусловно разделявших "линию партии",-- Д. Бедный, В. Маяковский, Л. Сейфуллина и некоторые другие, а также классики марксизма, Ленин и Сталин, газета "Правда" и некие анонимные разъяснения соответствующей идеологической и политической ориентации. Можно предположить, что их авторами были Ф. Я. Кон, А. А. Болотников и П. А. Казанский, осуществлявшие политическую редакцию Словаря.

3. Анализ Словаря позволяет проследить определенные культурно-протекавшие затем в СССР на протяжении десятилетий просветительские и идеологические процессы, в момент их формирования в 20-е годы, например, отношение к религии, к истории и культуре предшествующих периодов, к внешнему миру, собственной мессианской роли.

Е.Е.Левкиевская

ИСБ РАН, Москва

МЕХАНИЗМЫ ПОРОЖДЕНИЯ НОВЫХ ТЕКСТОВ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Экспедиционные материалы, собранные за последнее время в Полесье, на Карпатах и Русском Севере, показывают, что в корпусе текстов, бытующих в современной славянской традиционной культуре, бурно формируется совершенно новый пласт текстов, чья цель - описание и осмысление современной картины мира: исторических и политических реалий текущего столетия, элементов научно-технического прогресса, а

также норм поведения человека в изменившемся мире. Хотя подобные предания и легенды отражают события советской эпохи, ситуация, в них описываемая, порождает ассоциации с эпохой раннего христианства - это положение христианина, живущего во враждебном к нему языческом государстве, а также судьба государства, отвергнувшего христианскую веру.

1. Значительное место занимают тексты с традиционным сюжетом возмездия за нарушение установленных норм миропорядка. Как правило, это предания о разрушении церквей и часовен, поругании православных святынь в годы воинствующего атеизма и о возмездии, постигшем разрушителей. События, описываемые в таких рассказах, относятся к годам революции, "пятилетки безбожия" или хрущевских гонений на церковь, но само предание строится по вполне архаичному канону, сформированному еще в древнерусской литературе и имеющему византийские корни: безбожник, посягнувший на святыню, благочестивые люди, отговаривающие его от совершения задуманного, временное торжество разрушителя и наказание, всегда исходящие не от людей, а свыше и поэтому не имеющие конкретных исполнителей. В современных преданиях в качестве нарушителей выступают представители советской власти и их "исполнители на местах": чужак, приехавший из города, партийный секретарь, свой односельчанин, поставивший себя этим поступком в положение изгоя. Почти всегда подчеркивается, что богохульство совершается с ведома и по прямому указанию властей при глухом неодобрении народа. Нарушитель закрывает церковь, взрывает колокольню, сжигает иконы, преследует юродивого и под. В результате возмездия его разбивает паралич, поражает молния, он сгорает в пожаре, у него умирает или тяжело заболевает ребенок и пр. (более смягченный

вариант: "Ему все равно жизни потом не было, от него жена ушла". Тихманьга каргоп. арх., зап. 1994 г.). Ср. предание об уничтожении колокольни (Архангело-каргоп. арх., зап. 1995 г.) - человек, вызвавшийся заложить взрывчатку, встречает на колокольне двухметровую черную змею и возвращается оттуда совершенно седой. Характер наказания часто определяется характером проступка: шофер бензовоза, спаливший в костре иконы, разведя его в заброшенной часовне, сторает сам при взрыве своей машины (Тихманьга каргоп. арх., зап. 1994 г.).

Наказание постигает нарушителей не только церковных устоев, но и вообще традиционной нормы поведения. Согласно севернорусской традиции во время первого весеннего выгона скота на пастбище скотину загоняют в специально построенную загородь для совершения ритуального обхода. При этом хозяйка, загоняя корову, не имеет права идти вслед за ней в этот проход, а обязана подлезть под соседнюю жердину. У партийного секретаря, проигнорировавшего это правило, погибает корова (Архангело каргоп. арх., зап. 1995 г.).

2. Следующую группу составляют рассказы о раскаянии и обращении к Богу неверующих под влиянием какого-либо тяжелого события - сюжет также имеющий весьма древние корни как в народных легендах, так и в литературе. В современных преданиях в качестве "язычников" выступают: коммунист, больной дочери которого бессильны помочь врачи; учительница, которую леший завел в глухие дебри; председатель колхоза, запрещающий праздновать десять пятниц от градобития и другие "носители" атеистической идеологии. По законам жанра, дочь коммуниста, обратившегося к священнику, получает исцеление (Дорофеево островск.

костр., зап. 1982 г.), учительница, догадавшаяся произнести имя Божье, выходит на дорогу и пр.

3. Отдельную группу составляют народные жития мучеников, юродивых, пострадавших за веру в советскую эпоху. Подобные предания сохраняют все отличительные признаки житийного жанра. Каждое из них посвящено жизни местного праведника, описанию испытаний, которые он претерпел за веру от нехристей, совершенных им чудес, которые впечатляют даже его гонителей, и его мученической кончины. К примеру, юродивый Максим Иванович из д. Дорофеево (Островский р-н Костромская обл., зап. 1982 г.), который "пал в божество", обладает способностью пророчествовать, ходить зимой босиком по снегу, он предсказывает время своей смерти и под. Миллионера, который хотел его "забрать за то, что он пророчит", постигает наказание - у него сгорает ребенок. Максима Ивановича ссылают в Сибирь, откуда в деревню приезжает пораженный начальник тюрьмы (sic!), чтобы узнать, "что за человек? По всему бараку ладаном пошло от него". Умирает праведник в предсказанный им самим день.

4. События новейшей отечественной истории также получают свое осмысление с точки зрения традиционных представлений и легко вписываются в существующую историософскую парадигму. Большой интерес представляют легенды и предания о Великой Отечественной войне, которая трактуется как наказание, посланное России свыше за грехи и коммунистическое безбожие. Согласно легенде, спасение России в войне было вымолено у Господа митрополитом гор Ливанских Илией, через которого Богородица передала условия спасения (выпустить из лагерей священников, открыть церкви, совершить молебен перед иконой

Казанской Божьей Матери, которая до конца войны должна находиться в войсках) и дала наставления относительно ведения военных действий (не сдавать Ленинград, а обойти вокруг него с иконой, не отдавать Сталинград). Для этой войны получает особое значение икона Казанской Божьей Матери, как для времен нашествия Тамерлана была значима икона Владимирской, а для войны 1812 г. Смоленской Божьей Матери. С ней обходят блокадный Ленинград, она находится на правом берегу Сталинграда, который не могут одолеть немцы, она помогает взять Кенигсберг. Существуют предания о весьма архаическом способе защиты - создании магического круга с помощью ритуального обхода - уже упоминавшиеся, об обходе вокруг Ленинграда и его технически модернизированный вариант - облет на самолете вокруг Москвы с иконой Тихвинской Божьей Матери перед битвой за Москву осенью 1941 г.

5. События научно-технического прогресса также могут описываться в кодах традиционной культуры. Например, вблизи космодрома Плесецк бытует убеждение, что в небе существует дыра, которую провертели космонавты. Через нее они летают на тот свет и сажают там картошку (Хотеново каргоп. арх., зап. 1995 г.).

Имеющиеся материалы позволяют сделать некоторые выводы:

В современной народной восточнославянской культуре продолжается порождение новых текстов, описывающих современную реальность с помощью традиционных механизмов, среди которых использование характерных для народной культуры жанров, как описывающих мир (легенды, предания, былички, жития), так и регламентирующих поведение человека в мире (запреты, предписания). Реальность описывается в кодах традиционной культуры, на это указывает и набор концептов,

использующихся для описания (человек - Бог, праведный - грешный, "этот" свет - "тот" свет и под.), и моральная мозаика, легко прослеживаемая в большинстве случаев.

Ирина Левонтина

Ин-т русского языка РАН, Москва

"СЧИТАТЬ ^{НЕ} ЦЕЛЕСООБРАЗНЫМ"

Речь идет об одном из самых характерных штампов эпохи "зрелого социализма". Главный источник его выразительности - эффективная эксплуатация семантического потенциала слова 'целесообразный'. В этом слове в полной мере реализуется тенденция расширительной интерпретации идеи цели, вообще присущая целевым словам. 'Целесообразно' - такая разновидность 'хорошо'. И это "хорошо", потому что входит в кратчайший "путь" (по Жаковскому) к достижению цели. При этом 'целесообразно' предпочитает тривиальные, самоочевидные в определенном контексте (идеологическом, историческом, тематическом и т.п.) цели; заполнение целевой валентности у него затруднено (ср. нехарактерное "целесообразный для чего-л.")

Подразумеваемой целью может быть экономическое процветание или торжество диктатуры пролетариата; ср. "Каковы бы ни были индивидуальные качества [подсудимого] к нему может быть применим только один метод оценки: это-оценка с точки зрения классовой целесообразности" (А.Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ). Суть такой целесообразности, в отличие, например, от идеи полезности, пользы, состоит в том, что целесообразным признается не то, что прямо достигает цели, а скорее то, что интуитивно ощущается как ведущие к ней каким-то неочевидным образом.

Очень часто цель, которая может быть реконструирована, имеет гораздо более отвлеченный характер (что-то вроде 'чтобы все было правильно'); ср. "Какой моралист укажет целесообразную границу человеческой тоске, границу выносимого, за которой тоска уже уничтожает человека" (Л. Гинзбург, Записи).

Слово 'целесообразно' вполне свободно применяется не только по отношению к деятельности людей: ср. контексты типа 'Как целесообразно устроены птицы! Кости у них полые, чтобы они могли летать!'; 'Целесообразность природы удивительна'. В таких употреблениях не ощущается образность, перенос или идея провиденциального субъекта; это слово совершенно не имеет мистической подоплеки (в отличие от слов типа 'судьба'). По-видимому, сам смысл слова 'целесообразный' включает не только идею 'такой, который соответствует цели', но и дизъюнктивно присоединенную часть 'или такой, как если бы его целенаправленно создали или использовали для достижения цели'. Представленное как цель 'чтобы все было правильно' естественно воспринимается как "цель вообще" без конкретизации субъекта за счет того, что имеет характер абсолюта. Желание, чтобы мир продолжал существовать по своим законам, является нормой, аксиомой и не нуждается в обосновании и даже формулировании в силу самоочевидности.

Размытость и принципиальная затененность формулировки цели делает это слово пригодным для разного рода демагогических построений типа формулировки 'Считать нецелесообразным'. Вряд ли кто-нибудь мог бы объяснить, почему частная заграничная поездка препятствует достижению какой-то цели, в чем состоит эта цель и кто является субъектом целеполагания. Однако такая формулировка была призвана

создавать иллюзию мотивированности при отсутствии мотивировок. Такое, условно говоря, "брежневское" 'нецелесообразно' очевидным образом отличается от понятия (не)целесообразности, которое фигурирует в рассуждениях о классовой борьбе. "Ленинско-сталинская" целесообразность действительно подразумевает цель - установление диктатуры пролетариата, торжество коммунизма и т.п. Этой цели подчиняется все остальное - ценность человеческой жизни, счастье отдельного человека и целых поколений. Ср. известное своей шокирующей откровенностью ленинское "иравственно то, что служит интересам рабочего класса".

"Брежневское" же 'нецелесообразно' совершенно не таково. Оно сродни скорее рассуждениям о целесообразности мироздания. Вернее, оно как бы плавает в семантическом пространстве между двумя полюсами: апелляцией к человеческому целеполаганию или к абсолюту. Здесь проявляется важное свойство советской идеологии: она строится на аксиомах, которые, подобно так называемым "вечным ценностям", не только не обосновываются, но часто не могут даже быть отчетливо сформулированы. Но, в отличие от последних, не обладают непосредственной очевидностью.

А.Ф.Литвина

ИСБ РАН, Москва

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИИ КЛИШЕ В ДОКУМЕНТЕ.

1. Язык документа и язык "литературы" во многих культурных традициях, в частности в восточнославянской, функционируют как две противопоставленные системы. Это противопоставление, допускающее взаимовлияние противопоставленных языков, оказывает воздействие на развитие литературного языка в целом и может быть особо значимым в переломные периоды его истории. В то же время это противопоставление оказывается более долговечным, чем конкретная языковая ситуация, и принадлежит, видимо, к числу "долгоживущих" культурно-языковых феноменов, в новые эпохи находящих для себя новую почву.

В тексте это противопоставление может осуществляться на разных языковых уровнях, для некоторых культурных традиций возможно противопоставление на уровне графики, орфографии, морфологии и т. д. Наиболее последовательными в исторической перспективе, видимо, являются противопоставления в области синтаксиса.

2. Одним из факторов, определяющих специфичность языка документа, его лексики и синтаксиса, является очень высокая степень стереотипизованности этого жанра письменного текста. Уже самые ранние из известных нам документов представляют собой заданную последовательность клишированных формул. Это позволяет соотнести письменный документ с дописьменным договором, сопровождавшимся ритуалом, в процессе которого определенные формулы произносились в определенной последовательности. Ритуал придавал совершающемуся событию подлинность, заочность, справедливость и неотменимость.

Такова же одна из риторических функций стереотипизованности текста документа.

3. С другой стороны, письменный текст документа уже на очень ранних этапах своего существования подвергается непосредственному или опосредованному воздействию высокой риторической традиции. Благодаря этой традиции в Западной Европе возникает *ars dictaminis* (искусство написания посланий и документов) в качестве отдельной теоретической дисциплины. В сфере практики написания документов воздействие книжной риторической традиции сказывается в престижности искусства правильного выбора и варьирования клише. Это требовало социальной компетентности, которая приобреталась непосредственно в канцелярии, в кругу административной элиты. Таким образом, правильная стереотипизация документа свидетельствовала о том, что его составитель, обладающий нужной компетентностью, находится в одной системе координат с другими должностными лицами, в чьи руки попадает этот документ. Стереотипизованная структура функционирует как различитель в оппозиции "свой ~ чужой", причем "свой" относится к правовое событие, зафиксированное документом, приближая его к разряду "подлинных", имеющих законную силу, неотменимых или желательных.

4. В эпоху функционирования литературного языка нового типа стереотипизирующая модель составления письменного документа ни в какой мере не утрачивает силы, скорее склонна к экспансии в письменные жанры, примыкающие к собственно документу, благодаря чему синтаксические и лексические нормы делового языка, с которыми она связана, могут проникать в среду общелитературного языка.

ПРИМЕРЫ "ДВОЙНОГО" ТАБУИРОВАНИЯ В ДВУЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ (ЮЖНЫЙ ТИРОЛЬ).

Широко известны случаи, когда "сакральные" (во всех смыслах этого термина) слова и выражения табуируются. Таким образом избегается "упоминание имени Господня все", с одной стороны, и богохульство, с другой. Одним из наиболее часто приводимых примеров подобного табуирования являются итальянские "bestemmie", "ругательства", содержащие имя Бога или Богородицы, в которых сакральные имена заменяются близкими по звучанию, но не сакральными: *porco zio, zio cane* (*zio* "дядя" вместо *Dio* "Бог") и т. п. (ср. параллельно русск. японский бог, экси-мокси) или имеющими иногда некоторое отношение к сакральной сфере, но негативными: *porco Ciudal* или негативными *par excellence: porca puttana, porca miseria* (собственно "ругательные" элементы -- *porco* "свинья", *cane* "собака", *puttana* "шлюха", *miseria* "бедность").

Следующий вид табуирования состоит в использовании другого -- "не своего" языка при выражении "отрицательных" эмоций. Подобное табуирование особенно часто в ситуациях двуязычия, обычно со стороны национального меньшинства, при особой обостренности оппозиции свой/чужой (Ср. активное употребление русских матерных слов в балтийских странах, итальянских ругательств среди словенского меньшинства в северо-восточной Италии, в словенской и хорватской Истрии и др.). Употребление чужого языка, с одной стороны, уже само

по себе эвфемистично -- сказанное "по-иностранному" не имеет того значения и действия, как то же, сказанное на родном языке. С другой стороны, в конкретных ситуациях, имеющих свою политико-идеологическую и историко-лингвистическую предысторию, чужой язык (язык "сильного большинства) воспринимается как элемент и атрибут "не своей", возможно даже "враждебной" сферы.

В принадлежащем с 1919 года Италини немецкоязычном Южном Тироле (австрийское национальное меньшинство) встречаются примеры двойного табуирования сакральных выражений. Для него показательны, во-первых, частое употребление итальянских бранимых слов, интерполированных в южнотирольские диалектные речевые периоды (Was wilsch denn, zio cane! Hear amâl auf, porco diol!). Во-вторых, и эти итальянские выражения дополнительно табуируются, заменяясь другими, сходными по звучанию, но ничего не значащими (первые три из нижеприведенных примеров) или безобидными по смыслу (четвертый пример), ср.: madoia! вместо Madonna!; puttega! вместо puttana!; ostelel вместо Ostia! ("облатка"); porzellana! ^("фрагмент") вместо porco!. Таким образом, произносящий неразрешенные слова предохраняет себя по крайней мере на двух уровнях (ср. к тому же связь слово-дело в сакральных формулах) -- переводя сказанное в сферу чужого, и внутри этой сферы прибегая к дополнительному эвфемистическому шифрованию. Так нейтрализуется отрицательный сакральный заряд содержащийся в сказанном, поскольку брань может привести к самым трагическим последствиям вплоть до эсхатологических процессов, ср. русский духовный стих О матерном слове:
Вы, народ Божий, православный,/ Вы по-матерному не бранитесь,--/
Мы за матерное слово все пропали,/ Мать Пресвяту Богородицу

прогневили./ Мать мы сыру землю осквернили./ А сыра земля матушка
всколебается./ Завесы церковные разрушаются./ Пройдет река к нам
огненная./ Сойдет Судия к нам праведная. (Голубинная книга. Русские
народные стихи XI -- XIX веков, М. 1991, с. 200.).

Т.А.Михайлова

МГУ, Москва

О СИРОТАХ, ПАДЧЕРИЦАХ И ДРУГИХ НЕСЧАСТНЫХ ДЕТЯХ...

Фольклорная сказочная традиция знает множество примеров
реализации сюжета, в центре которого стоит фигура ребенка,
несправедливо и незаслуженно обиженного и терпящего плохое обращение:
его ругают, им помыкают, его заставляют исполнять непосильную работу и
даже выгоняют из дому (так наз. тип "сказок о сироте"). При этом
данный ребенок, иногда находящийся уже в предбрачном возрасте, как
правило, отличается приятной внешностью, добрым нравом и
трудолюбием, что, с одной стороны, усугубляет степень несправедливости
дурного обращения с ним, а с другой, характеризует его как п о л о ж н ы
е л ь н ы й персонаж. При этом ему обычно противопоставляется другой
ребенок ("родная дочь"), который отличается отталкивающей внешностью,
злым нравом и леностью, т.е. однозначно характеризуется как персонаж о
т р и ц а т е л ь н ы й.

Действительно, в конце сказки первые обычно получают награду,
тогда как вторые несут наказание, причем иногда очень жестокое.

Но из чьих рук получают несчастные сироты свою награду и при каких обстоятельствах это обычно происходит? В сказках типа "Морозко" ребенок оказывается искусственным образом поставленным в экстремальные условия: он либо изгнан из дома, либо отправлен в лес или иное опасное место с заведомо неисполнимым заданием, что в целом, несомненно, имеет целью - гибель ребенка. Причем лицом, изгоняющим ребенка, оказывается, как правило, представитель старшего поколения: мачеха или, реже, родные мать или отец ("Мальчик-с-пальчик", "Красная шапочка" и пр.).

Однако, как правило, в сказках подобного типа ребенок не погибает, но, напротив, оказывается ода.нным чудесным Дарителем, который является мифологическим существом или иным представителем Иного мира. Причем жизнь свою или необходимое благо сирота выкупает ценой служения Дарителю или, хотя бы, нахождения верных форм контакта с ним (вежливое обращение, комплименты и пр.). В фабульной ткани сказки данное поведение персонажа, который изначально зарекомендован как положительный, выглядит естественно, однако если мы сопоставим его с устоявшейся системой моральных норм, функционирующей в традиционном обществе в целом, мы увидим, что то, как несчастная сирота ведет себя с "матушкой Метелицей" и ей подобными, является на самом деле нарушением нормы, предполагающей уклонение от контакта с представителем Иного мира или, во всяком случае, исключающей "исправную службу" ему. Именно подобные "соглашатели", как известно, являются потенциальными вампирами, заложными покойниками, на которых после их смерти "черти воду берут" и так далее. С другой стороны, "отрицательные" родные дети, которые ведут себя по отношению

к представителям Иного мира вызывающе грубо, поступают именно так, как рекомендует система этических норм "взрослого мира" (ср. распространенный в Ирландии и Северной Шотландии обычай выливать помои, мочу, а также плевать в том направлении, откуда, как предполагается, может появиться представитель Иного мира).

Ср. также сказки типа "Три пряжи", в которых героиня является родной дочерью и при этом - ленивой и неумелой. Однако, ее "обходительность" по отношению к феям также позволяет ей исполнить непосильную задачу и получить награду (принца).

Таким образом, мораль, заключенная в системе обычаев и поверий, предостерегающих против служения Нечистой силе и контакта с ней, оказывается в противоречии с моралью сказок о сироте, в которых, напротив, служение представителю Иного мира всячески приветствуется и изображается как единственный способ не только выжить в экстремальных условиях, но и получить награду.

Как нам кажется, сосуществование двух взаимоисключающих моральных комплексов вызвано разнонаправленностью текстов двух отмеченных нами типов: если текст заговора от Нечистой силы предназначен для взрослого, сказка (особенно, сказка данного типа) предназначается для ребенка. Причем - не для того ребенка, которому предстоит вырасти и пополнить мир взрослых, а для того - чья судьба погибнуть, быть изгнанным, "оставленным" и пр.

Обычай убийства детей собственными родителями (как в младенчестве, так и в пубертатный период) широко практиковался среди крестьянского населения в скандинавских странах и на Британских островах еще в середине прошлого века. Мы полагаем, что данные,

исследованные нами, регионы, не являются с этой точки зрения каким-то аномальным явлением. Данный обычай часто трактовался как стихийная попытка "планирования" состава семьи в условиях отсутствия противозачаточных средств (ср. в "Мальчике-с-пальчике": дровосеку и его жене нечем было кормить детей и они решили завести их в лес...). Мы, в свою очередь, склонны видеть в этом обычае рефлекс обряда принесения в жертву первенца, широко распространенный у архаических народов (ср. мотив "пир Атрея" и подобные ему).

Л.Г.Невская

ИСБ РАН, Москва

ОБ ОДНОМ СЛУЧАЕ КЛИШИРОВАНИЯ В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ.

Повторение как первопричина возникновения клише стереотипов особенно очевидна в фольклорном тексте. Идеологически и генетически повторение обусловлено мифопоэтическим способом мышления. Повторением захвачены все уровни фольклорного текста - от звукового до отдельных образов и тем. Здесь будет рассматриваться мотив "раскрытия могилы", постоянный в русском, белорусском и литовском похоронном причитании. См. репрезентативный текст:

Со восточной со сторонушки
Подымались ветры буйные
Со громами да со гремучия,
С молоньями да со палючия;...
Расшиби-ко ты, громова стрела,
Еще матушка, да мать-землю!
Развали-ко-ся ты, мать земля!

Что на все четыре стороны!
Сокройся-ко гробова доска,
Распахнитеся да белы саваны!
Отвалитесь да ручки белыя
От ретивого от сердечушка,
Разожмитесь да усте сахарныя!
Ты промолви-ко мила сестрица,
Слово-то со мной ласков
(Барсов, 164)

Этот мотив принадлежит к стереотипам особого рода: его смысл как бы противоречит основному смыслу причитания (и обряда), на разные лады варьирующего тему разделения сфер жизни и смерти. Кроссжанровый характер фольклорных клише очевиден. Рассматриваемый текст, взятый изолированно, является заклинанием, отдельные элементы которого позволяют восстановить его генетическую связь с мифом о поединке Громовержца с его хтоническим противником. Однако существенными чертами он связан также с семантикой погребального обряда, что обусловило его стереотипизацию в тексте причета: разрушительность стихий соответствует состоянию хаоса, открытости границ, вызванному самим фактом смерти. Течением обряда хаос устраняется, граница между сферами жизни и смерти окончательно восстанавливается, на что мзосемантический обряду текст "откликается" клишированной формулой:

Видно, нет того на свете да не водится.

Што ведь мертвые с погоста не вортыся.

СТЕРЕОТИПЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ КЛИШЕ.

Мера доверия к нарративному источнику, претендующему на достоверность отражения некой внетекстовой реальности, может определяться (и зачастую определяется) обратно пропорциональной зависимостью от степени его сюжетной и композиционной стереотипности. Она же проявляется в количестве и плотности встречающихся в нем трафаретных повествовательных блоков и мотивов, универсальность которых демонстрируется сравнительно-типологическими исследованиями в области традиционной словесности.

Однако возникающая при этом альтернатива "литературы" и "жизни" в ряде случаев вызывает сомнение. В ее основе лежит преувеличенное (или крайне неточное) представление об исключительном своеобразии, бесконечной вариабельности и малой предсказуемости событий действительности, на самом деле гораздо более жестко детерминированных и воспроизводимых в относительной однородности. Кроме того, часто недоучитывается инерционная ритуализованность истории и повседневности, а также структурирующая роль идеологических (религиозных, этических, социальных и пр.) систем, вносящих свою упорядоченность (а, следовательно, стабильность и повторяемость) в лилейскую стихию

"Естественный" жизненный поток континуален - вне зависимости от степени временной разделенности, соприкосновенности или совмещенности

составляющих его событий, в семантическом или ценностном отношении отчетливо не иерархизированных. Можно предположить, что еще на "дотекстовом" уровне, в памяти индивидуальной и, особенно, общественной, он преобразуется, становясь дискретным. В нем выделяются центральные, доминантные звенья, смысл которых оценивается ретроспективно, и периферийные, "фоновые" элементы, редуцируются малозначимые для этого "центра" детали, возникают новые мотивации и т.д.

Вероятно, этот процесс осуществляется при совмещении жизненного материала с адекватными ему устойчивыми "ментальными матрицами", предполагаемыми данной традицией или складывающимися на общечеловеческой основе архетипов и универсалий. Как мне кажется, данное рассуждение не опровергает а, напротив, доказывает реальность существования трафаретных "событийных сценариев" действительности, лишь определенным образом преображаемых перед возможным изложением в форме словесного текста.

Конечно, от нас навсегда скрыты психологические побуждения и душевные переживания действующих лиц какой-либо подлинной истории, ход которой так или иначе зафиксирован в источниках. Их выявление недоступно для науки. Однако сами поступки, составляющие определенный житейский "сюжет", могут быть более или менее точно реконструированы. При этом обычно нельзя сказать, чтобы здесь обнаруживалась неограниченная свобода выбора решений и практических действий. Напротив, подобные возможности, как правило, оказываются крайне ограничены. Биографические коллизии складываются в соответствии с довольно жесткой жизненной логикой; в сущности, они

слагаются из весьма стереотипных событий и ситуаций, имеющих между собой столь же ограниченный набор имплицитных связей.

При близком рассмотрении индивидуальные мотивации, более или менее случайные обстоятельства, непосредственные поводы тех или иных поступков обуславливают очевидное разнообразие и многофакторность этих событий, как бы покрытых сетью мелких движений и деталей, обуславливающих неповторимые конфигурации каждого момента реальной жизни и драмы человеческих характеров.

Однако на некотором отдалении, по прошествии времени в них обнажается то, что можно назвать "центральной идеей" или "основной траекторией". При этом обнажении на поверхность выступают два типа связи событий: временной и более важный логический, становящийся доминантным в той мере, в какой он не противоречит "естественному ходу вещей". Остается некая относительно простая "сценарная схема", реальность которой - в ее постоянном воспроизведении. Многие "сценарные схемы" прослеживаются в течении огромных исторических периодов и в широчайшем культурном диапазоне - свидетельство их всеобщности и универсальности (скажем, уход на войну молодого человека от молодой жены или невесты, его долгое отсутствие, внезапное возвращение и некоторые следствия из сложившейся таким образом ситуации). Речь при этом не идет о ритуале - это совсем другая проблема, связанная еще с одним уровнем возникновения и функционирования клишированных форм человеческого поведения и их связи как с внеритуальной сферой деятельности, так и с разнообразными стереотипами вербальных текстов.

Можно сказать, что "сценарная схема" имеет событийно-ситуативную и актантно-ролевою структуру. Ей соответствует некий уровень интерпретации, часто прямо связывающий ее с религиозно-мифологическим континуумом (который - в силу свойственной мифу глобальной концептуализации всех сторон жизни человека - уже содержит "интерпретационные блоки" практически для всех возможных событийных прецедентов), а через него - с миром актуальных верований и представлений, с системами ценностей и этических норм и т.д. Как правило, эти интерпретации - не нейтральный фон событий, а активное энергетическое начало, непосредственно вторгающееся в их развитие.

Поэтому неудивительно, что многие из восстановленных исторических эпизодов, событий и ситуаций, как выясняется, имеют богатые параллели в устойчивой топике повествовательной словесности, и находят богатые соответствия в самом широком спектре традиционных мотивов.

Все это объясняет, каким образом возникают столь точные совпадения в формировании "событийной синтагмы" житейской истории и кристаллизации нарратива. Совпадают "сценарные схемы" и мотивы традиционной словесности, что в свою очередь с большой степенью вероятности будет подразумевать последовательность и характер их сценариев.

СТЕРЕОТИПНЫЕ СУЖДЕНИЯ И РЕЧЕВЫЕ КЛИШЕ КАК КУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ.

Слово "стереотип" в отечественной лингвистике, на мой взгляд, не является термином, а употребляется как слово литературного языка. В этом "бытовом" значении понятие стереотипа шире понятия клише: стереотипы могут быть поведенческими, мировоззренческими; стереотипными могут быть суждения о каких-то понятиях и реалиях. Термин "клише" я отношу к сфере языка и речи. Стереотипные суждения о предмете, каждый раз воспроизводимые в одной и той же языковой форме, становятся речевым клише.

Коллективные речевые клише, включающие в себя формулы речевого этикета, обрядовые формулы, регулярно воспроизводимые тексты малых фольклорных жанров, а также стереотипные суждения являются действенным средством отграничения "своей" культуры от "чужой", а внутри социума могут использоваться как знаки некоторой особой группы. Русские конфессиональные культуры - старообрядческая, молоканская и духоборская - дают тому множество примеров.

Так, представители всех трех групп для выражения благодарности употребляют не слово "спасибо", а "спаси Господь" (молокане, духоборцы), "спаси Христос" (старообрядцы) и приводят одинаковые аргументы против слова "спасибо": "бо" - либо недопустимое, кощунственное сокращение слова "Бог", либо одно из имен дьявола. Во всех трех группах формулой приветствия является не " здравствуйте", а

"здорово живете". Входя в воскресенье в духоборский сиротский дом, духоборец говорит: "Славен Господь прославился" и в ответ слышит: "Молва его прошла по всей земле", и эта формула-диалог объединяет всех духоборцев, посещающих воскресное богослужение. Молокане максимисты (последователи пророка Максима Рудометкина) могут приветствовать друг друга на "духовных языках", но это привилегия отмеченной части социума - действеников (действующих в Духе, т.е. прыгающих), и пророков.

Разные стереотипные суждения об одном и том же предмете могут манифестировать точку зрения внутри данной культуры ("свою") и вне ее ("чужую"). Примером могут быть стереотипные интерпретации названий конфессиональных групп. Слово "духоборцы" имеет две интерпретации: одна - "чужая", враждебная, идет от архиепископа Амвросия, который назвал так во второй половине 18 века людей, не признававших священства и крещения: в глазах православной церкви они боролись против Святого Духа. Сами же духоборцы приняли это название, переосмыслив его: духоборцы - это борцы за Дух и борются только Духом. Три интерпретации слова "молокане" также отражают "свою" и "чужую" точку зрения: молокане - люди, которые едят молоко в пост; молокане - оттого, что жили на Молочных водах. Эти две интерпретации известны молоканам, но они являются "чужими"; "своя" же интерпретация такова: молокане исповедуют христианское учение, о котором апостол Петр сказал, что оно есть духовное словесное молоко.

Чужие точки зрения могут иметь разную степень удаленности от предмета, определяемую прежде всего знанием культуры и эмоциональным отношением к ней. В среде людей мало образованных, незнакомых с

народными конфессиональными группами, существует стереотипный набор стереотипных суждений о старообрядцах: "Эти люди много молятся (что правда), неприветливы и негостеприимны (что правда отчасти) и - как конкретное проявление негостеприимности: "в дом не пустят и даже воды не дадут напиться" (что неправда).

При общении "чужака" с представителями конфессиональных культур допустимо и даже желательно употребление некоторых клише этой культуры. Такое речевое поведение является временным переходом через часть культурных барьеров, способствующим коммуникативному успеху.

Т.М.Николаева

ИСБ РАН, Москва

КАЧЕЛИ СВОБОДЫ/НЕСВОБОДЫ: ТРАГЕДИЯ ИЛИ СПАСЕНИЕ?

1.1. Несвободные (клишированные) комбинации линейных единиц - слов, элементов поведения, мыслительных единиц как правило описываются в качестве некоторой данности. При этом существуют типологические сопоставления СИСТЕМ стереотипов, чаще всего - этнических, а еще чаще - этнических стереотипов ТРАДИЦИОННОЙ культуры, клишированной (стереотипизированной) в максимальной степени.

2. Между тем имеет смысл поставить вопрос и о том, 1). зачем обществу нужны стереотипы; 2). каково соотношение свободных/несвободных элементов в речи (и других системах) в зависимости от включенности в тот или иной тип культуры и/или социальной группировки; 3). что такое "ментальные" стереотипы и как их можно описывать.

3. Целесообразно считать, что основная функция стереотипов в речевом обществе - социальная; она базируется на извечно существующем (и в некоторых обществах) тщательно внедряемом страхе индивида оказаться в положении социального аутсайдера, потребности в плотно заполняемом социальном пространстве. Таким образом можно выделить четыре группы клише по двум дифференциальным признакам: а. Произносится нечно из репертуара СВОЕГО социального клана или нет; б. Произносится это ДЛЯ своего или нет. Получается четыре функциональных группы клише: 1) свое для своих; 2) чужое для своих; 3) свое для чужих; 4) чужое для чужих (в докладе будут приведены соответствующие примеры).

Иначе говоря, система речевых клише (мы не говорим об индивидуальном ПРОИСХОЖДЕНИИ каждого клише) является особой социализированной совокупностью единиц языка, как бы "суперсегментных" по отношению к системе языка, объединяющей все говорящее на данном языке население.

4. Таким образом оптимальные условия существования клише предполагают стабильность социального деления; поэтому естественно, что, например, обилие лозунгов клишированного образца возникает во время или после революций. Можно предположить, что именно пролетарская революция потребовала такого обилия лозунгов, так как городской пролетариат еще не приобрел своей спланирующей системы клише, в отличие от давно имеющего эту систему крестьянства - так называемая "народная мудрость".

В последние годы эту социальную ориентацию приобретали речения из реклам и ориентированные на "прежний" общекультурный фонд заголовки газет с актуальными модификациями.

5. В известном смысле клише в коммуникации можно считать "двуликим Янусом", так как они и обращены к собеседнику как "протянутая рука" социальной близости, и в то же время являются некоторым коммуникативным средством отчуждения, заполняющим пустоты "джокером", поскольку в обоих случаях имеет место отказ от ориентации на ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ фразеологии.

6. Интересным в этом плане является частое хождение в речи так называемых "банальных цитат", когда они не служат средством социального опознания. Например, - Татьяна... Русская душой (зачем-то подхватывает собеседник) и под. В ряде случаев клишированным становится большой участок коммуникации, особенно коллективных (застолье и проч., когда говорить практически не о чем). На клише часто строятся и молодежные (обычно мужские) попытки завязать знакомство, поддержать беседу стереотипизированным остроумием.

7. Таким образом количество клишированных речений в коммуникации может говорить о социализированной стабильности данного социума, и в то же время ясно, что клише воспринимаются на речевой оси только в синтагматическом контрасте с не-клише, зонами свободного речевого выбора. Отрицательными примерами могут служить и Эллочка Щукина, и газетные тексты предперестроечной поры.

II. 8. Более дискуссионным является вопрос о ментальной стереотипизированности и о возможностях ее экспериментального эксплицирования.

9. И здесь, как и во многих новых построениях гуманитарного знания, для исследователя-лингвиста, как кажется, опять могут оказаться операционно полезными положения Н.Трубецкого - Р.Якобсона о

фонологизации (валоризации) и сформулированные Н.С.Трубецким типы оппозиций, различающих фонемы.

10. Совершенно очевидно, что факт фонологизации элемента связан с неким порогом перцепции, то есть с когнитивным фактором, при котором совершается скачок от непосредственно наблюдаемой эмпирии факта к осознанию элемента как пучка дифференциальных признаков на структурном, эмическом, то есть ментальном уровне. Иначе говоря, мы воспринимаем как ударение то, что мы СЛЫШИМ как ударение, например. Фонологизация (валоризация) элемента может быть, условно говоря, как "анафорическим", так и "катафорическим" процессом, то есть опережать "развитие событий" или отставать от них. Именно в этих случаях - когда валоризованная ментальная система не абсолютно адекватна реальности - чаще всего говорят о "ментальных стереотипах". К этому относится, например, элевация прошлого, даже и недавнего, убежденность в том, что именно ЭТИ люди являются твоими и ближними, а другие - далекими, решительные утверждения вроде: "Чепуха" при еще не выслушанной информации, мнение социального круга о том, что Х очень добр, а Н пишет хорошие работы и т.д. Так же, как в истории языка имеют место процессы ре-фонологизации, вторичной фонологизации и фонологизации "нового" при неизбежной перестройке всей структуры, в ментальной сфере процессы изменения валоризованных ценностей также должны иметь место. Степень современности и адекватности этих процессов у больших и малых социумов, а также у отдельных индивидов выводит идеи ментальных стереотипов в аксиологическую сферу и в сферу описания отдельных человеческих судеб.

11. С валоризацией ментальных стереотипов связана и идея прототипических структур и прототипических построений. При этом, парадоксально, к прототипам восходит и очень хорошее знание объекта и/или его высокая частотная встречаемость, например, "Назовите фрукт" - "Яблоко"; "Назовите поэта" - "Пушкин", и, напротив, очень малое знание: так, можно предположить, что основные признаки прототипического концепта "японец" у русских ... совпадут в большей степени, чем для концепта "татарин" или "украинец".

12. Иден Н.С.Трубецкого о различении основных типов оппозиций: привативные, эквиполентные и градуальные, очевидно, приложимы и к типам стереотипических ментальных структур. Так, можно высказать гипотезу, что одни люди мыслят дуальными противопоставлениями, другие - градуальными. При этом и в пределах дуально ориентированного мышления мир может делиться на две имеющих признаки группы (то есть это эквиполентная оппозиция) или на X/не-X (то есть привативна), например, "Кто не с нами, тот против нас". При этом сохраняется и идея Трубецкого о выборе маркированной характеристики для признака. Поэтому один и тот же человек может для одних выступать как плохой ("А что он хорошего сделал?"), а для других - как хороший ("Никогда никакой подлости!"), а для третьих - как человек средней нормы.

В коммуникации носители дуальных ментальных структур встречаются часто, ср. беседы типа: "Что-то она очень растолстела!" - "А что, селедка лучше?" и под.

13. В дискуссионном порядке можно высказать гипотезу о том, что РАЗВИТИЕ человека и общества ведет именно к увеличению ментальной градуальности с ориентацией на центр - норму. Дуальные структуры,

согласно К.Леви-Строссу и другим, как известно, характеризуют архаические и примитивные ментальные структуры. В связи с этим можно вернуться к объясняющемуся тем самым вопросу о том, почему именно традиционные культуры легче всего поддаются для исследования этнических стереотипов в интерпретации через систему дуальных признаков. Естественно, что к бинарности ментальных структур тяготеют и авторитарные (тоталитарные) политические системы, поэтому в таких случаях исчезает (или не-присутствует) все СРЕДНЕЕ: срединная проза, средний класс (джентльмены), средний бизнес-класс и т.д. Таким образом, любое развитие авторитарных тенденций "опрокидывает" общество и/или индивида к более ранней ступени развития homo sapiens, но в то же время дает более прочную опору в виде социализированного пространства, сплочению которого в большой степени помогают стереотипизированные и клишированные компоненты речи и поведения.

Е.С.Новик

РГГУ, Москва

АКТАНТНАЯ СТРУКТУРА ПОВЕРИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТАЛИСМАНАМИ.

У народов Сибири вокруг талисманов, т.е. предметов, наделяемых способностью отворачивать несчастье или приносить удачу, существует обширное поле фольклорных текстов разных жанров: от "правил" распознавания и "рекомендаций" по хранению и использованию до "диалогов" и сюжетно организованных быличек, бытовых рассказов, "примеров", повествующих о конкретных случаях приобретения талисмана,

о проявлениях его чудесных свойств или их утрате, и т.д. Впрочем, жанровые различия между "малыми фольклорными формами" и нарративами нас в данном случае не будут интересовать, поскольку все эти тексты обычно образуют единый комплекс с ритуальными действиями. При этом одни тексты (и сюжетные и несюжетные) служат инструкциями по добыванию, хранению или применению талисманов, другие объясняют и интерпретируют их особенности, третьи оказываются формулами, сопровождающими манипулирование талисманом.

В свою очередь действия, совершаемые над или при помощи талисманов, тоже могут быть рассмотрены как текст, в котором вербальные и невербальные компоненты тесно слиты, а сам талисман - как действующее лицо, персонаж этого текста. Поэтому представляется уместным обозначить такие вербально-ритуальные комплексы каким-то одним словом, например "поверья", которое используется здесь просто для краткости и без претензий на терминологическое значение.

Одна из принципиальных особенностей поверий, связанных с талисманами, заключается в том, что они непосредственно соотнесены с конкретными жизненными ситуациями, т.е. представляют собой клишированные отрезки знакового поведения, своего рода "высказывания", "реплики" или "жесты", которыми обмениваются коммуницирующие партнеры.

Если рассмотреть поверья о талисманах с этой точки зрения, то появляется возможность прояснить некоторые особенности их функционирования, которые выглядят странными и даже несообразными при других подходах.

Так, использование одного и того же предмета в разных целях (например, для агрессивного воздействия или для охраны, для привлечения удачи или отгона беды) можно поставить в связь с "коммуникативным намерением" его владельца, "магическую" или "сверхестественную" силу талисмана - с иллюкутивной силой той знаковой цепочки (вербальной, а чаще визуальной или акциональной), в которую он включен, а его эффективность - с перлокутивным эффектом такого текста.

Модально-коммуникативные аспекты отношений между адресантом и адресатом выходят при этом на первый план, служа моделью и для интерпретаций (понимания) той или иной конкретной ситуации ее участниками, и для регулирования собственного поведения или поведения своего партнера.

Например, находка странного, необычного, чем-то выделяющегося предмета (которые обычно и становились талисманами) интерпретировалась либо как "дар" духов, адресованный персонально тому, кто нашел предмет, либо как "желание" самого предмета обрести себе хозяина; в обоих случаях человек оказывался в позиции реципиента, адресата и считался "избранником".

Обычно после приобретения (= получения) талисмана его владелец совершал благодарственное (= ответное) кормление духов, а между ним и талисманом устанавливались отношения обмена услугами: в качестве "получателя" (еды, одежды, адресованных ему просьб) талисман в ответ становился "подателем" (богатства, удачи на охоте, смелости, здоровья, безопасности и т.д.).

И, наконец, сама эффективность талисмана интерпретировалась как его способность воздействовать на животных, духов или людей, которые

тем самым оказывались в позиции адресата: закодированные в визуальных, акциональных, акустических или других знаках модальные смыслы (привлечь дичь, отпугнуть врага, защитить жилище и т.д.) выражают намерения владельца в отношении этих реальных или воображаемых реципиентов. Свои намерения человек мог мысленно или вербально передать талисману (подвешивая клык кабана к детской колыбели, нанайцы говорили: "Моего ребенка караулить (защищать) тебя зову"; в зависимости от поручения нганасанский талисман, изображающий волка, должен был либо защитить оленей хозяина от волков, либо привести своих диких собратьев в стадо его врага). Но в целом ряде случаев талисман "сам" оказывался в позиции адресанта, т.е. наделялся способностью повлиять на поведение своим видом или смыслом (т.е. интенциональностью): нивх, нашедший в тайге когти медведя, считал, что на следующий год медведь "притащит себя" к нему, "чтобы свои когти забрать", а хантыйские охотники, имея при себе какую-либо часть животного, были уверены, что звери этой породы всегда будут сами выходить под его выстрел.

Е.О.Опарина

ИНИОН РАН, Москва

РОЛЬ КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В СЕМАНТИКЕ МЕТАФОР.

1. В основе оперирования метафорой как средством вербализации понятий заложен определенный парадокс.

С одной стороны, метафора, уподобляя разнородные объекты и сферы действительности на основании их реального или предполагаемого сходства, служит инструментом упорядочения и систематизации наших знаний о мире. Роль метафоры как средства выявления единства мира и упорядочения знаний в языке науки отмечена исследователями /Гусев, 1984/. Так, термины лексико-семантическое поле и электромагнитное поле создают аналогию между понятиями, принадлежащими к двум разным областям научного знания, оперируя общей для них "пространственной" метафорой.

II. С другой стороны, природа метафоры такова, что она, если не поставить ей никаких ограничений, способна разрушить любую систему понятий. Действительно, принцип метафоры - уподобление двух разнородных объектов, обозначаемого и образного средства, по какому-либо одному признаку - потенциально допускает огромное множество метафор для одного предмета, так как по крайней мере один общий признак можно выявить практически в любой паре денотатов /ср. ироническое замечание Н.Куин о том, что и свитер, и электрическая розетка являются источниками электричества Quinn N., 1991/. Действуя по такому принципу, метафора способна всю нашу систему понятий и представлений превратить в калейдоскоп, в котором фрагменты картины мира будут раскалываться на осколки-признаки, находящиеся в бесконечном движении и соединяющиеся в практически бесконечное число комбинаций.

Однако этого все же не происходит. И, думается, не только потому, что мы помним о фиктивности отождествления обозначаемого и образного средства в метафоре /принцип als ob И.Канта/. III. Количество метафор,

оказывающихся в обиходе культурно- национальной группы, оказывается ограниченным. Правомерен поэтому вопрос: каковы механизмы этого ограничения?

Мы выделяем три параметра:

1. "Фреймовый" фактор, обуславливающий возможность и "логичность" уподобления нашими знаниями о ситуациях. На этом основании, например, шумная, беспорядочная дискуссия или невежливое, наглое поведение могут быть уподоблены базару /базарные манеры, устраивать базар/

2. Лексическая семантика как фактор формирования метафоры: железный характер, так как в значение обоих участвующих в признаковой метафоре денотатов входит сема 'способность к противостоянию внешнему воздействию' -- твердость металла и "как если бы твердость" характера.

3. Важнейшим фактором, определяющим набор метафор, функционирующих в языковой общности, является культурный фактор /*Viagina etc.*/

Культурный компонент может входить в семантику метафор по-разному, однако общей закономерностью является следующее: основание множества метафор коренится в культурной традиции, часто не осознаваемой рядовыми носителями языка, употребляющими в повседневной речи содержащие метафоры выражения. Например: зерно истины, имеющее библейские корни; темная личность - выражение, восходящее к мифологической оппозиции "свет - тьма"; использование в экспрессивных целях метафор-зоонимов, основанных на бытующих в языковой общности традиционных представлениях о типичных свойствах животных /ослиное упрямство/ и т.д.

Цель работы - выявление способов "вхождения" культурной информации в семантику метафор, обозначающих в устойчивых словосочетаниях параметры абстрактных сущностей, относящихся к миру человека: его свойств, эмоций, ценностных ориентаций, поведения.

Литература:

Гусев С.С. Наука и метафора. - Л. 1984.

Quinn N. The cultural basis of metaphor // Beyond metaphor: The theory of tropes in anthropology. - Stanford (Cal.), 1991.

Bragina N., Teliya V., Oparina E., Sandomirskaya I. Lexical collocations: Denominative a. cognitive aspects // Euralex: 6. - Amsterdam, 1994

Работа выполняется при финансовой поддержке OSI/RSS.

А.А.Плотникова

ИСБ РАН, Москва

"НАЧАЛО ГОДА" В СЛОВЕСНЫХ КЛИШЕ У ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Ритуально-магические действия, отмечающие начало нового земледельческого года и направленные на обеспечение плодородия, у южных славян совершаются уже в первые зимние праздники, начиная с дня св. Андрея (30.XI). С этим днем, а также с днем св. Варвары, св. Николы, св. Игната, реже - Рождеством связаны представления о начале увеличения продолжительности дня, что отражают многочисленные

словесные клише, определяющие прибавление дневного времени в таких "величинах", как "разбухание зерна проса", "движение цыпленка в скорлупе яйца", "прыжок петуха с порога дома" и др. Высказывания такого типа часто не являются строго фиксированными по форме, отражая прежде всего некий стереотип восприятия данного изменения в годовом временном цикле, поэтому "неизменяемой" частью подобного дискурса может быть сравнение, фразеологический оборот или даже термин (напр., болг. *наиндрява, наедрява* [о дне]). Эти выражения характеризуют либо ежесуточное увеличение дневного времени (типа болг. "[От дня св. Андрея] денят започва да наедрява всеки ден с просено зърно"), либо некоторый временной отрезок, в течение которого происходят мнимые или реальные изменения продолжительности дня (напр., серб. "Од Андријевдана до св. Николе дан толико помакне колико петао може да скочи с прага"). Встречаются паремии, отражающие последовательность смены значимых временных циклов (серб. морав. "Од св. Николе Божића дан одужа толико, колико се пиле у љуски окрење, а од Божића до св. Саве [14.01] колико певац може с прага скочити"). Возможно и обозначение только своеобразного "конца" начала прибывания дня: "Колико би певац с прага скочио, толико дан одуља до Малог Божића". Выступающий здесь в качестве временной границы праздник Рождества отождествляется с "истинным" началом года; основной комплекс ритуалов "первого дня", "начала года" в зимней обрядности приходится у южных славян именно на Рождество и его канун - Сочельник. Однако, предшествующие зимние праздники (Андреев день и следующие за ним), от которых ведется отсчет прибывания дневного времени, получают статус "канунов", своеобразных прологов к рождественско-новогодней

обрядности. Многократное повторение варьирующих по форме ритуальных и магических действий, совершаемых в праздники-"кануны", а затем в основные земные праздники, имеет значение усиления, закрепления сакрального смысла происходящего. В праздники-"кануны" часто исполняются обряды, входящие в основной комплекс рождественско-новогодней обрядности южных славян: на Андреев день в Смоленском округе пекут хлеб с монетой, по которой определяют счастье домочадцев в следующем году; в день св. Варвары в некоторых селах Кюстендила ожидают прихода полазника и т.д. Многие же из совершаемых в эти дни ритуалов непосредственно мотивированы представлениями об увеличении дня, что на языковом уровне находит отражение в так называемой "этимологической магии", напр., у болгар в день св. Андрея, когда "наедряват денете", варят зерна различных культур, "да наедрява храната" (чтобы увеличивалась еда); запрягают волов, "чтобы они тоже выросли, окрепли", и т.д.

А.М.Ранчин

ИСБ РАН, Москва

КЛИШИРОВАННЫЕ ЦИТАТЫ И РЕЧЕВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ПОЭЗИИ ИОСИФА БРОДСКОГО.

1. Обыгрывание речевых стереотипов /преимущественно фразеологизмов, пословиц/ и цитирование клишированных /в смысле: хрестоматийно известных/ строк поэтов-классиков - две особенности поэтики Бродского, объясняющиеся представлением автора о природе словесности и литературы.

2. Круг цитируемых авторов в поэзии Бродского достаточно ограничен. Речь идет именно о явных цитатах, часто дополняемых прямым или косвенным указанием на имя цитируемого поэта; вне контекста, к которому отсылает читателя Бродский, такие произведения не могут быть адекватно истолкованы или просто поняты. Более сложные случаи: окружность или пластинка как "модель" мира - образ, восходящий к Джону Донну /М.Крег./, стихотворение "В окрестностях Александрии" и "александрийские" стихи Михаила Кузьмина /ср. наблюдения И.Винокуровой/ - не являются цитатами в строгом смысле слова.

Чаще всего встречаются реминисценции из Пушкина: шестой сонет из цикла "Двадцать сонетов к Марии Стюарт" - "Я вас любил..." /буквальная цитата/; "Север крошит металл, но щадит стекло..." - и строки из "Полтавы" "Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат"; "1972 год" и "Вновь я посетил..." /"Здравствуй, младое и незнакомое племя" - почти буквальная реминисценция, лишь с синтаксической инверсией/; "К Евгению" - и "Так море, древний душегубец...". Последний пример наиболее интересен. "Как сказаио у поэта, "на всех стихиях..." /Далеко же видел, сидя в родных болотах!/ От себя добавлю: на всех широтах". Бродский обращается к относительно малоизвестному тексту Пушкина, причем не цитирует тех именно строк, на которые ссылается (о том, что человек - везде тираниль льстец, иль предрассудков раб послушный; ср. варьирование этой же мысли в послании Пушкина В.Ф.Раевскому). Не вошедшее в число хрестоматийных текстов Пушкина стихотворение воспринимается Бродским в качестве текста, содержащего "хрестоматийную" пушкинскую идею о рабской природе людей, о чуждости чувства свободы /ср. более известные "Свободы сеятель

пустынный..." и другие произведения Пушкина 1822-1823 гг./.

Пушкинское творчество предстает в послании "К Евгению" как единое целое: цитата из "Так море, древний душегубец..." сочетается здесь с аллюзией на "Евгения Онегина" /имя адресата, мотив скуки/ и на поэму "Медный всадник" /опять- таки имя адресата, упоминание барельефов "с туловищем змеи", напоминающее о памятнике Фальконе, об изображении змеи, попираемой копытами Петра Великого; "родные болота" как место пребывания автора "Медного всадника" и выражение "из топи бласт" в пушкинской поэме/.

Таким образом, далеко не самый известный текст Пушкина окружается аллюзиями на его же всем знакомые сочинения и приобретает у Бродского также статус хрестоматийного. При этом очевидная разница идейных позиций Пушкина в стихотворении "Так море, древний душегубец..." и в "Евгении Онегине или "Медном всаднике" намеренно не учитывается.

Другие примеры хрестоматийных реминисценций. Первый сонет из цикла "Двадцать сонетов к Марии Стюарт" - дословная цитата из тючевского "Я вас любил...", соединенная с цитатой- перифразой строк Маяковского из поэмы "Во весь голос" о строчечном фронте и стихах- пушках; стихотворение "1972 год", в котором цитируется Евангелие /"сказано ж доктору, сам пусть лечится" - и "врач, исцели Самого Себя" Лк.М.23/, "Слово о полку Игореве" /переиначенная фраза "Слушай, дружина, враги и братие!", "чаши лишившись в пиру Отечества" - и образ чаши в "Слове..."/, сюжеты русских сказок /"Точно царица - Ивана в тереме..."/ и мифа о Тезее /"Точно Тезей из пещеры Миниоса..."/, "Доктрина" /"Бей в барабан и не бойся"/ Гейне/ у Бродского: "Бей в

барабан о своем доверии.../. Наконец, еще один пример: "На смерть Жукова" и "Синигир" Державина.

Выбор хрестоматийных текстов как основных источников цитат не случаен. Бродский делает своим, интериоризирует прежде всего именно "обезличенные" классические стихи. Одновременно он оживляет, деавтоматизирует их, периодически переосмысляя и утрируя /ср. анализ "пушкинского пласта" в шестом сонете Марии Стюарт, проведенный А.Жолковским/, или делая предметом полемики /спор с мифом о Петре Великом и шире с имперским мифом в "Север крошит металл, но щадит стекло..." и т.д./. Бродский воспринимает себя как продолжателя и последнего хранителя классической словесности /ср. "Конец прекрасной эпохи"/; классика становится частью его собственного творчества, элементом его поэтического языка. /Показательно неразличение реалий начала XIX столетия и времени Хлебникова в "Классический балет есть замок красоты..." - для Бродского все это уже знаки классического/.

3. Не менее часты у Бродского и речевые стереотипы, как бы цитаты самого языка. Примеры: "Время подсчета цыплят ястребом" - "И цыплят по осени считают"; "взглянуть глазами старого барана // на новые ворота..." /первый сонет Марии Стюарт/ - и "как баран на новые ворота" и мн. др. Бродский как бы развертывает речевые клише, придавая им дополнительный смысл и в то же время как бы описывает реальность, самого себя и свое существование в обезличенно-объективированной форме, "с точки зрения самого языка".

4. Язык, а не поэт для Бродского - творящее начало: ср. интервью, описание творчества в "Эклоге 4-ой /зимней/", приравнивание элементов слова и частей речи /суффиксов, глаголов/ к частям собственного тела в

стихотворении "1972 год". И литературные цитаты, и языковые стереотипы - сгустившиеся формы энергии языка, одновременно усваиваемые и деавтоматизируемые Бродским. Оригинальные образы Бродского намеренно канонизируются им, переходя из текста в текст, и сближаются в этом отношении с клише языка и литературы.

Рената Ратмайр

Венский университет, Вена

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАГМАТИЧЕСКИХ КЛИШЕ (на примере русского и немецкого языков).

Как в повседневной, так и в профессиональной и официальной речи встречается большое количество повторяющихся формулировок, которые принято называть "языковые стереотипы".¹ Имеются разные типы языковых стереотипов, которые в данной работе подразделяются исходя из их функционального определения Coulmas (1981) на четыре группы: Пословицы, поговорки, общие места и прагматические клише.

1. Формальная и семантическая характеристика прагматических клише.

Прагматические клише (в терминологии Coulmas рутинные формулы, здесь в дальнейшем ПК), например Guten Appetit; Доброе утро; Herzliches Beileid; Разрешите представиться определяются как достаточно фиксированные языковые реакции на стандартные ситуации социального общения. В отличие от пословиц и общих мест их употребление закреплено за определенными ситуациями, так что эти формулы являются

частью когнитивной репрезентации этих ситуаций в сознании членов данного языкового общества (ср. Шишова 1991:137).

ПК различаются по своему синтаксическому и лексическому составу, составляющему от одного слова до целого предложения: одно слово: Пожалуйста, Danke; эллипсис: Morgen вместо Guten Morgen, Entschuldigung вместо Ich bitte um Entschuldigung, An guaten! вместо Guten Appetit! и т.п. - притом в русском языке такие эллипсисы встречаются гораздо реже, чем в немецком (если они вообще есть!); сочетание слов Добрый день! Herzlichen Glückwunsch!; целое предложение: Ich gratuliere herzlich!; Выражаю свое соболезнование. Одни ПК семантически мотивированы (Добрый вечер!, Guten Morgen!)², другие, хотя бы с синхронной точки зрения, менее или совсем не мотивированы (Prosit!, Servus!, Добро пожаловать!, Пока!).

По месту в дискурсе различаются монологические (вообще говоря, mit anderen Worten) и диалогические ПК. Среди последних можно выделить симметрические пары (формула приветствия - формула приветствия) и комплементарные (извинение - принятие извинения; выражение благодарности - минимизация повода).

Степень обязательности реактивной формулы может быть разной. Например, для формул приветствия она достаточно высока, а для формул выражения благодарности она значительно ниже. В разных культурах, естественно, могут быть отличия: если в немецкой речи минимизация повода для благодарности практически обязательна, то в русской речи реакции типа не за что более факультативны.

Сутью значения ПК является не денотативное значение лексического состава, а прагматическая функция в ситуации употребления, другими

словами, значение ПК есть функция их употребления в смысле Витгенштейна. Сфера употребления ПК так тесно связана с типизацией ситуативных рамок, что употреблением ПК говорящий в отдельных случаях сигнализирует только общепринятую интерпретацию ситуации и тем самым выдает себя как кооперативный член данного языкового сообщества (ср. Coultas 1981:96-97). Этим обусловлен и противоположный эффект, а именно неупотребление ожидаемого клише воспринимается как отказ от кооперативного общения или даже демонстративное неуважение к собеседнику.

Описание сферы применения ПК должно содержать детерминанты ситуации (приватная, социальная, профессиональная, официальная) и ситуативные роли, а также соотношение социальных статусов участников и имеющуюся между ними дистанцию.

2. ПК в разных культурах: перевод и коммуникативная эквивалентность.

Эквивалентность достаточно очевидна, когда ПК отличаются только по языковой форме, а не по типизации ситуации, например в пожеланиях успеха: - Ни пуха ни пера! - К черту!; и - Toi, toi, toil - Danke! Если же формулы формально совпадают, а сфера их применения отличается, то перевод либо передает локальный колорит оригинала, либо стандартность ситуации в оригинальном контексте, но полная прагматическая эквивалентность исключается, ср. ПК Приятного аппетита и Guten Appetit.

В других случаях отличается стереотипная интерпретация ситуации, для чего в докладе приводятся примеры из сравнительного изучения сфер применения формул извинения в русской и немецко-язычной культурах.

3. Изменение ПК и их сферы употребления.

Социальная индикативность ПК говорит не только о статусе и взаимоотношениях партнеров коммуникации, но и об общественных явлениях: в середине 80-ых годов из русского общения стала исчезать ПК обращения товарищ, а в середине 90-ых годов наряду с клишированными формулами Алло или Слушаю стали появляться такие ответные реплики у телефона как: Центральная аптека, здравствуйте, чем могу Вам служить/ чем могу быть Вам полезен?

В немецкой же речи семантически значимый вопрос *Wie geht's?* в последние годы, по всей вероятности под влиянием английского языка, стал переходить в ПК, так как, по эмпирическим наблюдениям, все большее количество говорящих начинает употреблять этот вопрос в ситуации приветствия как ПК, то есть не ожидая никакого ответа.

4. Степень стереотипности ПК.

Степень стереотипности коррелирует с предсказуемостью в данной ситуации и с десемантизацией лексических элементов. На примере вопроса переходящего в ПК *Wie geht's?* было показано, что степень клишированности диахронически развивается, она варьирует как в синхронном плане (например, от одной культуры к другой или от одного социального слоя к другому), так и в индивидуальном плане. Если, например, конфликтное письмо на немецком языке подписывается *Mit unfreundlichen Grüßen* (с недружеским приветом), то этим самым автор письма сигнализирует отход от стереотипа и дословное понимание ПК, если же такое письмо заканчивается формулой *Mit freundlichen Grüßen* (с дружеским приветом), то автор отнюдь не смягчает конфликтность, а

просто стереотипно употребляет предусмотренное для данной ситуации клише.

Исследования показывают, что комплименты в английском языке более клишированы, чем в немецком, где реакция на них, как правило, не стандартна. Акты извинения тоже наиболее сильно клишированы в английском и французском языках, в меньшей степени в немецком и иврите (House 1989:311). В русском языке клишированность извинений еще слабее, что проявляется как в официальной, так и в неофициальной коммуникации; ср., например, с одной стороны, русские объявления о задержке рейсов в аэропортах или на вокзалах, объяснения причин отсутствия на работе или в связи с невыполнением личной просьбы, и, с другой стороны, немецкие стандартные извинения по поводу опоздания или по поводу неудобств, причиняемых по техническим причинам или по не зависящим от говорящего обстоятельствам. Акты выражения сожаления (Мне очень жаль; Как жаль; Tut mir leid) в русской культуре тоже в меньшей степени клишированы, чем, например, в немецкой и австрийской.

5. ПК в нестандартных ситуациях и свободные формулировки в стандартных ситуациях.

Оказывается, что иллокутивные акты, выражаемые в стандартных ситуациях при помощи ПК, содержат ПК и при их применении к нестандартным ситуациям. Так, например, официальная речь благодарности за существенное дело обязательно содержит лексический элемент 'спасибо' или 'благодарность', так же как и извинение за военные преступления содержит элемент 'извинение' или 'прощение'.³ С другой стороны, неклишированные языковые средства, применяемые в

стандартной ситуации, как правило скрывают за собой риск переспроса:

Это Вы извиняетесь? Soll das ein Dank sein?

6. Аспекты вежливости ПК. Степень вежливости ПК зависит от прагматических параметров ситуации и партнеров по коммуникации. Опущение ПК в ситуации, где оно ожидается, воспринимается как признак невежливости и тем самым недостаток воспитания говорящего. Такой же эффект влечет за собой применение социально не подходящего ПК, например Привет! по отношению к вышестоящему по статусу адресату. Нельзя, однако, исходить из того, что более фамильярные формулы тем самым менее вежливы.

В определенных ситуациях синонимичным ПК Извините и Простите как и немецким эквивалентам Entschuldigen Sie; Verzeihen Sie приписывается разная степень вежливости, что в докладе будет объяснено при помощи концепта вежливости Brown, Levinson (1987).

Литература:

Brown, P., Levinson, S.C. 1987 Politeness: Some universals in language usage.

Cambridge, 2. verb. Auflage. Coulmas, F.

1981 Routine im Gespräch. Zur pragmatischen Fundierung der Idiomatik. Wiesbaden (= Linguistische Forschungen 29).

House, J.

1989 "Oh excuse please...": Apologizing in a foreign Language. In: Kettemann, B., Bierbaumer, P., Fill, A., Karpf, A. (Hg.), Englisch als Zweitsprache. Tübingen, 303-327.

Sorhus, H.B.

1977 To Hear Ourselves - Implications for Teaching English as a Second Language. In: English Teaching Journal XXXI, 3/April 211-221.

Шишова Н.В.

1991 Моделирование языковых клише как особого вида вербальных действий. В кн.: Действие. Лингвистические и логические модели. Тезисы докладов. Москва, 136-138.

----- 1 По исследованиям Sorhus (1977:217) такие формулировки составляют пятую часть канадской спонтанной речи.

-----2 Денотативное значение лексических элементов может быть достаточно "забыто", хотя его актуализация может проводиться в юмористических целях, как например в австрийском анекдоте: "Двое встречаются в лифте, один говорит другому *Grüss Gott* (стандартная австрийская ПК приветствия, дословно (Передай) Привет богу), а тот отвечает: - Так далеко я не еду.

----- 3 Ср. "По рядам корреспондентов на заключительной пресс- конференции ходил один из текстов выступления президента, куда он собственной рукой вписал фразу о том, что Россия приносит Японии не просто соболезнования, а именно извинения за бесчеловечное обращение с японскими подданными в сталинских лагерях. Эти извинения за полтора дня Борис Ельцин не поколебался принести пять раз в разных ситуациях, не оставив у слушателей никаких сомнений в том, что это его твердая нравственная позиция." (Комсомольская правда, 14.10.93:7)

СТЕРЕОТИП КАК СУЖДЕНИЕ vs СТЕРЕОТИП КАК НАРРАТИВ

Стереотип как суждение

Стереотипное представление в форме высказывания по своей логико-семантической структуре напоминает суждение с некоторым логическим дефектом. К таким дефектам могут относиться (а) подмена квантора экзистенциальности на квантор всеобщности. Все мужики свиньи или Все бабы дуры; (б) подмена модуса суждения на модус долженствования Мужчина должен зарабатывать или Женщина должна сидеть дома; (в) подмена сигнификатива Евреи распяли Христа или Евреи устроили Октябрьскую революцию и др. дефекты.

Иными словами, стереотип представляет собой фальсификацию суждения: оно имеет правильную субъектно-предикатную структуру, но суждение становится неверифицируемым, устраняется его истинная ценность. Действительно, можно ли говорить о наличии смысла у таких высказываний: ?Правда / Неправда, что мужчина должен зарабатывать; ?Правда / Неправда, что евреи распяли Христа и пр.). Стереотип нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить. Насколько суждение есть порождение работы сознания, настолько стереотип как фальсифицированное суждение есть порождение работы ложного (фальсифицированного) сознания - или, по Марксу, идеологии.

Однако в такой пропозициональной форме стереотип выступает только в своей крайне обобщенной формулировке, когда становится лозунгом. Можно предположить, что "обыденная" форма бытования стереотипа - не пропозициональная, а нарративная. Стереотипное представление живет в сознании носителей в виде некоего топика, который имеет свой сюжет и своих героев. Например, свойственный русскому "прогрессивному" общественному сознанию стереотип Творчество всегда находится в конфликте с властью воплощается в фабулу и персонажность Поэта и Царя (конкретно - Пушкина и Николая I, Сталина и Булгакова, Сталина и Мандельштама и т.д.). Не менее традиционный стереотип Судьба женщины в искусстве всегда трагична выбрал для своего воплощения нарративный образ Ф.Г. Раневской, каким он предстает перед нами во многочисленных воспоминаниях современников. точно так же образ А.А. Ахматовой в устных рассказах и воспоминаниях несет в себе признаки стереотипа Подлинная поэзия в условиях советской действительности всегда величественна и трагична.

Стереотип в этих случаях выступает не как законченный дискурс, а как его потенциальность, как некоторое нарративное ожидание. Можно предположить, что такие нарративные ожидания составляют код культуры и могут описываться как таковой.

Гипотеза

Эти соображения позволяют выдвинуть гипотезу о том, что стереотипы как нарративная форма являются строительным материалом как для идеологии, так и для культурного предания. Намечается связь между стереотипом-нарративом и прото-текстовыми свойствами фразеологии. Таким образом, возникает возможность для изучения стереотипа как культурной идиомы в рамках более широкой проблемы идиоматичности и культурно-языковой специфики.

Работа выполняется при финансовой поддержке OSI/RSS.

Т.Н.Свешникова

ИСБ РАН, Москва

ИМЯ СОБАКИ КАК СТЕРЕОТИПИЗИРОВАННАЯ СТРУКТУРА.

В основе данного сообщения лежат "заметки на полях" нескольких каталогов выставок Пудель-клуба, которые содержат интересный материал, непосредственно связанный с темой настоящей конференции. Речь идет о клишированных структурах, служащих для обозначения собачьих кланчек; анализируемые клише состоят, как правило, из двух частей: клички собаки, часто в сочетании с прилагательным, указывающим на цвет, и название собачьего питомника или так называемая заводская приставка; ср., например: Лисенок Людвиг с Иртышских берегов (кличка

абрикосового пуделя); Снежный Ай-мальчик Русского Двора (белый пудель); Агриппа Черный Муар (черный пудель). В скобках отметим, что пуделей принято классифицировать по размерам (большой, малый, карликовый и той-пудели) и по окрасу (черный, белый, серебристый, коричневый, абрикосовый и красный). Первая из указанных характеристик очень редко отражается в кличках-клише, в то время как вторая представлена широко и разнообразно, - в соответствии с фантазией, воображением и вкусом заводчиков и владельцев собак.

Как представлены обозначения цвета в рассматриваемых клишированных структурах? Во-первых, это, как уже говорилось, конкретные прилагательные, указывающие на цвет (иногда в сочетании с существительным, которое содержит соответствующий цветовой признак). Так, например, серебристые пудели в своих кличках имеют прилагательные серебристый, серебряный, серый, голубой, дымчатый: Петушок Серебристый Гребешок; Серебристая Лаванда; Серебряная Горлица; Голубая Незабудка. Указание на цвет содержат и заводские приставки, ср.: Констанция Серебряный Век; Ефим Небесная Ласточка (где название птицы ассоциируется с признаком "серый"). В кличках белых пуделей можно встретить прилагательные снежный, белоснежный, белый: Белоснежный Бантик; Белоснежная Капелька; Снежный Айвенго; Белый Чарльстон; то же - в заводских приставках: Анжелика Белоснежная Магия; Милан из Снежной сказки; Игрушка Белое Солнышко; Кинг Белоснежное Кружево; Робин Рой Белый Иней. В кличках абрикосовых, красных и черных пуделей указание на цвет содержится, чаще всего, в заводских приставках, в самих кличках прямых обозначений цвета, как правило, нет, но встречаются названия-метафоры,

порой отражающие буйную фантазию их создателей; ср.: Ночная Жар-Птица; Восторг Ночи; Пиковая Дама; Пиковый Валет; Чертенок Амур (клички черных пуделей); Вариация Белая в Черном (кличка черного пуделя от черного отца и белой матери); ср. вполне адекватные имена: Лисенок Людвиг; Груня Ягодка (абрикосовые пудели); Мандарин (красный пудель). Цветообозначения в заводских приставках: у черных - Анабель Флер Нуар; Симон Черная Орхидея; Рикки Черный Лебедь и др.; абрикосовые пудели: Солнечный Луч; Золотой Лев; Золотое Руно; Златислава Солнечный Зайчик; Ундина дю Солей; красные: заводские приставки - Красное Облако; Алый Парус; Утренняя Заря; Красно Солнышко; Красное Очарование; Золотистый Лев; Золотая Лилия; Золотой Огонек.

Многое в приведенном материале несет в себе черты времени. Но есть и другие его приметы, также содержащиеся в рассматриваемых здесь клише. Это и увлечение "старинной", которое проявляется в нарочитой архаизации, в отзвуках прошлого, часто странных и даже нелепых, особенно если принять во внимание область бытования этих черт. Приведем в качестве примера названия питомников и заводских приставок, отражающих указанные особенности: Русский Двор (ср. Серебристый Мальчик-с-Пальчик Русского Двора; Снежный Авантюрист Русского Двора; Серебристая Насмешка Русского Двора и др.); Троицкое Предместье (Амадей из Троицкого Предместья; Баловень Николая из Троицкого Предместья и пр.); Измайловское Подворье (Аделина из Измайловского Подворья); Замоскворечье (Замоскворечье Варвара; Замоскворечье Василий); Шапка Мономаха (Амулет из Шапки Мономаха; Барин из Шапки Мономаха); Русская Тройка (Линкольн

Русская Тройка); Злато Скифов (Милован из Злата Скифов); Красно Солнышко (ср. Дарьюшка Красно Солнышко; Эльф Красно Солнышко). Среди этих часто несопоставимых между собой наименований можно встретить и просторечные, и, напротив, чрезвычайно претенциозные, ср., например: Авентин с Петровского Парка; ср. также: Домона Дивная Душица от "Любэ" (видимо, отражение имени и фамилии владельца).

Несколько наблюдений над синтаксисом рассматриваемых клише. Их основные компоненты соединены между собой тремя способами: второй компонент в форме родительного падежа присоединяется к первому без предлога / при помощи предлога из; второй компонент соединяется с первым способом примыкания (ср.: Серебристый Гусар Русского Двора; Анетта из Мандаринового Сада; снежный Аристократ Летучий Голландец; Звездный Мальчик Дом Тотем). Любопытен способ, к которому прибегают создатели клише для реализации противопоставления мужской/женский: Оберон Кудрявый: Блондин / Олда Кудрявая Блондинка; Флористан Принц Грез / Флорена Принцесса Грез; Снежный Аристократ Летучий Голландец / Снежная Ауристелла с Летучего Голландца.

И.А.Седакова

ИСБ РАН, Москва

КЛИШЕ И ЦИТАТЫ В РЕЧИ РОССИЙСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

В сравнении с предыдущими десятилетиями "диахронического застоя" развитие русского языка за последние десять лет проходит очень бурно.

Отход от официальной идеологии и обслуживающих ее языковых средств, вызвал значительные изменения в сфере лексики и фразеологии, в характере дискурса и др.. Неузнаваемым стал и язык средств массовой информации. Особый интерес в этом плане представляет стиль современных российских журналистов, которые, пытаясь разрушить стереотип советского работника радио и телевидения и его манеры изложения, создают новые "перестроечные" и "постперестроечные" клише и штампы.

Освобождение языка от советской лозунговости предоставил журналистам большие возможности в выработывании собственного, оригинального стиля. Это однако удалось далеко не всем. По большей мере речь современных работников СМИ также является "заклишированной" и полной штампов, набор и классификация которых будут подробно анализироваться в докладе. Стереотипны и многие приемы подачи информации - сопоставление двух пластов - советского и постсоветского, современного и дореволюционного, российского и западного и т.д.. Нередко сравнение строится на одной цитате, на узнаваемой игре слов, на одной формуле.

Игра с цитатами, паремиями и т.д. - перестроечная черта речевого поведения журналистов. Безусловно, игра слов, снижение стиля, включение разговорных и жаргонных клишированных выражений - существенные характеристики современных репортажей и комментариев - явление, которое требует прежде всего социолингвистической интерпретации. Похоже, здесь действует своеобразный закон - чем больше каламбуров, чем фривольнее высказывания, тем привлекательнее кажется она массовому слушателю. Подобная речь ориентирована, как нам

кажется, на менталитет "простого" человека (ср. поразительную частотность этого слова в рекламах, телепередачах и т.д. - "Это просто", "Просто Мария", затем "Просто Лена", и мн. др.), своего рода новая демагогия дня сегодняшнего. С другой стороны, речевые обороты и формулы, звучащие с экрана и коррелирующие со стилистикой рекламы (также полной штампов и искаженных цитат) моментально подхватываются подростками (о быстром реагировании на изменения в языке именно среди молодежи писал еще А.Н.Селищев в 1927 г.).

Следует отметить определенную моду на некоторые клише в журналистике - клише заразительны. Удачный образ, выразительная цитата быстро превращаются в общее место. Так, языковым штампом стало включение в репортаж характеристик "нашего нелегкого, страшного, трудного и т.д. времени". Уже более года постоянно звучит ироническая присказка "Мы впереди планеты всей". Комментарий "То, о чем так мечтали большевики..." добавляется к любого рода информации (приезд королевы Великобритании в Россию, открытие новой телепередачи "Шпильки" и т.д.). В словарь журналистов прочно вошло клише "власть предрезающая", которое в Академическом словаре дается с пометами "уст., теперь ирон.", теперь утратившими свою актуальность.

Использование паремий, цитат и клише относится, возможно, к наиболее релевантным характеристикам как речевого поведения говорящего, так и его социальных, идеологических и ментальных установок. Знакомость паремий, удачно подмеченная и описанная Г.Л.Пермяковым, проявляется не только как их внутреннее свойство. Представляя собой конкретную логико-семиотическую структуру, клише

дает нам важную информацию и о человеке, в зависимости от того, как, в каком контексте он употребил это выражение.

Безусловно в привлечении паремий, афоризмов и т.д. проявляется культура речи и интеллектуальные способности журналиста. К сожалению, однако постоянно приходится сталкиваться с непрофессионализмом в журналистике, что проявляется и в случайном использовании цитат, в неправильном употреблении фразеологизмов и пословиц. Желание быть оригинальным и в то же время "оставаться на уровне", т.е. соперничать с коллегами в игре слов (особенно у молодых журналистов), приводит к тому, что цитаты вставляются совершенно в неподходящий контекст или их значение полностью противоположно преподносимой информации (например, начало комментария о курсе доллара, который в течение недели не изменялся: "Идет, гудет зеленый шум..."). Особенно беспомощны журналисты в использовании религиозных аллюзий и цитат из Библии, без которых не проходит почти ни одной передачи на радио и телевидении.

В докладе речь пойдет о речевых клише разных типов журналистов (более образованных и менее образованных, совершенно не владеющих нормами русского языка и т.д.). Естественно, учитывается и многообразие жанров теле- и радиопередач и в каком режиме они проходят (монолог комментатора, беседа, интервью и т.д.).

Интересным аспектом исследования представляется сопоставление стилистики русских и болгарских журналистов. Наблюдения последних лет показывают, что и в болгарских средствах массовой информации произошел "взрыв", тотальное освобождение языка журналистов. Наряду с общими моментами в развитии современного русского и болгарского

языков журналистики, в Болгарии отход от официоза сопровождается несколько иными языковыми процессами - обращением к турцизмам, диалектизмам и др.

Л.А.Софронова

ИСБ РАН, Москва

ГОТОВОЕ СЛОВО БАРОККО НА УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ.

А.В.Михайлов определил барокко как "состояние готового слова традиционной культуры". Это готовое слово - слово риторическое, оперирующее уже известным набором смыслов; оно не зависит от творческих намерений автора, задано традицией, так же как жанровая структура и репертуар тем. Все операции, которым может быть подвергнуто слово, также не есть изобретение автора. Он имеет только свободу выбора слова и правил обращений с ним. Это слово содержит скрытые возможности изменений.

Оно появилось на украинской сцене как знак латинской культуры. Это было слово "украшенное", слово с особой ораторской интонацией. Оно принесло в театр идею эмблемы и было присуще декламациям и диалогам, мистериям и моралите.

Готовое слово барокко не было на украинской сцене единственным видом готового слова. Оно столкнулось с сакральным словом православно-византийского круга, которое было первоначальным явлением, заданным и законченным (Св. Матхаузерова). Хотя оно воспринималось как эстетический объект, главным в нем было то, что оно - "драгоценная и

сакральная субстанция" (С.С.Аверинцев). В украинском театре, таким образом, наличествовало два типа готового слова.

Если в православно-византийском круге слово не отрывалось от понятия Логоса, то в латинском оно вело себя более свободно. Оно не имело свойственного слову православно-византийского круга пиетета и было словом человека, искушенного в искусстве, но не посланием свыше. Если в православно-византийском круге слово оставалось неизменным, так как любые воздействия на него, приводящие к искажениям, могли потревожить его сакральную сущность, то в латинском круге слово становилось объектом для сложнейших грамматических, семантических, фонетических процедур.

Эти два типа слова, как слово священное и светское, постоянно противопоставлялись в театре, хотя они и выступали со сходными функциями и на сходных основаниях были предоставлены автору для его драматических опытов. Варлаам Лещевский, например, в "Трагедокомедии" противопоставляет значимость священного слова простой грамотности и знанию латыни: "інній букварь толко ізучать единій, Да когда еще знают что и оть латини, Запросы ис писаній вездь сочиняють, - Аки бы всьхъ мудрѣйши были, притворють". Сакральное слово он именует "нужнейшим к спасению". То есть нарушение границы между светским и сакральным на уровне слова драматург считает невозможным. Пугает его и пренебрежение, которое выказывается к истинному, т.е. сакральному слову: Въ крайной и ть імьбть оное огидь, кои, слишаще слово у других в бесебь, Називають коеюсь то пиворьзною".

Встреча готовых слов разного происхождения тем более сложно проходила в условиях театра, что готовое сакральное слово православно-византийского круга не знало игрового употребления. Знаменательно, что В.Лацкевичский возмущался "кощунам", т.е. сложению кантов и комплиментов на основе священного слова. Границу между сакральным и светским он не считал возможным нарушить. Театр же, естественно, требовал этого, но не отказывался он и от статического положения готового сакрального слова на сцене.

Сакральное слово на школьной сцене - это Бог-Слово, воплощенное слово. (Так, в одной пьесе, "Царство Натури Людской" Бог-Слово беседует с Моисеем. Он слышит его из-за купины. - Моисей. "Кто еси? Се аз, раб, владыко." - Бог-Слово. "Не приближайся: зриши таинство велико".) Это библейская цитата - театр вместе со всей культурой XVII-XVIII вв. превыше всего ценил слово священного Писания. Евангельская цитата создавала мощные скрепы словесного ряда пьесы и утверждала наличие сакрального ядра всякой школьной драмы, была универсальным ключом к ее прочтению. Связь цитаты с источником не терялась: на полях часто указывался ее источник, книга Св.Писания, глава Евангелия и строфа. Цитата давалась полностью или сворачивалась до сравнения, расписывалась на отдельные голоса. Давались цитаты пунктиром, в косвенных упоминаниях. Они не были изолированы и вступали в отношения со светским словом.

Поиски слова, нахождение связей между словами, выявление их скрытых смыслов стали восприниматься как художественная задача, не выводившая за пределы сакрального. Обнаружились схождения слова сакрального и риторического. И то и другое слово стало привлекать во

всех ипостасях, графической, фонетической, грамматической. Оба типа слова сходно не разрывали установившиеся связи между автором, словом и действительностью.

Сакральное слово получило на сцене такую свободу, что стало объектом пародии. Оно превратилось в "непрямое" слово (М.М.Бахтин), утратило свой торжественный ореол. В "Комедии униатов с православными" евангельские цитаты выводятся в бытовой контекст, сопровождают сцены знакомства, получение взяток, жалобы на трудную жизнь бродячего школяра. Например, мечтая о приходе, Декан собирается денно и нощно спать, на что Протонерей говорит ему: "Не люби спать, чтобы тебе не сбеднеть; держи открытыми глаза твои, и будешь досыта есть хлеб" (Пр. 20.10). Попало сакральное слово и в интермедии, где в традициях рекреативной литературы входило в непривычный контекст. Так, в интермедиях к пьесе М.Довгалевского "Властотворный образ человеколюбия Божия" один Поворез жалуется словами псалма: "Обійдоша мя пси мнозі! Жезл твой і палиця твоя та мя утішиста!"

Сближение слов разного типа порой сменялось резким расхождением; они только сопresentствовали и не шли на сближение. Таким образом создавалось специфическое положение готового слова на школьной сцене, а украинский театр наглядно представил сложные взаимодействия разных его типов.

ФИЛОСОФ И ЩЕГОЛЬ:

РОЛЕВЫЕ МАСКИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЕ
ПРОСВЕЩЕНИЯ.

Цель данного исследования - наметить основные стереотипы, которым вольно или невольно подчиняли свое поведение люди эпохи Просвещения. Поскольку во Франции XVIII века доминировала аристократическая модель бытия, светское этикетное поведение включалось в общее понятие "цивилизации" наравне с искусством (Норберт Элиас). Бытовое поведение, включающее умение правильно одеваться, есть, вести беседу, писать письма, объясняться в любви, естественно смыкалось с салонными формами бытования культуры: философскими беседами, шутивными ритуалами, сочинением стихов и рассказов, представлением пьес, литературными мистификациями, частной "открытой" перепиской. С другой стороны, выход книг и премьера спектакля становились событиями художественной жизни Парижа именно в процессе их обсуждения в салонах и кафе, двух центрах формирования общественного мнения. "Литературные корреспонденции", рассылавшиеся по европейским дворам, увековечивали оценку.

Эту стройную иерархическую картину нарушало, во-первых, то, что при всей разнице позиций философов и щеголей создаваемое ими общественное мнение все активнее осознавало себя как реальная новая сила, противостоящая государственной власти, основанной на тайне. Во-вторых, сами принципы аристократического жизнеповедения оказались

поставленными под сомнение "защитой и прославлением" иных моделей, в первую очередь буржуазной и философской.

С точки зрения аристократа буржуазный образ жизни воспринимается как возможный, но презируемый, философский же - как невозможный, как своего рода антиповедение. Для щеголя жить в обществе - важное и самоценное занятие, а вовсе не безделье. Он царит в парадных покоях, для поддержания репутации он обязан разоряться, за показным блеском должны скрываться (или афишироваться) огромные долги. Напротив, для буржуа престижна и важна работа (торговля, производство), он копит, а не тратит; скромный вид подчеркивает тайное богатство. Семейное счастье делает ненужным любовные победы. Кичиться своим состоянием, тратиться на актрис и меценатствовать - значит принимать аристократическую модель поведения, как это делали многочисленные "мецане во дворянстве", покупавшие знатные титулы.

Мир знатности и богатства с миром искусства связывают две характерные фигуры: откупщик меценат (д'Эпине, Ла Поплиньер) и светская дама, хозяйка салона, сама не чуждая философии и изящной словесности, покровительница ученых и писателей, как г-жа Жоффрен и г-жа д'Эпине. Г-жа Неккер за неделю просчитывала наперед ход беседы на ее приеме, а маркиза де Ла Ферте-Имбо, королева Латюрелю, напротив, высмеивала философов, обращая в шутку ученые рассуждения.

Разумеется, и мир писательский не был един. На одном полюсе находились литераторы, поденщики Республики Словесности, зависимые от покровителей, подлаживающиеся под вкусы публики, превозносящие власть (шевалье де Муи) или хулящие ее (Тевено де Моранд), ибо памфлеты расходились лучше панегириков. На другом полюсе -

аристократ и дилетант, пописывающий для своего удовольствия и нередко помогающий бедным собратьям по перу, как граф де Келюс. Разумеется, в обоих случаях графомания не только не исключалась, а скорее предполагалась; само же писательство воспринималось как ремесло низкое, едва ли не постыдное. Обе эти модели поведения так или иначе адаптировались к буржуазным (все на продажу) или дворянским принципам (благородное времяпровождение).

Напротив, философ воспринимался как человек не от мира сего, нарушающий все принятые нормы, для которого личная свобода важнее правил общежития и социальной иерархии. Любая зависимость: любовь, дружба, семья, родина - для него тяжелые оковы. Те черты, что свойственны любому литератору и вытекают из особенностей профессии: склонность к уединению, непрерывное чтение и писание, бытовая рассеянность из-за постоянной концентрации умственных сил - приобретают у философа гиперболические, гротескные и трагические черты. Любой "каторжанин письменного стола" (Ф.М.Гримм) обрекает себя на геморрой, заворот кишок, склероз и слепоту. Но для философа творчество - это еще и "высокая болезнь", священное пророческое безумие.

Итак, философ думает, щеголь говорит. Философ пишет, щеголь беседует. Философ читает медленно, возвращаясь, перечитывая, используя выписки в работе. Щеголь читает все подряд и очень быстро, он выносит суждение и мгновенно забывает, уничтожая тем самым свое произведение. Философ существует в мире памяти, над которым не властно время, он беседует с предками и потомками. Щеголь живет сегодняшним днем.

Философ одинок, щеголь не существует вне света, общества, беспрестанного общения. Философ - убежденный холостяк, жена и дети отвлекают от высоких дум (в мистической интерпретации - препятствуют постижению высшего знания). Его утеха - в беседе с такими, как он, друзьями, любовница нянчит его, как дитя. Щеголь женат, но все внимание уделяет чужим супругам, забывая о своей, он вынужден всегда играть роль соблазнителя, даже если бессилен.

Философ болен от сидячего образа жизни, щеголь всегда в движении. В обществе он буквально вертится волчком, он задает вопросы и говорит, не дожидаясь ответов. У него своя речевая маска, фонетическая и лексическая (см. работы Ю.М.Лотмана). Парижское щегольское наречие - пропуск в высшие слои общества "Французской Европы", раскинувшейся от Италии до России. Щеголь наряжен по моде, он ее законодатель, тогда как философ одет по-домашнему (Вольтер), небрежно до чудаковатости (Дидро), по-восточному (армянский халат Руссо). Философ во всем оригинален и индивидуален, он парадоксалист, тогда как остроумец щеголь воплощает идеал одинаковости, он лучший из похожих на него.

Щеголь, неверующий католик, безразличен к богословским проблемам, тогда как философ, деист или атеист (Дидро), сам мнит себя Верховным существом в минуты озарений (Руссо); современники почитают его как литературное божество (Вольтер). Философ - кумир толпы, щеголь - человек толпы.

Судьба их также различна. Удел философа - преследования и гонения, тюрьма и ссылка. Удел щеголя - беззаботность, упорядоченность и предсказуемость мелких ежедневных событий.

Три основных типа философов Просвещения воплощают Вольтер, Дидро и Руссо. Первый сочетал свободолобие и затворничество с изрядной практичностью и оборотистостью в денежных делах (в конце жизни Вольтер был один из самых обеспеченных людей Франции). Второй - энергичный и одновременно рассеянный человек, не дороживший ни временем своим, ни славой, про которого друзья и враги говорили, что он грезит наяву (Дидро). И последний, Руссо, осмеянный и прославленный безумец, утопист и пророк, нарушивший в жизни своей все собственные философские заповеди. Сам себе судья и палач, он жаждал и добивался преследований, обид, болезней, одиночества и нищеты. Для него, как для евангельских пророков и для персонажей Достоевского, скандал - главная форма разрешения всех жизненных ситуаций и созданных им самим конфликтов.

С.М.Толстая

ИСБ РАН, Москва

СТЕРЕОТИП В ЭТНОЛИНГВИСТИКЕ.

Стереотип в обыденном, "наивном" значении соотносится с представлением об устойчивости, неизменности и всеобщности (в противоположность свободе, изменчивости и индивидуальности) и ассоциируется с шаблоном, трафаретом, образцом, однако применительно прежде всего к сфере человеческого, а не предметного мира. Это понятие прилагается как к содержательному, так и к формальному уровню, ср. стереотипный образ, стереотипное мышление; но стереотипные ответы, стереотипные реакции, стереотипное поведение и т.п. Между тем в

когнитивной лингвистике и этнолингвистике термин стереотип относится исключительно к содержательной стороне языка и культуры, т.е. понимается прежде всего как ментальный стереотип, и коррелирует (по линии гипоним - гипероним) с так называемой наивной картиной мира. Такой стереотип (и соответственно "картину мира") называют также языковым, имея в виду форму его проявления, сферу его репрезентации - в лексическом значении слова, в его коннотации, в семантической деривации, в синтаксисе, в сочетаемости, в идиоматике, в языковых тропах, в некоторых видах текстов, в частности, фольклорных. Понятия языкового стереотипа и языковой картины мира лежат в основе концепции этнолингвистического словаря польского фольклора, создаваемого в Люблине под руководством проф. Е.Бартминского. Они уже не раз служили предметом обсуждения как с теоретической, так и с практической (лексикографической) точки зрения, и получили апробацию в многочисленных опытах составления словарных статей, посвященных конкретным стереотипам традиционной народной культуры (солнца, месяца, дождя, ветра, камня, горы, источника, огня, земли и т.д.; об этих работах подробнее "Славяноведение", 1993, N3, с.47-59). В близком к этому значению употребляются понятия "образ" и "наивная картина мира" в работах Ю.Д.Апресяна и его сотрудников (см., в частности, ВЯ, 1995, N1, с.37-67). И "языковой стереотип" Е.Бартминского, и "образ" Ю.Д.Апресяна реконструируются на основании языковых данных, однако требование "языковой репрезентации" в обеих концепциях понимается по-разному. Если "языковой образ" того или иного объекта действительности у Ю.Д.Апресяна принципиально отделяется от его общесемиотического, общекультурного, литературного и т.п. представления, то в работах

Е.Бартминиского и его школы по существу речь идет о ментальных (культурных) стереотипах, которые могут иметь не только языковое (в указанном смысле), но и внеязыковое выражение, и сферой их репрезентации могут быть наряду с языком верования, ритуал, фольклор, народное искусство, бытовое поведение и т.д. (которые, разумеется, могут быть вербализованы и получить форму языковых текстов).

Связь таких культурных стереотипов с языком может быть различной - от почти полного совпадения языкового и культурного образа (т.е. выделяемых и обозначаемых языком и культурой свойств объектов, их иерархии и оценки) до их значительного или даже полного расхождения. Так, например, формирующие языковой образ (стереотип) камня признаки "крепость", "неподвижность", "несокрушимость", отраженные в таких выражениях, как каменное лицо, сердце не камень, как за каменной стеной и т.д., находят подтверждение в традиционной ритуальной практике - в пасхальном обычае становиться на камень ради крепкого (несокрушимого) здоровья или в использовании камня для лечения и профилактики болезней. Однако другие свойства камня, составляющие его культурный образ в народной картине мира, не получают отражения в языке. О том, что камни растут, что они могут падать с неба, что они могут быть орудием божества или нечистой силы, что камень может быть символическим заместителем человека (если умирает один из близнецов, в могилу кладут камень, чтобы обезопасить от смерти другого), что в камень может быть обращен человек и т.п., - обо всем этом мы не можем узнать "из языка", эти черты культурного образа камня реконструируются из верований, обрядов, бытовой практики, но не имеют прямого языкового подтверждения. Точно так же языковой

стереотип волка, включающий признаки "хищный" (волчья хватка), "прожорливый" (волчий аппетит), "дикий" (волчья ягода), не отмечает признака, определяющего стереотип этого животного в народной культуре, а именно признака "чужой, связанный с потусторонним миром, миром мертвых" (ср. статью А.В.Гуры в словаре "Славянские древности", т.1, М.,1995).

В.В.Усачева

ИСБ РАН, Москва

СТЕРЕОТИПЫ В НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ.

В традиционной культуре выделяется система приемов, направленных на освобождение человека от действий враждебных ему сил, которые, по его представлениям, непрошено вторгаются в его жизнь и нарушают его привычный ход. К таким силам относятся болезни, особенно часто и постоянно преследующие человека. Мир человека и мир болезни, разделенные незримой преградой, противостоят друг другу. Но смысл существования болезней в том, чтобы пробить границу и проникнуть в пространство человека, а затем овладеть человеком. Для этого болезнь использует разные методы. Она обманывает человека, подступом, хитростью заставляет его вступить с ней в контакт: окликает его, когда он спит, меняет свой облик (преображается в человека, в животное, в насекомое). Принимая антропоморфный вид, заговаривает с человеком (просит о помощи, задает вопросы). Он же не всегда догадывается, что имеет дело с вредоносной силой, что это обман, что видение, его посетившее, заговорившее с ним, бесплодно, но коварно и хочет ему

навредить (ср. восточнославянское название лихорадки лихоманка, которое подчеркивает именно эту особенность болезни - манить, заманивать, обманывать). Возможно как ответ на это свойство духов болезней возник способ избавления от них (подобное подобным) - обман.

Обман болезни - один из способов восстановить целостность человеческого организма (ср. исцеление), а также границу, нарушенную вредоносной силой. От недуга надо избавиться. Его просят уйти, ему приказывают не беспокоить человека, отсылают туда, откуда он пришел, изгоняют за пределы "своего" пространства в его пространство, которое для человека является "чужим".

Обман как один из способов избавления от недугов применяется главным образом при лечении лихорадки. Чтобы обмануть болезнь, используют и слово, и действие. Лихорадку обманывали, уходя из дому пятясь (чтобы следы вели прочь от дома), прячась где-нибудь (в печи, на чердаке, на конюшне, под корытом, из которого кормили свиней, в отхожем месте). Не найдя свою жертву, болезнь уходила и больше не возвращалась. Иногда жилище покидали тайком, написав на двери, что такого-то нет дома. Лихорадку заманивали в могилу, во время приступа отправившись бегом на кладбище и упав там на свежую могилу, Болезнь заводили далеко от дома и там ее оставляли (бросали рубаху, что-либо из вещей больного), убегая от нее что есть мочи, или возвращаясь другим путем, чтобы лихорадка не нашла дороги обратно. Меняли свою наружность (чернили лицо сажей, передевались в чужое платье), чтобы лихорадка не узнала. Чтобы обезопасить себя от чумы, во время эпидемий этой страшной болезни вынимали в домах оконные рамы, не зажигали света, желая показать, здесь никто не живет.

Болезнь выманывали с помощью произнесения определенных магических слов и действий на какой-нибудь предмет (выманывание болезни на ржаной колос).

Магические формулы, использовавшиеся при лечебных актах, также могли словесно выражать заведомую ложь. Перед началом припадка лихорадке писали "послание": "Дома нет, приходи вчера". Болезнь уговаривали покинуть человека, его жилище, село и пойти туда, где ее ждут столы, полные угощения, кровати дубовые, перны пуховые. Обращаясь к болезни, использовали разного рода табуированные наименования, эвфемизмы, почтительные обращения, называли ее по имени отчеству ("Марья Иродовна, приходи вчера").

Обманные действия и слова имели разный смысл, однако в них была заложена одна идея - избавление от болезни, ее изгнание.

О.Е.Фролова

Ин-т русского языка РАН, Москва

МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПЕРСОНАЖЕЙ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.

1. Наблюдения над организацией пространства русского прозаического повествовательного художественного текста первой половины XIX века позволили выявить устойчивые, регулярно повторяющиеся особенности восприятия пространства персонажами.

2. В проанализированных текстах А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Н.В.Гоголя, И.А.Гончарова для персонажей актуально субъективное пространство, существующее только в их сознании.

3. Условия возникновения такого пространства - изменение, сдвиг в восприятии, вызванный употреблением алкоголя или наркотиков /"Невский проспект"/, болезнью /"Портрет", "Шинель", "Записки сумасшедшего", "Штосс"/, сном /"Портрет", "Метель", "Капитанская дочка", "Иван Федорович Шпонька...", "Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем", "Обломов"/. Среди условий также мечта, воспоминание, состояние повышенной эмоциональности.

4. Особенности условий появления ментального пространства персонажей позволяют определить его как параллельное. Как правило, в текстах условия возникновения параллельного пространства оформлены как сюжетные мотивировки.

5. Показателями параллельного пространства являются временная компрессия, мультиплицирование объектов, быстрота передвижения, появление несуществующих объектов.

6. Параллельное пространство может быть выражено в текстах эксплицитно и имплицитно.

7. На лексическом уровне параллельное пространство может вводиться глаголами "казаться", "чудиться", "/при/видеться", "сниться" и т.п.

На уровне суперсегментной организации текста средством выражения служит сам характер сегментации текста /глава "Сон Обломова"/.

На уровне организации сюжета средства выражения иные. - а. лейтмотивная деталь /"Обыкновенная история"/, б. второстепенный

персонаж, маркер дистантного пространства, как правило, слуга /наблюдение М.М.Бахтина; пример - Захар /"Обломов"/.

8. При имплицитном выражении герой восстанавливает, создает ментальное пространство на основании специальных маркеров /костюм в "Герое нашего времени"/.

9. Ментальное пространство обладает повышенной значимостью для персонажа. Одна из важнейших характеристик данного типа пространства - его альтернативность пространству реальному в глазах персонажа. При отрицательной маркировке параллельное пространство становится фобией /"Повесть о том, как поссорились...", "Иван Федорович Шпонька...", "Портрет"/; при положительной - манией /"Невский проспект", "Обломов", "Штосс", "Записки сумасшедшего"/. Последний вариант - более частотен. По-видимому, причиной возникновения альтернативного параллельного пространства можно считать утрату ориентации в пространстве реальном /Т.В.Цивьян/.

10. Альтернативность параллельного пространства реальному выражена во временной и/ или пространственной дистантности первого по отношению к последнему.

11. Следует особо оговорить то, что параллельное пространство сна в пушкинских текстах не является альтернативным для персонажей /Т.М.Николаева/. Его функции - иные. В "Пиковой даме" собственно пространственный характер мании Германине не находит эксплицитного выражения.

12. Отношения параллельного и реального пространств в терминах бинарных семиотических оппозиций выглядят в большинстве текстов следующим образом:

параллельное реальное
пространство пространство
свое чужое

далекое близкое

положительно маркированное / отрицательно маркированное

13. Широкая представленность параллельного ментального пространства персонажей в текстах первой половины XIX века может быть интерпретирована как интeриоризация романтического мировосприятия в русской прозе.

О.Б.Христофорова

РГУ, Москва

О НЕКОТОРЫХ СТЕРЕОТИПАХ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В НЕНЕЦКОЙ ТРАДИЦИИ.

В сообщении рассматриваются особенности речевого поведения современных ненцев, населяющих Гыданский полуостров (Малоземельскую тундру).

Одной из важных проблем в изучении речевой деятельности является исследование сферы риторики - средств аргументации, убеждения собеседника.

Аргументация может быть рассмотрена с двух точек зрения - логической ("знание") и прагматической ("мнение"). В европейской логической традиции, где аргументация есть демонстрация истинности логического вывода, прагматический аспект аргумента принято скрывать от собеседника. Представляется, что возможно иное положение вещей. Так, в этнокультурных обществах, сохраняющих до известной степени свою традиционность, логической основой аргументации является непоколебимый авторитет предков, не подлежащий обсуждению. Тем

самым, на первый план в аргументации выходит ее прагматический аспект.

Цель аргументации - не доказать истину, а повлиять на процесс принятия собеседником решения.

Это положение объясняет, с одной стороны, ритуализованность, "формульность" риторических приемов в ненецкой традиции, с другой - существование этих приемов в виде двух основных форм:

1) молчания, заменч слова действием;

2) инсказання, намека (могут быть использованы как клише, так и неклишированные высказывания).

Такая "пассивность" методов убеждения собеседника основана на существующем в ненецкой культуре правиле: необходимо, чтобы собеседник сам принял соответствующее решение, выгодное говорящему, ибо в ином случае нарушатся этические нормы (прямой отказ и прямая просьба в данной традиции недопустимы).

Возможно, данная особенность речевого поведения повлияла на то, что ненцы заслужили у русского населения тундры репутацию хитрецов, людей "себе на уме".

Т.В.Цивьян

ИСБ РАН, Москва

ОБ ЭНТОМОЛОГИЧЕСКОЙ СИГНАТУРЕ РЕМИЗОВА: ПАУК.

Мир насекомых у Ремизова, если не слишком разнообразен, то весьма характерен за немногими исключениями (бабочка-махаон, - пчела) принадлежит к числу "домашних вредителей": комары, мухи, блохи,

клопы, тараканы. Мотив борьбы с ними и уничтожения их встречается у Ремизова столь же часто, сколь и отмеченно (от описания обряда похорон комара, мухи и блохи до тараканьего пастуха и зловещего Тараканомора). Эта борьба имеет фольклорно- мифологическое обоснование, поскольку всякое насекомое, которое сосет, пиявит и точит, и ничем от него не отобьешься, никуда не схоронишься, - докучная погань, гнус - творение сатанинское. К миру сатанинского, несомненно, должен принадлежать и паук, "отмеченный среди отмеченных": его нельзя назвать докучливым гнусом, поскольку паук принадлежит к более высокому рангу зла - он не "докучает", а заманивает, овладевает и убивает. С ним у Ремизова гораздо более сложные и неоднозначные отношения.

Зная особенность творческого мира Ремизова, трудно определить, когда и как появилась у него выделенность "паучьей" темы и зачатки ее амбивалентности. Может быть, первый толчок дали его занятия на естественном отделении математического факультета московского университета, где он собирался взять ракообразных и паукообразных и... всю эту водяную кишь и прядь - и почему раков едят, а пауками брезгуют? Конечно, этому способствовали и серьезные занятия народными традициями, и в первую очередь русским фольклором, откуда Ремизов извлекал мифологическое досье паука-оборотня, в которого превращается черт (Солдат раскрыл глаза: своды у дома раздвинулись, и как паук спускается на него тот самый детина, что пирога ему не дал; спускается пауком, пугает - и уж дышать стало трудно. И пало на ум солдату: сгрел он сумку, да паука и толкнул - паук обернулся кошкой. Он ее за хвост в сумку. И с сумкой бежать). Символизируемое пауком сатанинское в его экзистенциальной ипостаси почерпнуто у Достоевского: и

свидригайловская баня с пауками, и "красенький паучок" из "Бесов" и, наконец, Тарантул неоднократно воспроизводится Ремизовым с прямой и подчеркнутой отсылкой к источнику: не пауки Свидригайлова, глазастые и тысяченогие, ткущие жизнь и распределяющие долю живому без пощады и милосердия по своим каким-то соображениям; не баня с пауками - этот образ то-светной вечности...; Вий... живое черное сердце жизни, корень, неистовая прущая сила - вверх которой едва ли носится Дух божий, слепая, потому что беспощадная, обрекая на гибель из ею же зачатого на земле равно и среди самого косного и самого совершенного не пощадит никого. Вий - а Достоевский скажет Тарантул и т.д. Неотвратимость гибели, идущей от паука, отражена в одном из ремизовских снов, где этот мотив опирается еще и на внутреннюю форму слова (родственного греч. "крючок" и др.): И по мере того, как лицо ее с огромными серыми без зрачков глазами приближалось ко мне, тонкие паутинные сети медленно опускались с потолка. Я с ужасом чувствовал над головой эти сети, свой неизбежный капкан. А когда глаза моей соседки слились в одно серое стекло, сеть коснулась моего темени и острый крючок вошел мне в живое. А зацепя, чуть дернул и грубо поволок меня через Сашу, через стол вверх - по потолку.¹¹ Ср. "материальное" воплощение хищника-паука: в комнате Ремизова со знаменитыми игрушками, подвешенными на веревочке(-паутинке), в углу сидел паук, поджидавший эти игрушки, чтобы их съесть. Однако этим роль паука в ремизовском мире не ограничивается. Возможно, стимулом к актуализации не столько символа, сколько образа паука послужило одно из наиболее "чувствительных падений" Ремизова - обвинение (несправедливое) в плагиате:¹² Москва встретила меня карикатурой: жиром заплывшая морда, по носу узнаю себя, пауком среди

лиш, и в руках позынцы, а подпись: "Писатель или списыватель?" Ремизов принял этот образ как свою сигнатуру (ср. приводимое им обращение Розанова: "В третий раз захожу, - повторил Розанов, - ну, прощай, воля и паук, до пятницы"); вполне в своем духе он и боролся с ней, и призывал в этом образе нечто глубинно-позитивное, хотя и искаженное и потому трагическое. Ср.: "Вглядевшись в воспоминании Степуна... я вдруг понял, да ведь он меня хотел представить пауком. А ведь он прав: развесить такую паутину - книжное хозяйство и мысленно бегать из угла в угол, конечно, сравнить с пауком. Только Степун меня не знает, если не видит, из каких корней мое слово и вся эта паутинка... Вероятно, амбивалентность паука побудила Ремизова дать эту сигнатуру особо выделенному своей амбивалентностью герою "Мертвых душ" - Плюшкину: "Степан паук. Паутина, берлога, гнездо. Однажды паук призадил к маятнику паутину и часы остановилась. И вещи - вещи растут по часам - стали разрушаться. ... Хозяин на пожарище. Собирает обгорелое, и с тем же самым задором, как пауком бегал по своей паутине, строя." Выражением/результатом этого "строительного", т.е. созидательного, но обращенного в конце концов на разрушение свойства паука является паутина, одновременно и украшение (при ясном солнечном небе ... кругом плавала длинная паутина, ее было столько, что издали, на припоре света, поле было как будто накрыто хрустальным ковром), и ловушка (перед этим непроницаемым паутинным перепутьем у человека опустятся руки: Паутина, которая днем кутала мне глаза, теперь спутала мне ноги). Ремизов сам и создатель этой паутины (в прямом - ср. о его рукописной книге "это паутинная, мелко расшитая буквами, книга" - и в переносном - "заманиватель" людей - смысле), и ее жертва (И прямо в

глаза мне не осенние паутинки, а ежиные иглы вливают свои студеные жала¹¹), он сам и паук, он и тот, кто ищет помощи у паука, которая из за оборотнической паучиной природы не может не обернуться гибелью: и в тяжелой вянущей тьме как будто беру я что-то - хочу материнскую руку прижать к сердцу. И вижу: паук! И гляжу в высоту: "Крылатый паук, зашей рану на моем сердце!" И на зов мой спускается мохнатый холодный паук. И тьма еще темней и безысходней.¹¹

А.В.Циммерлинг

МГУ, ИСБ РАН, Москва

ПОРЯДОК СЛОВ КАК СТЕРЕОТИП.

Объект исследований, сводимых к рубрике "порядок слов во фразе" не вполне однороден. Часто внимание лингвиста обращено на правила размещения полноударных слов (обычно - глагола и его актантов) относительно друг друга. Актантная рамка неконична и непосредственно отражает не стратегию построения текста, а ограничения, накладываемые на порождение высказываний. Однако использование формулы рамки SVO/ SOV /VSO как типологического критерия возможно только по отношению к тем языкам (или стадиям языка), где сложился базовый, контекстно немаркированный порядок слов. Представляется, что филологические и лингвистические основания, позволяющие предполагать такое состояние для прагерманского, отсутствуют, вопреки утверждениям У.Ф.Лемама, Э.Антонсена, П. Хопфера и их последователей.

Другая часть фактов касается размещения энклитик в спаде предложения. Условиями развертывания системы клитик является наличие

в языке как акцентно самостоятельных, так и атонируемых словоформ, а также наличие дублетных форм, коррелирующих либо на морфологическом, ср. дррус. *ми/ти/си* - *миЪ, тобЪ, собЪ*, либо на синтаксическом уровне - дррус. *язь даль / есмь даль*.

Можно думать, что цепочки безударных слов означают собой стереотипы построения текста. Как показал А.А. Зализняк на материале языка берестяных грамот, механизм объединения клитик в тактовую группу передает элементарные синтаксические смыслы и не годится для выражения отношений перечисления, логического выделения или эмпазы. Из данных А.А.Зализняка можно сделать вывод, что такой механизм был присущ прежде всего разговорному языку, а новгородские грамоты в известном отношении являются текстами с устной перспективой. Напротив, деформация системы глагольных клитик в церковнославянских памятниках и ее отмирание в последующие периоды истории русского языка отражает распространение книжных памятников и потребность выражения более сложных синтаксических смыслов. Так, в судных грамотах времен Василия III клитика *ми* представлена в традиционной формуле *а кому ми что дати и на ком ми что взяти*, при обычном а *вольно миЪ Некрасу, а миЪ князю Ивану* с идентификацией говорящего.

В германских языках нет систем клитик, аналогичных древнерусской, что типологически закономерно в свете разработанной Е.Куриловичем, А.С.Либерманом и О.А.Смирницкой акцентологической концепции прагерманского как языка без словесного ударения. Реликты догерманского состояния можно было надеяться найти в готском, однако готские частицы присоединяются к любому ударному слову и, кроме того, могут повторяться в цепочке. С другой стороны, превращение

энклитических указательного и возвратного местоимений в именные и глагольные суффиксы непосредственно связано с ужесточением порядка слов во фразе и в именной группе, следствием чего является ограничение перестановок. При этом ударные и безударные формы одного падежа не являются синтаксическими коррелятами. Так, в западноскандинавском основным источником показателя медиальных глаголов послужила форма вин.п. возвратного местоимения, а в аналитических рефлексивных конструкциях употребляется дат.п.. На востоке Скандинавии показатель медиальных глаголов, напротив, восходит к дат.п. $seR > -sR > -ss > -s$. Парралельно с превращением seR в агглютинативный суффикс происходит вытеснение данной формы из свободного употребления: дат.п. быстро исчезает, падежная система начинает свертываться.

В.И.Циммерлинг, Москва

КАНОН И МОДЕЛЬ.

1. Художественное творчество многомерно. Его составляющие - это не только рациональное и иррациональное (подсознательное), но и субъективное и внеиндивидуальное, отнюдь не совпадающее с первой парой, тем более, что внеиндивидуальное включает в себя "инструментальный" фактор - проблему воплощения в определенном материале.

Художник далеко не столь свободен в своей работе, как ему хочется думать, и каким он склонен себя ощущать. Ощущение свободы в рамках

внеиндивидуальных факторов здесь парадоксальным образом основано на неосознанности отсутствия свободы выбора конкретной формы выражения.

Свободно развернутый художником содержательный аспект обычно оказывается изложенным практически *единственным*, достаточно определенным способом.

Если такой способ фиксируется в достаточном множестве произведений разных авторов, принадлежащих одной культуре, его принято определять как *канон*. Однако, объем, характер и оценка самого явления продолжают оставаться предметом дискуссии и теоретических построений.

В этой связи представляется важным разграничить представления о "каноне" и "модели".

2. Утверждают, что, при всей определенности канона, лишь некое отклонение от него рождает магию искусства.

Утверждают, что канон - тяжкие оковы, которые нужно сбросить во имя высших возможностей творческой личности.

Утверждают, напротив, что "каноническое" искусство выступает не как носитель информации, но как ее возбудитель [Ю.Лотман]. Ибо оно обладает "формальной структурой", способной "перекодировать личность адресата"; именно поэтому, как считают, канон эстетически состоятелен и полноценен.

Между тем, "формальная структура" не является исключительным достоянием "канонических" произведений. Будь это так, неканоническое искусство не было бы искусством вообще.

Канон - высокое достижение определенных эпох развития культуры и искусства. Его возникновение было естественным и оказалось продуктивным.

Предпосылкой возникновения канона стало наличие в самых изначальных проявлениях искусства внеэстетических функций: магической, религиозной, задачи фиксации и хранения важной информации и т.п.

Уже в этой связи выполнение суммы известных требований становилось обязательным. С другой стороны, общественная потребность в серийном множестве произведений поставила проблемы, связанные с воплощением в определенном "материале", тем самым, с "технологичностью". Сложились решения, оказавшиеся удобными, исполнимыми, даже необходимыми, в силу своей целесообразности.

Таким образом, обе указанные предпосылки возникновения канона внеэстетичны и коренятся в общественной практике.

И тем не менее, канон оказался бы безжизненным, нежизнеспособным, если бы не стал носителем подлинно эстетических ценностей. Ценностей, реализующихся в действительном акте восприятия.

Контекстуальный объект деятельности становится произведением искусства, если в нем наличествует (определяет) эстетически имманентное начало. Такое начало - *продуктивная модель*, структура, согласованная со способностью к представлению и с природой явления трансляции.

Речь идет о работе художника над произведением, состоящей в реализации некоего концепта: неосознанного или сознаваемого "образца" (идеала, архетипа, протообраза). Наиболее емко, хотя и условно, понятие "модели". Это своего рода генетический код: еще не родившись, произведение уже запрограммировано.

Широко распространено представление, что модель для художника - сама жизнь. В действительности "жизнь" для него лишь объект пристрастного интереса, актуальный повод для творчества. Не жизнь, но способ передать, охватить, интерпретировать ее есть потребная творцу продуктивная модель. Только она отвечает его "пристрастному интересу", становится его прямым воплощением.

Такая модель принципиально отлична от впечатления, представления, эмоциональной реакции, имеющихся в обыденном опыте. Сама по себе активность позиции, попытка зафиксировать, транслировать фрагменты своего жизненного опыта, вынуждают обзавестись какой бы то ни было продуктивной моделью. Неудивительно, что таковая, даже если исключить прямое ученичество, оказывается самостоятельной, заимствованной. Ее источник, естественно, - специфический "культурный опыт".

На ранней стадии культуры такая модель была безвыборной. Творчество состояло в воспроизведении известного "образца" - в умении его, пусть приблизительно и небуквально, воспроизвести. Жанр определял набор образцов, а случайные обстоятельства (уровень умения, подручные орудия и материалы) - те или иные особенности конкретного произведения.

Разрастание объема композиции и усложнение стоящих перед ней задач сделали формирование разработанного канона логической и практической необходимостью. Но сила канона состояла в том, что он оказался нормативной формой определенной продуктивной модели.

Канон не привнес в искусство эстетических ценностей. Но лишь оставаясь верным присущему искусству способу освоения действительности, он смог эти ценности экспонировать и культивировать.

Правда, теперь рамки творчества должны быть освоены, а значит, так или иначе осознаны. Отсутствие выбора конкретной формы выражения отныне определяется присутствием нормы.

Канон есть обретающая нормативный статус совокупность требований, предопределяющая в известном отношении существенные черты серии функционально однородных произведений.

Канонические произведения во всех видах искусства и литературы составляют базу нашей культуры. Их совершенство, содержательность и покоряющая сила живы для нас. Канон иногда сознательно имитируется и сегодня. Однако, как органичный феномен, канон исчерпан. Искусство осталось.

Канон складывается, эксплуатируется и теряет свою власть над творчеством; продуктивная модель остается для художника необходимой и потенциально наличествует в произведении искусства всегда, как его "строй".

Это и есть та "формальная структура", которая оказывает суггестивное воздействие и способна "перекодировать личность" воспринимающего.

3. Большой (и может быть, в принципе неразрешимый) вопрос: в какой степени воздействие произведения, как целого, обязано личности художника, а не внеиндивидуальным рамкам, продуцируемым культурой?

До определенного момента внеиндивидуальный компонент был определяющим в любой культуре.

Этот момент - появление возможности осознанного выбора системы средств выражения. (Речь идет о ситуации выбора, как таковой; само по себе "предпочтение" не может быть сведено к рациональным мотивам).

Нормативный канон утрачивает свое определяющее значение и заменяется более узким и необязательным понятием "школы", или, вообще говоря, традиции.

Не следует думать, что это завоевание обошлось без невозместимых потерь. Утрачена оказалась органичность творимого и, в значительной степени, его коинвенциональность. Художник получил право сам выдвигать критерии, по которым следует его оценивать, но и для тех, к кому он обращается, оценка стала делом субъективным и факультативным.

Еще более важной по своим последствиям оказалась необходимость для художника современного типа выработки своей собственной индивидуальной (личностной) "продуктивной модели". Постепенно ситуация стала критической. В ход идут попытки вообще отбросить достигнутое культурой (и рациональное), "сойти с ума перед своей работой", повинувшись только подсознательным импульсам, и попытки "отождествить" себя с определенным эстетическим идеалом, игра с ним, а то и прямая его эксплуатация.

Однако, даже при условии предельной искренности и самоотдачи несомненно талантливого художника, плод его работы может оказаться достаточно банальным. "Шаблонность умноисступлений" давно была подмечена наиболее чуткими критиками - историками культуры. Все дело в характере и качестве "руководящей" творцом продуктивной модели. Именно использование некачественной или тривиальной модели - основная причина того, что лишь немногое из подпадающего под определение "искусства" по таксономическим признакам, заслуживает названия Искусства в высоком смысле этого слова.

Способность генерировать собственную, непредставимую ранее продуктивную модель равносильна вкладу в миропостижение и граничит с чудом.

Художественное творчество не может быть чисто личным, так же как, даже безымянное, не бывает оно абсолютно безличным, коллективным.

Честное стремление художника остаться наедине с миром, отрешиться от всего усвоенного извне, и все ж остаться личностью, в сущности, невыполнимо. Исключения здесь суждены только считанным единицам. Может быть, миру больше и не нужно. Правда, и оценить их, видимо, удастся только единицам.

Литература:

1. Лосев А.Ф. О понятии художественного канона // Проблемы канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973, с. 5-16.
2. Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Проблемы канона..., с. 16-22.
3. A.V. Lord. The singer of tales. Cambridge (Mass), 1960.
4. Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Л., 1971.

ДИСКУРСНЫЕ СЛОВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ ПОВЕДЕНИЯ

Часто высказывания, содержащие дискурсные слова, маркируют определенную жизненную позицию, соответствующую этнокультурным стереотипам поведения. Сюда относятся не только такие слова, как вошедшее в поговорку "русское авось", но и менее часто упоминаемое, но не менее лингвоспецифичное *небось*, но и такие слова, как *видно*, *же*, *уту*, *-ка*, *заодно* и др.

В докладе анализируется употребление ряда дискурсных слов, в наибольшей мере связанных с этнокультурными стереотипами, выделяются выраженные в этих словах внутренние установки и жизненные позиции. В частности критически разбираются предлагавшиеся *авось*-установки (Анна Вежбицка, Н.А.Николина). Для *небось* отмечается его связь с установкой на "фамильярность" и "знание жизни", для *видно* - на "примирение с действительностью". Слово *заодно* (в значении, иллюстрируемом высказыванием *Ты все равно идешь гулять, купи заодно хлеба*) скрывает за собою сразу две установки, характерных для русского менталитета: во-первых, представление о том, что самое трудное в любом деле - это *собраться* его сделать (ср. *Все никак не соберусь*), а во-вторых, тягу к крайностям (все или ничего) - если уж человек собрался что-то сделать, то может *заодно* сделать многое другое.

Дискурсные слова такого рода оказываются в высокой степени лингвоспецифичными, труднопереводными на другие языки. Это не

означает, что никакой носитель иного языка никогда не может руководствоваться выраженными в этих словах установками. Но отсутствие простого и идиоматичного средства выражения установки, безусловно, бывает связано с тем, что она не входит в число культурно значимых стереотипных установок.

Е.Я.Шмелева, А.Д.Шмелев

ПГУ, Москва

РУССКАЯ РЕЧЬ НЕРУССКИХ: ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

В докладе рассматриваются языковые изменения в речи людей, обусловленные взаимодействием языков.

Особенности речи людей, живущих в этноязыковом окружении, определяются влиянием стереотипов родного языка и выученного языка, которое может быть представлено посредством таблицы (язык₁ - родной язык, язык₂ - выученный язык).

Положения доклада иллюстрируются примерами из русской речи лиц, для которых русский язык не является родным. Рассматриваются также бытующие в русской среде представления о национальном характере и речевых особенностях других народов, в частности, народов бывшего СССР (так называемые анекдоты об инородцах").

О НЕКОТОРЫХ ФОРМУЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ В РУССКИХ ЗАГАДКАХ.

Принципиальная ориентированность загадки на устойчивое лексическое оформление выделяет ее даже среди прочих фольклорных жанров, для которых обязательная клишированность ключевых формул является надежным залогом хранения информации во времени. Вполне вероятным представляется предположение, что за корпусом загадок, как и за любым другим жанровым "фрагментом" фольклорной модели мира, стоит некий более общий стереотип ритуально-мифологического характера, который и является источником семантизации клишированных, формульных конструкций, чей исходный смысл утрачен в процессе функционирования всего жанра или отдельного текста в традиции. Существенным источником для возможной реконструкции некоторых содержательных моделей может выступать универсальный индоевропейский ритуал "жертвоприношения" бога-первочеловека, предполагавший, в частности, разъединение тела и отождествление с ним определенных участков вселенной.

В этой связи интересный материал предоставляют русские загадки, в которых широко распространены описания, изображающие ситуации отсутствия определенных частей тела; клишированная загадочная форма "без / ни рук, без / ни ног" предельно частотна и объемлет самые разнообразные сферы реконструируемого на основе загадки мифологического фрагмента модели мира, в том числе и самого

ритуального алтаря (если под ним понимать обязательный для фольклорной модели мира образ камня) - как возможную инвертированную форму см. загадку о камне: Без ног, без рук, без рога катится с бутра [Митрофанова: N439]. Особенно интересно в данной связи кодирование приведенной формулой образа лодки: Ни рук, ни ног, ни очей, ни ушей - добра молодца везут по крутому бережку [Садовников: N1579], - при том, что другой способ импликации этого образа, содержащий указание на активные действия, может интерпретироваться как фрагмент фиксации собственно ритуальных операций: Еду, еду, - следу нету; режу, режу - крови нету [Садовников: N1577в]. Вероятно, данная форма является более архаичной по отношению к "этимологизирующему": Еду, еду, - следу нету; рублю, рублю, - щепок нету [Садовников: N1577б], - на что косвенно может указывать и широкое распространение лексических формул, манифестирующих факт отсутствия крови, в восточнославянских заговорах от пореза и/или на остановку кровотечения (при том, что этот жанр оказывается едва ли не важнейшим при реконструкции исходного ритуального прототекста восточнославянской традиции); см., например, ¹¹едет из чистого поля богатырь, везет вострую саблю на плече, секет и рубит он по мертвому телу <...>. Не тече ни кровь, ни руда из эвтаго мертвого тела ¹¹[Майков: M159]. Эта же формула возникает и в загадке о жатве: В поле-поляне били барана; ни крови, ни руды, а место знатно [Садовников: N1273], - причем в данном случае предельно важно появление пространственной координаты с высокой степенью положительной оценочности (вряд ли объяснимое только аналогиями с сельскохозяйственными действиями); здесь же см. как возможное

"метаописание", являющееся следствием инверсии ритуальных операций, производимых над жертвенным телом, определение образа ножа: Без рук, без ног - лапшу крошит [Садовников: N460].

Кроме того, образ лодки оказывается устойчиво сопологаем с темой смерти, более того, в некоторых загадках он кодируется именно через саму смерть или страх ее, вследствие чего эта категория начинает выступать в функции своеобразного дифференциального признака лодки; см.: Еду, еду - следу нету, оглянуса - смерти боюся; Едет воз без колес, а дорога без песку, а кнут без леску, сидит погоняет, на смерть поглядает [Митрофанова: N4492,4471]. Одновременно с этим, образ лодки весьма употребителен в любовных и, особенно, "остудных" заговорах, где к нему приурочены злокозненные или демонические персонажи; например: В чистом поле стоит огненный столб, из под этого столба течет огненная река, по этой реке плавает лодка, в этой лодке сидит черт с чертовкой [Харитонова; 1991:19]. Типичный лексико-семантической моделью заговоров такого рода (как и всего класса "черных" заговоров, в состав которого они входят) выступает определенная "негативация" нормативных, регулярных действий, окружающих и сопровождающих исполнение заклинательной формулы. Конкретное языковое воплощение этого состояния (типа: Не молясь ложуся спать и не перекрестившись, встану ие благословясь [Майков: N16] и под.) находит переключки с загадкой о покойнике, главным отличительным признаком которого оказывается его предельная ненормативность, "нетаковость", явно отсылающая к архетипическому представлению об умершем как об ином, чужом; см.: Встал я не ладно (не так), умылся не ладно, лошадь запряг, поехал не так; Еду, еду не путем, погоняю не кнутом [Садовников: N2217,2217e];

ср. как возвращение к образу лодки ее изображенне: Еду не путем, погоняю не кнутом, а оглянусь назад: следу нетути [Митрофанова: N4479].

Одновременно с этим, и для образа ножа оказывается возможной соотнесенность с образом коня; см. его определение: Поевши, конь в ясли пал; Ел, ел конь, да и в ясли упал [Садовников: N462]; ср. о косе и сенокосе: Прибежал конек на Петров денек [Митрофанова: N2201], - и о серпе: Гарбатинькай канек усе поля праскакал [Киреевский 1987:219]. Последний случай является типовым и определяет значительный фрагмент загадочного унверсума, связанного с полевыми работами и используемыми в них орудиями труда; при этом интересной особенностью выступает тот факт, что лексема "конь" в таких загадках может не встречаться, хотя сами описания не оставляют сомнений в объекте, источнике сравнения; см.: Маленький, горбатенький, все поле перескакал [Садовников: N12696, ср. N1269,1269а,1269в-1269и] и др., - вплоть до типично сказочного кодирования серпа: Маленький горбатенький по полю бежит, все поле дрожит [Митрофанова: N2133]. Вполне допустимым представляется рассматривать подобные структуры если не как прямое, то переосмысленное, вторичное табуирование сакрального объекта, характерное, в частности, и для ритуальной практики; Здесь же ср. и регулярное сближение образов коня и лодки - см., например: Бежит конь с крутых гор, ковром одет, гвоздями прибит [Митрофанова: N4461]; ср.: [Садовников: N1581, 1581а,1582,1583,1593,1594,1594а,6,1595]. Симптоматично в данном ритуально-креационном контексте и семантическая корреляция образа коня с космогонической тематикой - см. определение грома: Сивый жирибец на все царства ржеть [Киреевский

1987:220] - при том, что точение косы (возвращающее к острым режущим атрибутам) оказывается тождественным грому: За леском, леском кобыла ржет; За леском, леском жеребята ржут, прихохатышают [Митрофанова: N2215,2216]. Наконец, здесь же должно быть отмечено и присутствующее в способах изображения покоса, косы, серпа и грома скрытое указание на связь образа коня с идеей единства, целостности, которая репрезентируется образами именно всех полей / всего поля и всех царств.

Е.С.Яковлева

Ин-т русского языка им. А.С.Пушкина, Москва

ОЧЕНЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИНДИВИДУАЛЬНОГО АВТОРСТВА

1. Индивидуальное vs коллективное языковое сознание:

реальный vs идеальный мир

Содержание используемых нами понятий мы поясним на примере противопоставления слов *действительно* (*вправду*) и *поистине* (*воистину, подлинно*). Своеобразие последних заключается в том, что они не используются относительно единичных фактов; являясь обобщающими модификаторами, слова эти подтверждают не сами факты, а справедливость оценок-образцов, сформированных коллективным опытом на основе *п о д о б ы х* фактов. Данная модель реализуется и когда модальное слово воздействует на лексику с оценочным значением, и когда оно относится к целому предложению. Ср. *Иван действительно* (*и*

вправду) *расщедрился* (модальное слово подтверждает ранее высказанное в тексте, диалоге ... предположение) и *Иван поистине расщедрился* (модальное слово сообщает, что конкретное действие, названное глаголом, может служить эталоном подобных действий).

Наличие разного рода эталонных оценок определяется культурной традицией носителей языка и является общим достоянием членов языкового коллектива. Так, "полнота" и "образцовость" для *спокойствия* есть в определении *олимпийское*, для *страстей* - в определении *шекспировские*; эталон *любопытности* - *детская*, а образец писательского мастерства - искусство Л.Толстого, ср.: [Чехов] без труда с истинно толстовским искусством преображался в любого из своих персонажей... (К.Чуковский). Сопроводив оценку обобщающим модификатором (*Подлинно Р*), говорящий неявно сообщает и о том, что разделяет существующую в данной культурной традиции систему оценочных стереотипов или уж во всяком случае владеет ею.

Находясь во вводной, как правило, инициальной позиции, слова типа *поистине* выполняют роль своего рода кавычек к некогда уже высказанной и известной членам языкового коллектива мысли, например: *Подлинно, не перевелись дураки на Руси* - *подлинно* указывает, что мысль о *дураках* принадлежит к общему фонду знаний и что говорящий на собственном опыте убедился в ее справедливости: конкретный факт подтверждает общеизвестную истину. Становится понятным, почему рассматриваемые слова тяготеют к определенной форме представления знаний. Пример: *Действительно, им лучше остаться вдвоем*. В рамках такого, конкретного, сообщения неуместно употребление обобщающего модификатора (ср.: * *Воистину, им лучше остаться вдвоем*). Однако этот

запрет снимается, если то же содержание представить не как конкретную оценку, а как общую сентенцию, например: *Воистину, где двое, третий - лишний.*

Существенно то, что коллективное авторство подразумевает не только общепринятость манеры выражения, но и апелляцию к особому рода действительности: мир, с которым имеет дело коллективное авторство, подразумевает не только общепринятость манеры выражения, но и апелляцию к особому рода действительности: мир, с которым имеет дело коллективное языковое сознание, исключает возможность верификации, к высказываниям об этом мире можно присоединяться, их можно разделять или не разделять, но к их содержанию нельзя относиться как к факту - с позиций "реализовано/не реализовано в действительности". Поэтому высказывания, сформированные на основе коллективного опыта, не могут быть использованы в контексте опровержения, ведь оно апеллирует к реальному миру, данному в опыте индивидуальном, ср.: *Поистине/подлинно/воистину, век живи - век учись* при невозможности: **В действительности, век живи - век учись* ("Истина - о действительности, но она ей не тождественна" [1,с.25]).

Таким образом, наличие в русской лексике форм с основой на "истину" и "правду" ("действительность") способствует языковому отражению оппозиции коллективного/индивидуального авторства в функциональной сфере утверждения.

2. Функция *Magp*

в отношении к индивидуальному/коллективному авторству

Объекты идеального мира обладают раз и навсегда данными свойствами. Поэтому к оценкам в этом мире не приложимы лексические типы функции типа *Magp*, свидетельствующие о вариативности характеристик объекта в зависимости от конкретного восприятия (т.е. об авторстве индивидуальном!). Так, к примеру, постоянные эпитеты не допускают вариации по интенсивности признака, ср. *руки белые* и *очень белые* (*очень* задает конкретно-референтное понимание имени); *высокие горы* и *очень высокие*; *далекий лес* и *очень далекий* (в этих и под. сочетаниях *очень* заставляет осмыслить *горы*, *лес* в категориях конкретного физического пространства) ¹

Известно, что в традиционных фольклорных жанрах постоянный эпитет "может обозначать... признаки предмета... иногда не соответствующие реальным признакам вещи" [2,с.139]. Сошлемся, вслед за С.Е.Никитиной, на пример из "Исторической поэтики" А.Н.Веселовского о *руках белых* у арапа. Думается отсутствие прямой связи с действительностью; как и статичность, неизменность характеристик, - общая черта объектов и ситуаций, коллективного языкового сознания, частным, но и наиболее ярким проявлением которого являются жанры традиционного фольклора.

В пояснение и подтверждение сказанного ср. примеры: (1) [В ситуации знакомства] *Я хотел бы Вам представить господина N* и (2) *Я очень хотел бы Вам представить господина N*. В (1) используется общепринятая формула знакомства, поэтому глагол не допускает

интенсификации; собственно, эта статичность и является знаком вторичности употребления глагола (да и всей грамматической конструкции). Между тем в (2) *очень* сигнализирует, что речь идет именно о желании субъекта, вследствие чего подобное высказывание не может служить интродукцией к знакомству. Ср. еще: (1') *Спасибо и на этом; Спасибо, что не убили* и (2') *Большое спасибо, что не убили*. В последнем случае показатель вариативности ("магнификации") устанавливает прямую связь между названием ситуации (*спасибо*) и действительным положением дел: а) речь идет именно о благодарности; б) эта благодарность адресована слушателю. В (1') же невозможность интенсификации *спасибо* свидетельствует о вторичности употребления этой формы, основанной на некоторой общеизвестной возможности переноса в область иронии; здесь *спасибо* а) не выражает благодарности, б) не обязательно адресовано слушателю (такое *спасибо* может использоваться и в нарративном режиме).

Таким образом, степень общепринятости выбранного способа выражения соотносится с такими признаками, как искренность (прямая связь между словом и "вещью"), личная причастность/формальность, отсутствие личной причастности. Ср.: Рад Вас слышать (при общепринятой - нулевой - мере интенсивности рад может быть и формальным, "неискренним"); Очень рад Вас слышать (очень заставляет в рад увидеть искреннюю, неформальную радость); Страшно/жутко рад Вас слышать (отступление от литературной нормы наделяет рад индивидуальным, личностным отношением) 2.

В заключение приведем пример, когда возможность/невозможность "магнификации" признака задает различное семантическое прочтение

глагола уже на стадии первичного употребления: *Я люблю его* и *Я очень люблю его*. Люблю¹ и люблю² описывают "качественно" разные вещи. Первому люблю чужда широковещательность; парадоксальным образом это люблю совмещает в себе такие свойства, как трудноопределимость и общепонятость. Принадлежа миру коллективного языкового сознания, в межличностном общении люблю¹ является своего рода "паролем", свидетельствующим об обретении "нового зрения". Прилагаясь же к ментальным, духовным объектам люблю¹ задает выход в некие идеальные первоосновы существования, ср.: *Любите Бога, истину..; Я люблю истину (*очень люблю). надеюсь на Бога (*очень надеюсь, ср. очень надеюсь на случай); Он верит в Бога (*очень верит, ср.: Он очень верит в сына и ср. абсолютную некорректность сочетания * очень верует)*. Объекты же люблю² при всем их разнообразии и не чуждости ментальных сфер всегда обладают "посюсторонней" локализацией, ср.: *Я очень люблю Пастернака/это платье/свою собаку/серый чай/Шагала/прогулки в лесу...* Если люблю¹, верю¹ и др. характеризуют прежде всего самого носителя, то люблю² и др. выражают именно отношение, наделяя его знаком индивидуального авторства, личной причастности к предмету.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Истина: фон и коннотации// Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
2. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.

КЛИШИРОВАННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ.

При анализе коммуникативных структур (актуального членения) предложений и коммуникативных ролей составляющих - именных и наречных групп - оказывается, что коммуникативная структура одних типов предложений может варьировать, а у других предложений за каждым синтаксически охарактеризованным компонентом предложения или лексической единицей закрепляется определенная коммуникативная роль.

1) Так, в нейтральном предложении *Нашу лабораторию посетил профессор Иванов* составляющая *нашу лабораторию* - это тема, а *профессор Иванов* - собственно рема (носитель главного фразового ударения). В предложении *Профессор Иванов посетил нашу лабораторию* - наоборот - *профессор Иванов* - это тема, а *нашу лабораторию* - собственно рема. Второе предложение тоже вполне нейтрально, т.е. вклад такой коммуникативной структуры в семантическую минимальный. А вот в предложении *Мне холодно* составляющие *мне* и *холодно* не могут меняться коммуникативными ролями без возникновения существенной добавки в значении предложения, а именно - эффекта контрастного противопоставления, ср. *Холодно мне <а не Васе>*.

2) Так и при анализе коммуникативных ролей лексических единиц : выясняется, что одни лексемы и группы могут играть роль и тем, и рем, как, например, составляющая *профессор Иванов*, а коммуникативная функция других ограничена какой-нибудь одной коммуникативной ролью.

Так, наречия *теперь, порой, сначала, поначалу* и *наконец* могут быть только темами или парентезами, а ремами они не бывают: *Он долго вел бродячую жизнь, играл на свадьбах, в трактирах, на ярмарках и наконец попал в оркестр.* Наречие *редко* обычно бывает только ремой: *Черными эти земли зовут потому, что снег там выпадает редко; Там редко выпадает снег.* Просторечные *намедни, вчерась, теперича (таперича)* и устаревшее *давеча*, а также *сейчас* в значении ближайшего будущего и его просторечный вариант *ща (Я сейчас приду; Ща как дам в морду!)* бывают только парентезами, т.е. безударны с точки зрения фразовых ударений и не могут служить ответом на вопрос *с когда?*

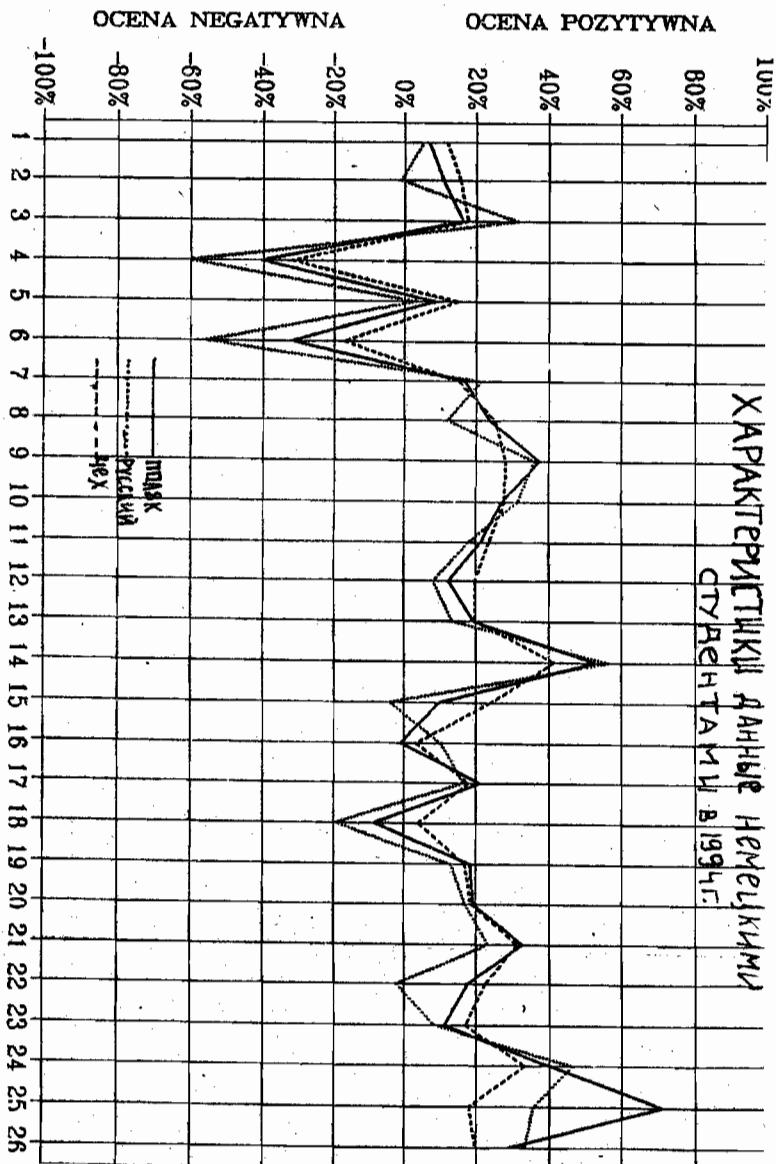
3) У многозначных лексических единиц закрепленная за подзначением коммуникативная характеристика может свидетельствовать о размежевании значений. Так, два значения слова *очевидно* - достоверности (*То, что треугольник равнобедренный, очевидно*) и недостоверности (*Он, очевидно, устал*) - имеют фиксированную коммуникативную характеристику: *очевидно* в значении достоверности всегда рема, а в значении недостоверности - парентеза.

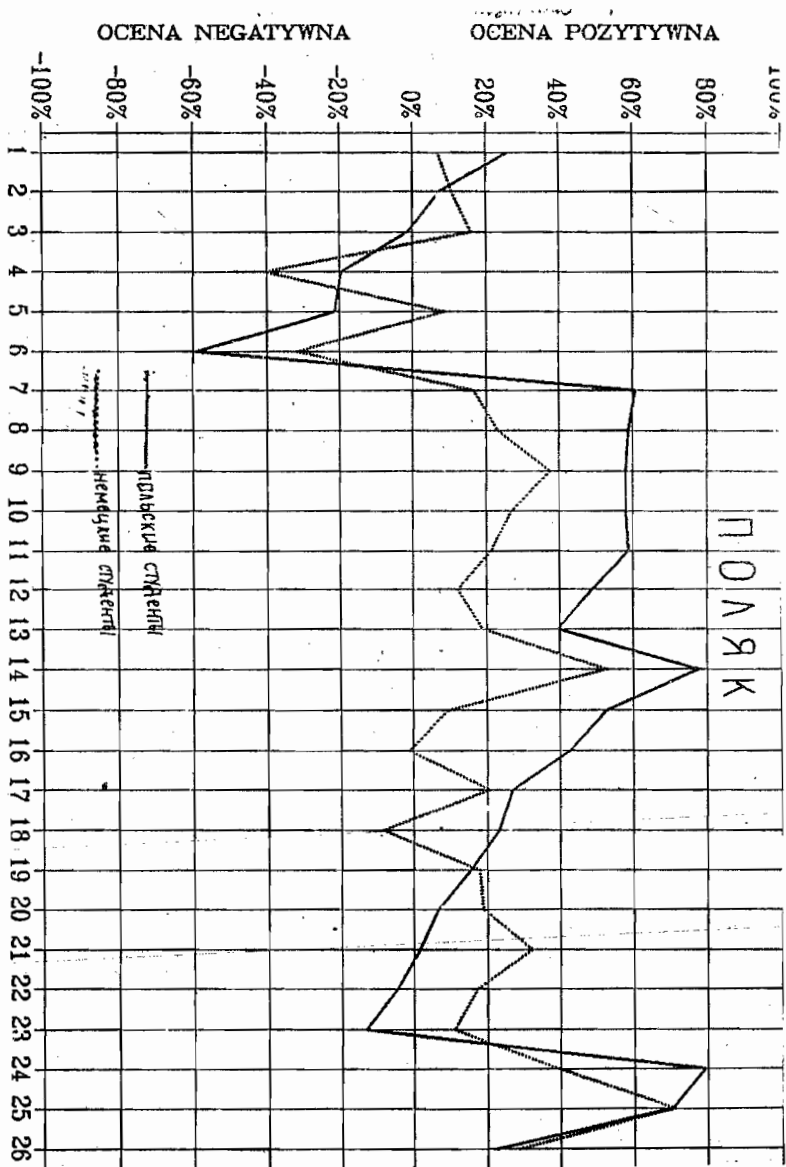
4) Возникает вопрос, почему употребление парентетических обстоятельств времени *теперича, завсегда, ща, вчерась* ограничено только просторечием? Возможно, дело здесь в том, что парентетический статус - это статус многих клишированных выражений особого слоя разговорной речи. Именно вульгарное просторечие содержит большое количество застывших выражений. Таким же свойством клише обладают и многие устаревшие формы, которые уже утратили связь с продуктивными морфемами и моделями. Фиксированный парентетический коммуникативный статус - это шаг на пути перехода полнозначных слов в

междометия и частицы. Ср. фрагменты из рассказа М.Зоценко "Нервные люди": Дрались, конечно, от чистого сердца... Оно, конечно, после гражданской войны нервы, говорят, у народа завсегда расшатываются. Может, оно и так... А приходит, например, одна жиличка ... в девять часов вечера на кухню и разжигает примус. Она всегда, знаете, об это время разжигает примус. А он, провались совсем, не разжигается. Она думает: "С чего бы он, дьявол, не разжигается? Не закоптел ли, провались совсем!...А инвалид, чертова перечница, несмотря на это, в самую гущу вперся...- Пуцай, говорит, нога пропадает! А только, говорит, не могу я теперича уйти.

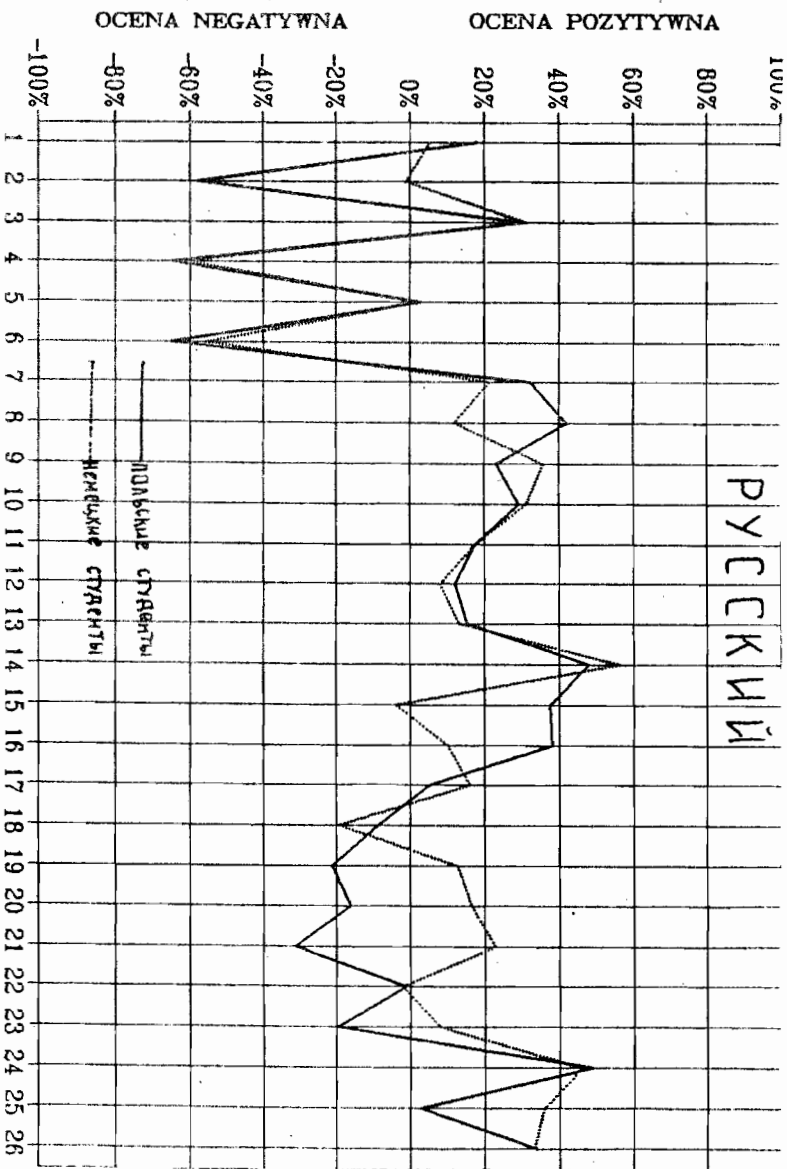
Неподвижность коммуникативной характеристики - это свидетельство идиоматизации лексем, конструкций и структурных схем предложений. Перед нами готовое клише, которое не порождается согласно уровневому представлению о структуре языка, а хранится в готовом виде - в "упаковке", известной заранее.

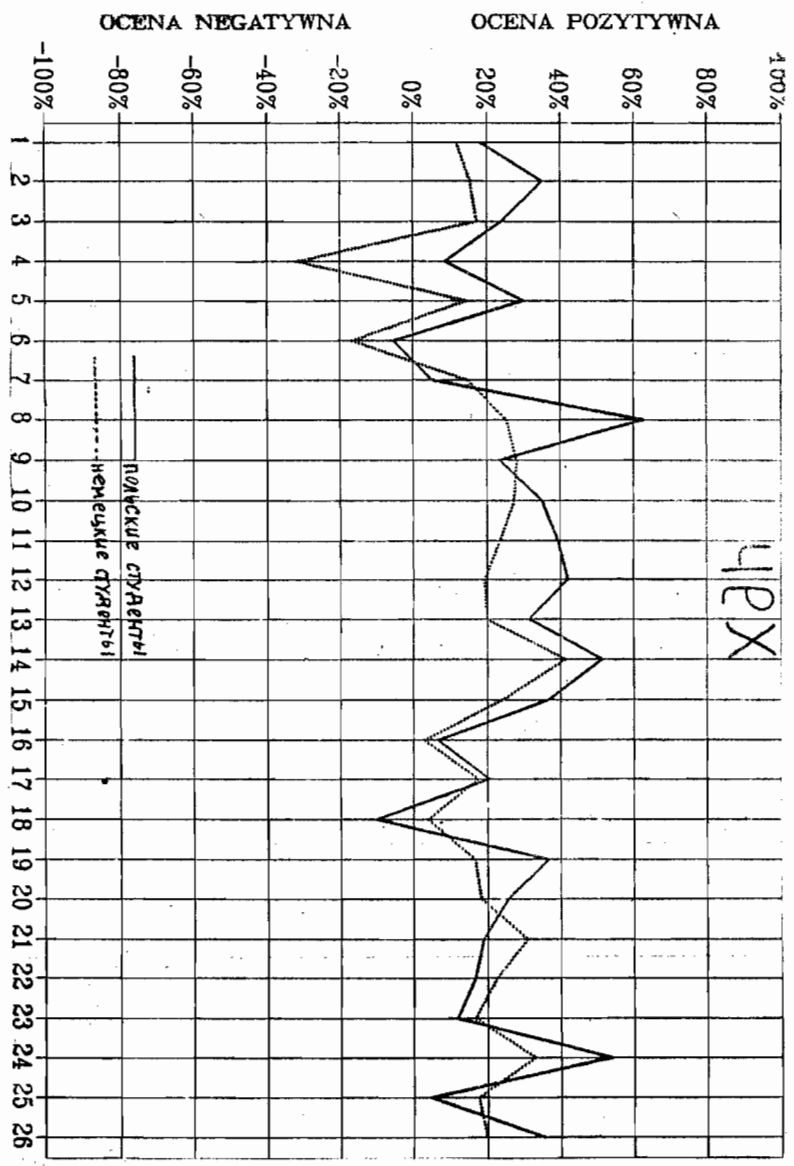
Таблица к статье Е. Барфлинского

РУССКИЙ

4px

Таблица к статье
Е.В. и А.Д. Шмелевых.

	язык ₂ → язык ₁	язык ₁ → язык ₂
фонетика	слабое (кроме интонации, см. прагматика)	сильное (акцент)
лексика	очень сильное (но не на базовый словарь)	умеренное (лексика, связанная с национальной культурой, религией)
синтаксис	умеренное	сильное
прагматика, культурные стереотипы	сильное (стремление подражать носителям основного языка страны - интонация, жесты, манеры)	умеренное или сильное (невольные национально-специфичные жесты манеры, интонация, выбор стратегии речевого общения, употребление частиц и междометий, ориентация на определенные культурные ценности и др.)

РЕЧЕВЫЕ И МЕНТАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Тезисы конференции

ЛР №020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать	12.11.95г.	Усл.-печ. л.	7
Тираж	200	Заказ	22
		Цена договорная	

